ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ
МИЛОТА.
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

ВСЕОБЩАЯ ДРЕВНЯЯ и НОВАЯ ИСТОРІЯ

ОТЪ НАЧАЛА МІРА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ,

содержащая

въ первыхъ четырехъ частяхъ

Исторію Египтянъ, Китайцевъ, Ассіріянъ и Вавилонянъ, Финикіянъ, Евреевъ, Мидянъ и Персовъ, Индіянъ, Скиѳовъ и Цельтовъ, Грековъ, Римлянъ и Карѳагенянъ,

съ присовокупленіемъ общихъ примѣчаній о другихъ древнихъ Азійскихъ народахъ;

а въ послѣдующихъ частяхъ

Всѣхъ Имперій, Королевствъ, Республикъ и другихъ владѣній, нынѣ въ Европѣ извѣстныхъ.

Сочиненіе

АББАТА МИЛОТА.

Переводъ съ Французскаго послѣдняго изданія.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

Изданная С. Селивановскимъ и Я. Свѣшниковымъ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1820.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Октября 31 дня, 1819 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковскій.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 360

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

ЭПОХА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ОТЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ ПАРИЖСКАГО МИРА ВЪ 1763 ГОДУ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Первыя понятія о всеобщей монаржіи.

Остается теперь обозрѣть намъ менѣе половины столѣтія; но сіе краткое пространство времени заключаетъ въ себѣ болѣе достопамятныхъ произшествій, нежели вмѣстѣ всѣ царствованія двадцати Монарховъ Ниневійскихъ, Вавилонскихъ и Экбатанскихъ; болѣе, нежели четыре династіи Фараоновъ.

Безчисленныя причины способствовали къ произведенію сего великаго множества произшествій, для описанія которыхъ потребна была бы кисть Тацита; но которыхъ, по краткости моего сочиненія, не могу изобразить со всѣми оттѣнками.

Главнѣйшая изъ сихъ причинъ есть исполинскій шагъ ума человѣческаго, сдѣланный по открытіи книгопечатанія: Исторія доставила ему множество изобрѣтеній во всѣхъ родахъ; онъ не можетъ уже ихъ потерять; онъ вникаетъ во все его окружающее; пожинаетъ новые лавры побѣдъ, и летитъ отъ одного завоеванія къ другому, доколѣ Океанъ не положитъ ему предѣла.

Нѣкогда шаръ земный раздробленъ былъ на мѣлкіе удѣлы; границами служили народамъ горы и моря; Аравія отдѣлялась своимъ полуостровомъ, Китай великою стѣною, Греція своимъ Архипелагомъ. Римъ, въ послѣдствіи времени, посредствомъ своихъ обширныхъ дарованій, подкрѣпляемыхъ честолюбіемъ посредствомъ удачныхъ злодѣяній и блистательныхъ побѣдъ, распространилъ позорище, представляя на ономъ ужасное лице. Третія часть извѣстнаго свѣта подпала подъ власть Цесарей. Чингис-Ханъ, Магометъ возобновили въ Азіи чудеса побѣдоноснаго Рима; и всѣ народы, ощущавшіе въ себѣ силы, мало по малу стремились ко всеобщей монархіи.

Было время, когда и Карлъ Великій могъ бы сдѣлать Парижъ столицею вселенныя; къ нещастію, онъ одинъ въ то время имѣлъ обширный умъ; сей исполинъ могъ оживотворить только пятьдесятъ милліоновъ пигмеевъ; предпріятіе не имѣло успѣха, и по смерти его Европа осталась въ невѣжествѣ, раздѣленная на малые удѣлы.

Долго упрекали Лудовика XIV за великое желаніе соединить всю Европу подъ одну державу; онъ самъ при смерти своей порицалъ себя за сіе заблужденіе, которое воспрепятствовало учинить полезныя учрежденія въ собственной монархіи; впрочемъ онъ произвелъ въ семъ родѣ великую и вѣчно достопамятную перемѣну: онъ благоразумнымъ своимъ покровительствомъ искусствъ и просвѣщенія содѣлалъ Францію всеобщею, такъ сказать, монархіею, которая въ глазахъ человѣчества несравненно превосходнѣе монархіи, завоеванной оружіемъ.

Наконецъ Французскій престолъ сокрушился отъ древности; война за свободу возгорѣлась въ цѣлой половинѣ свѣта; Французскій народъ, въ безуміи своемъ под-

стрѣкаемый слѣпою ревностію къ вольности, чувствованіемъ своего превосходства, и сказать ли еще? желаніемъ потрузить свои злодѣянія въ пучинѣ славы, избралъ себѣ начальника изъ новой династіи; и свѣтъ, преобразованный геройскою рукою, долженъ былъ управляться другою пружиною.

Съ сего времени поле Исторіи распространилось; она должна уже повѣствовать не о достопамятныхъ происшествіяхъ, но о чудесахъ; и сіи чудеса столько умножились, что потребно было бы десять Ксенофонтовъ для изчисленія оныхъ, и половина вѣка для ихъ описанія.

Такимъ образомъ хотя пространство сіе, заключающее сорокъ лѣтъ, представляется одною точкою въ безмѣрномъ множествѣ протекшихъ вѣковъ отъ образованія свѣта: однако оно содержитъ какую-то удивительную прелесть для человѣка, понимающаго умственныя наслажденія; сіи сорокъ лѣтъ, столь богатыя происшествіями, въ сравненіи съ незанимательностію первыхъ вѣковъ, сближаютъ насъ нѣсколько съ частыми выдумками ума Геродотова.

Изображеніе Франціи до эпохи ея возобновленія

Чтобъ познать всю важность картины, которую мы намѣрены изобразить, надобно разсмотрѣть, какимъ образомъ Франція послѣ смутнаго царствованія слабаго Лудовика XV достигла той славной эпохи, когда государство, защищаемое отъ нападеній иностранцевъ окружающими его Королями, покоилось, подобно Гречеокому Геркулесу, на булавѣ своей, презирая въ семъ положеніи покушенія всѣхъ народовъ, кои бы дерзнули противъ него вооружиться.

Франція, во время двухъ мировъ Парижскаго и Губертсбургскаго, успокоившихъ на нѣсколько лѣтъ Европу отъ долговременныхъ бѣдствій, находилась въ такомъ изнеможеніи, отъ котораго она, по видимому, не иначе могла избавиться, какъ чрезъ ужасное средство завоеванія.

Лудовикъ XV, неспособный самъ по себѣ царствовать, царствовалъ посредствомъ женщинъ; сей Государь въ обѣщіяхъ и почти на ложѣ Маркизы Помпадуръ отрѣшалъ свои Парламенты, соглашался на бѣдственныя узаконенія и назначалъ военачальниковъ. Давно уже народы забыли о данномъ ему титулѣ *возлюбленнѣйшаго*, и сіе забвеніе,

великій для Королей урокъ, ни сколько его не пробудило.

Вся прочая Европа предавалась равной, по видимому, недѣятельности; Испанія и Италія представляли тогда одну только тѣнь политическаго существованія; Польша еще и до слабаго Короля Понятовскаго видѣла ясно въ неизвѣстности будущаго раздѣлъ своихъ владѣній; Султанъ предавался непрестанно сладострастію въ своемъ Сералѣ; Австрійскій домъ опирался болѣе на древнюю свою славу, нежели на опытность и искусство силъ своихъ; держава, возвеличенная Петромъ Великимъ, замышляла тайно о важныхъ предметахъ; но Петръ III, преемникъ Елисаветы, не обращавшій вниманія на превосходныя достоинства своей супруги, свергнутъ былъ съ престола сею Государынею, которая послѣ загладила сей поступокъ незабвенными дѣяніями.

Двѣ только державы могли быть тогда опасны для Франціи: Пруссія и Великобританія. Пруссія, занимавшая всю силу свою отъ Фридерика Великаго, уже чертила планы съ союзными Государями для раздѣленія

Польши; что касается до Великобританіи, ни мало въ могуществѣ своемъ независящей отъ престола; вся сила ея состояла въ ужасномъ флотѣ; она была опаснѣйшая непріятельница; она значила для Франціи то же, что Карѳагенъ для Рима; и гордость ея тѣмъ болѣе усугублялась, что Римъ сей имѣлъ вмѣсто Сципіоновъ только Графовъ Грасъ и Принцовъ Субизъ.

Миръ, о которомъ мы говоримъ теперь, былъ предуготовленъ въ 1761 году фамильнымъ соглашеніемъ, симъ произведеніемъ Герцога Шуазеля, коимъ сей дѣятельный и умный Министръ связалъ вѣчнымъ союзомъ всѣ отрасли Бурбонскаго дома, обладавшія Пармою и престолами Французскимъ, Испанскимъ и Обѣихъ Сицилій; онъ въ договорѣ семъ утвердилъ общность правъ и преимуществъ касательно мореплаванія и торговли; вотъ истинный ударъ государству; потому что договоръ сей вооружалъ новыхъ непріятелей противъ Англіи, и принуждая ее къ раздѣленію силъ, уничтожалъ крѣпость морскаго вооруженія. Парижской миръ.

Питтъ, вѣчный врагъ Бурбонскаго дома, узналъ въ Лондонѣ о фамильномъ согла-

шеніи вскорѣ послѣ подписанія онаго; онъ въ то же время отказался отъ своихъ должностей, что самое и ускорило тотъ миръ, въ которомъ имѣли равную нужду побѣдители съ побѣжденными. Герцогъ Бедфортъ былъ посланъ въ Парижъ для предварительныхъ переговоровъ съ Маркизомъ Гримальди, посломъ Испанскимъ и Герцогомъ Шуазель. Переговоры сіи продолжались только два мѣсяца. Герцогъ Бедфортъ былъ человѣкъ дерзкій; но онъ унизилъ свое высокомѣріе предъ Герцогомъ Шуазелемъ. Послѣ самыхъ жаркихъ споровъ, уполномоченные остановились на одной статьѣ, по которой Англинскій гарнизонъ долженъ оставаться на островахъ Новой Земли и Мигелонѣ для воспрещенія Французамъ ловить треску. Французскій Министръ, досадуя на упорство своего противника въ такомъ дѣлѣ, гдѣ честь государства подвергалась опасности, въ горячности сказалъ ему: *стожъ! я избираю войну, извольте выѣзжать.* Слова сіи долженствовали бы, по видимому, уничтожить всякое примиреніе, но вмѣсто того они склонили къ сему: вотъ славный кругъ, обведенный палкою Попилія. Сей отважный поступокъ

укротилъ Герцога Бедфорша, и онъ отказался отъ своего требованія; тогда подписали миръ. Лестно было для гордости Людовика XV, что онъ и въ самомъ своемъ униженіи сохраняетъ знаки величія; потому что вѣчный врагъ имени Французскаго подписалъ договоръ въ собственномъ дворцѣ его Фонтенеблскомъ.

Миръ 1763 года по истинѣ въ основаніи своемъ есть торжество Англіи; при заключеніи онаго поставили въ виду Ахенскій миръ; но заставили Францію отказаться отъ своихъ требованій на Акадію. Англинскій кабинетъ заставилъ уступить ему Канаду, Мысъ Бретонъ, Гренаду и всѣ острова въ заливѣ и на рѣкѣ Св. Лаврентія. Французскія владѣнія, не состоящія на твердой землѣ, заключались въ небольшомъ островѣ Гореѣ, Сенегалѣ, а въ Индіи въ нѣкоторыхъ конторахъ безъ укрѣпленія, на берегу Коромандельскомъ.

Поношенія Франціи, въ переговорахъ нанесенныя.

Къ вящшему поношенію, покрывавшему вѣнчанную главу невольника Госпожи Помпадуръ, принудили его отказаться отъ требованія своихъ кораблей, взятыхъ во время мира, при торжественномъ нарушеніи

народнаго права. Постановлено было оставить Дюнкирхенскую пристань разоренною, и при томъ подъ надзоромъ Англинскаго комисара; посредствомъ сего Герцогъ Бедфортъ склонилъ гордость своего кабинета къ возвращенію Франціи Гваделупы и Мартиники.

Весьма очевидно, что таковый миръ былъ не что иное, какъ преступленіе, наносящее оскорбленіе правительству; но ежели мы перенесемся мыслію къ тому времени, когда онъ былъ исторгнутъ у слабой Франціи; ежели размыслимъ, что глупость и наглость Королевской любовницы была причиною Французскихъ бѣдствій въ четырехъ частяхъ свѣта; что флотъ Турвильскій и Форбинскій уже не существовалъ; что Французскія разоренныя селенія тщетно призывали мстителей: то мы менѣе будемъ обвинять въ томъ память Герцога Шуазель. Впрочемъ сей Министръ, проникавшій прозорливымъ своимъ окомъ въ будущее, понималъ ясно, что упредить время въ сихъ плачевныхъ обстоятельствахъ значило одержать нѣкоторыя побѣды. Онъ, взирая на достопамятную исторію всѣхъ Француз-

скихъ династій, размышляль, что честь Франціи хотя и можетъ скрыться подъ завѣсою, но не уничтожится; и, къ славѣ своей глубокой политики, надѣялся все, что ни потеряетъ оружіемъ, возвратишь остроумной своей дипломашикой.

Договоръ Губертсбургскій.

Въ то самое время, когда Парижскій договоръ опредѣляль судьбу Франціи и Великобританіи, договоръ Губертсбургскій примиряль три другія державы на твердой землѣ: Императрицу-Королеву и Королей Прусскаго и Испанскаго. Испанія сколько ни огорчена была уступкою Англичанамъ Флориды, утѣшилась въ семъ нещастіи, когда заставили ее играть важное лицо въ Губертсбургѣ. Три короны поручились за всецѣлость ея владѣній, и обѣщались не требовать никакого вознагражденія за военныя издержки; опустошенныя селенія и истощенная государственная казна за ничто почитались.

Ничтожность всѣхъ сихъ договоровъ XVIII вѣка, вымышляемыхъ Махіавелизмомъ, подписываемыхъ слабостію и нарушаемыхъ дерзостію, ясно можно видѣть изъ того, что Императрица-Королева и Король Прусскій включили въ Губертсбургскій миръ главныя

спашьи знаменитаго Вестфальскаго мира; но въ то же самое время оба сіи кабинета поклялись тайно уничтожить оный Палладіумъ, защиту Германіи, посредствомъ раздѣленія Польши. Извѣстно, что смятенія, побудившія къ сему, начались въ слѣдующемъ 1764 году, съ возшествія слабаго Понятовскаго на престолъ Собіескихъ и Ягеллоновъ.

ПЕРВАЯ КНИГА.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ПРЕСТОЛА.

Отъ заключенія Парижскаго мира въ 1763 году до смерти Лудовика XV.

Французская исторія, съ половины царствованія Лудовика XV, повѣствуетъ уже не о томъ великомъ народѣ, который напрягаетъ силы свои для возстановленія своего владычества; но содержитъ въ себѣ описаніе зыблющагося и разрушающагося престола, поддерживаемаго одною мертвою силою: слабый умъ Монарха ничего не производитъ великаго; его хищенія суть дѣйствіе небольшаго Махіавелизма; самыя насилія представляются слѣдствіемъ его слабости.

Глава Первая.

Домашнія нещастія Монарха.

Съ 1764 до 1767. Лудовикъ XV, для примиренія съ своимъ народомъ посредствомъ отеческаго попеченія о щастіи его, желалъ мира, хотя заключеніе онаго и помрачало блескъ прежней его славы; но скорбь скоро возмутила его и воспрепятствовала сдѣлаться отцемъ двадцати милліоновъ подданныхъ. Смерть, сразившая въ короткое время всѣ вѣнчанныя главы, весьма для него любезныя, охладила въ немъ чувствительность; онъ, погрузившись въ хладнокровіе, непрестанно усугубляемаго его любимцами, за долго еще до смерти своей началъ умирать.

Смерть Дофина и Дофины.

Дочь Лудовика XV, Пармская Инфантина, умерла скоропостижно почти въ его объятіяхъ: она была тайная совѣтница въ тѣхъ политическихъ проступкахъ, въ кои вовлекали его любимцы, пользуясь слабостію. Извѣстно, что въ тотъ день, въ который Машольтъ, одинъ изъ умнѣйшихъ министровъ Французскихъ, лишился милости, Лудовикъ написалъ сей Принцессѣ: «Они то «сдѣлали, что принудили меня отставить «министра по моему сердцу; я согласился «на ихъ желанія, но никогда въ сей потерѣ «не ушѣшусь.«

Герцогъ Бургонскій, сынъ Дофина, умеръ преждевременно въ первый годъ по заклю-

ченія мира; а потомъ и самъ Дофинъ. Сей Принцъ, рожденный со всѣми слабостями, и воспитываемый такими придворными, кои не были подобны Монтозье, и такими священниками, кои не были Фенелонами, самъ, такъ сказать, себя сотворилъ, и постепенно просвѣщая свой разумъ и пріобрѣтая способности и добродѣтели, содѣлался надеждою народа: это былъ Марцеллъ, описываемый въ Энеидѣ: онъ умеръ, подобно сему Римлянину, въ цвѣтущихъ лѣтахъ; и какъ таковая смерть показалась неестественною, то злоба обвинила въ оной Герцога Шуазеля, великодушнѣйшаго человѣка: сей клеветѣ повѣрили только развращенные люди, кои изобрѣли оную.

Правда, сей Принцъ умеръ отъ грудной болѣзни, и неискуство врачей ускорило его кончину: впрочемъ не было здѣсь никакого яда, и онъ существовалъ только въ сердцѣ завистливыхъ придворныхъ, искавшихъ мѣста Герцога Шуазеля.

За потерею Дофина послѣдовала смерть Дофины. Сія Принцесса, бдѣвшая неусыпно надъ малымъ наслѣдникомъ короны, заразилась ядовитыми нечистотами, и погибла жертвою своего мужества.

Но симъ не кончились еще домашнія нещастія Лудовика XV; онъ долженъ еще за долго до своей смерти лишиться собственныхъ чувствъ. Тесть его былъ тотъ Станиславъ Лещинскій, которого Карлъ XII сдѣлалъ на минуту Королемъ Польскимъ,

Плачевная кончина Короля Станислава Лещинскаго.

и который потомъ царствуя въ Лотарингіи, сдѣлался Типомъ сей провинціи. Станиславъ покровительствовалъ искусствамъ; писалъ самъ съ дарованіями и чувствительностію, какъ можно судить о семъ по письму къ Королевѣ Французской, помѣщенному въ *Твореніяхъ благодѣтельнаго Философа*. Въ то самое время, когда народъ, полагаясь слѣпо на здравую и бодрую его старость, ни мало не ожидалъ, вдругъ сразила его смерть, ни мало неожиданная и весьма плачевная: огонь, упавшій ночью на его платье, зажегъ чепки, которыя онъ носилъ на груди своей, и произвелъ столь глубокую рану, что всѣ усилія лекарей остались тщетны; онъ умеръ въ мученіяхъ, кои ни мало несвойственны мирной и благотворительной душѣ подражателя Марку Аврелію.

Смерть Королевы Французской.

Дочь Станислава не долго жила послѣ своего отца; она давно страдала одною изъ тѣхъ болѣзней, неизвѣстныхъ обыкновеннымъ лекарямъ, кои они, для ослѣпленія невѣжества, называютъ произвольными именами; болѣзнь Французской Королевы названа въ бюллетеняхъ сего факультета coma vigil: такъ выражали оцѣпенѣніе больнаго, который чувствуетъ дѣйствіе своихъ физическихъ органовъ, но нѣкоторая непонятная причина останавливаетъ дѣйствіе душевныхъ способностей. Государыня жила однимъ тѣломъ много мѣсяцевъ, и тогда, какъ думала, что начала поправляться, она скончалась.

До всѣхъ сихъ ударовъ Лудовикъ XV испыталъ такой, который долженъ былъ истощить всю его чувствительность: онъ лишился своей любовницы, Маркизы Помпадуръ. Любовь его, истощавшаяся отъ наслажденій, много лѣтъ была не что иное, какъ связь, происходящая отъ привычки; почему онъ въ послѣдніе мѣсяцы ея болѣзни сдѣлалъ подробный ращетъ, который доказывалъ его равнодушіе. Узнавъ отъ лекарей, что болѣзнь ея была неизлечима, онъ до крайности усугубилъ свои старанія и покорность; совѣтовался съ нею обыкновенно о выборѣ военачальниковъ и объ отставкѣ министровъ, такъ что она, по выраженію одного дипломатика, умерла, державши въ рукахъ вожди правленія монархіи: но едва испустила послѣдній вздохъ, какъ Монархъ показалъ ужасное равнодушіе; онъ, смотря изъ дворца своего на выносъ умершей, не пролилъ ни одной слезы. Сія нечувствительность сдѣлала его ненавистнымъ, хотя оная и не проистекала отъ сожалѣнія о женщинѣ, которая столько употребляла во зло верховную власть. Смерть Маркизы Помпадуръ.

Сія комедіанка, игравшая столь долго и столь худо лицо Королевы, кончила жизнь свою 15 Апрѣля 1764 года. Она не имѣла обширнаго ума; но сей недостатокъ дополняла оборотливостію и пронырствомъ, кои замѣняютъ при дворахъ глубокомысліе. Она была совершенная невѣжда въ художествахъ; но по склонности своей по-

кровительствовала онымъ, и ей приписали въ рисованіи и гравированіи такія дарованія, коихъ она не имѣла. Она собрала безмѣрное богатство постыднымъ образомъ. Извѣстно, что продажа однихъ домашнихъ уборовъ ея продолжалась цѣлый годъ, и по описи оказалось 12,000 табакерокъ. Четыре части свѣта были данницами чрезмѣрной ея роскоши и наглаго хищничества.

Величайшія бѣдствія Франціи, происшекающія отъ пагубнаго вліянія на дѣла Гжи Помпадуръ, содѣлали еще презрѣннѣе картину ея жизни. Всѣмъ извѣстно было, что она возжигала соблазнительныя распри Короля съ Парламентами; что она опредѣляла глупыхъ министровъ, каковы Морассы и Сешелли; что она назначала полководцами Субизовъ и Клермонтовъ; что все это покрыло стыдомъ Французское правительство, а воинскіе станы наполнились трупами и погребальными почестями. Сія властолюбивая и презрѣнная женщина, наполнивъ Европейскіе кабинеты посланниками безъ дарованій, поссорила Французовъ съ Королемъ Прусскимъ и заставила заключить съ Императрицею-Королевою такой миръ, который былъ началомъ бѣдствій сей монархіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Уничтоженіе Езуитскаго ордена.

Среди всѣхъ сихъ плачевныхъ позорищъ 1766.
тайно предуготовлялась перемѣна въ одномъ монашескомъ орденѣ, хотя и не ожидали оной отъ престола слабаго и безсильнаго, поддерживающагося отъ совершеннаго упадка однимъ призракомъ почтенной своей древности: я говорю о обществѣ Езуитовъ, о орденѣ чрезмѣрно опасномъ для политики; потому что оный нападаетъ на правленія посредствомъ совѣсти народовъ и потрясаетъ самовластіе престоловъ неограниченною властію олтарей. Оный распространился во Франціи, не смотря на всѣ сопротивленія; его страшились, потому что Езуиты поперемѣнно были то духовниками у Королей, то заставляли ихъ умерщвлять. Въ то самое время, когда сей орденъ, подобно кедру, скрывалъ главу свою въ облакахъ, пресмыкающееся животное подточило его корни и уничтожило бытіе его.

Банкротство сихъ монаховъ, послѣдовавшее отъ непозволительной торговли въ Мартиникѣ, было причиною сей перемѣны. Парламентъ употребилъ сей случай къ разсмотрѣнію устава ордена. Правила онаго были остроумны; но столько вредны для нравственности, что воспламенили сильнымъ жаромъ сочинителя Провинціальныхъ Писемъ. Сіе уклоненіе отъ благонравія состояло

не въ одномъ умозрѣніи; но ссылались на Климентовъ, Равальяковъ и особливо на Езуита Малагриду для оправданія въ цареубійствахъ. Трудно было, въ просвѣщенномъ вѣкѣ, обществу, подозрительному для всѣхъ сословій въ государствѣ, устоять противъ таковаго нападенія. Аббатъ Шовелень, осужденный природою на смерть, посвятилъ послѣдніе дни своей слабой жизни на пораженіе сего колосса, и оный исчезъ скоро.

Герцогъ Шуазель, имѣвшій отвращеніе къ Езуитамъ, какъ къ политикамъ и сектантамъ, приступилъ съ такимъ искусствомъ къ сему дѣлу, что ничто не могло ему воспрепятствовать исполнить намѣреніе, клонящееся къ истребленію Езуитовъ. Онъ отнесся сперва къ любовницѣ Королевской, и получилъ отъ нее согласіе; потомъ переговорилъ о томъ съ Королемъ съ такою откровенностію, которая открыла ему всѣ пути къ престолу; и Государь, отвѣчая ему тѣмъ же тономъ, сказалъ смѣючись: *да, не досадно бы для меня было видѣть въ своей галлереѣ отца Демарета, моего духовника, Аббатомъ.* Сіи вздорныя слова, одобренныя Янсенистами, управлявшими Парламентомъ, были смертнымъ приговоромъ для Езуитскаго общества.

Впрочемъ Французы, разсуждая о великомъ вліяніи Езуитовъ на Оба Свѣта, опасались, дабы обстоятельства не заставили отступить обратно для сохраненія тишины въ орденѣ общежительномъ. Почему

Французскій дворъ вздумалъ испытать Рикчи, начальника сего ордена, какъ онъ думаетъ о уничтоженіи онаго. Отвѣтъ сего преемника Игнатія былъ кротокъ и выразителенъ: Sint ut sunt aut non sint: (*пусть будетъ такъ, какъ есть, или пусть вовсе не будетъ.*) Гордость Королей оскорбилась таковымъ отвѣтомъ, и Езуиты исчезли.

Надобно отдать справедливость сему Рикчи; онъ былъ человѣкъ умный и неутомимый, весьма способный къ исправленію своей должности. Ежели бы онъ жилъ во время Магомета, то твердостію своею и фанатизмомъ покорилъ бы Арабовъ; а ежели бы, при послѣднемъ изъ Бурбоновъ подобный ему Министръ управлялъ государствомъ, Французская монархія паки бы поправилась.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Различныя министерства во Франціи.— Судебныя дѣла, къ стыду всѣмъ извѣстныя.

Генералъ Контролеры государственныхъ доходовъ

Государственные доходы въ сіи нещастныя времена, описываемыя нами, были въ крайнемъ растройствѣ; и таково было начало униженія Французовъ въ походахъ и кабинетахъ Европейскихъ. Тогда былъ Генералъ-Контролеромъ Бертень. Онъ отмѣнилъ сборъ денежныхъ вспоможеній, учрежденныхъ его предшественникомъ, который встрѣвожилъ всѣ сословія; но какъ всякое умозрѣніе въ разсужденіи государственныхъ

доходовъ состояло у сихъ скудныхъ умовъ въ одной только выдумкѣ новыхъ пустотъ для замѣщенія прежнихъ, то онъ и замѣнилъ денежныя вспоможенія двадцать третіею долею, удвоеніемъ и утроеніемъ поголовной подати. Средство сіе не удовлетворило чаянію народа, уже подавленнаго тяжестію налоговъ и военными бѣдствіями. Впрочемъ сей Бертень не имѣлъ подлой души придворныхъ. На мѣсто его опредѣлили другаго; и для погашенія раздоровъ между дворомъ и правительствомъ избрали, по хитрости своей, сего преемника изъ самаго Парламента; поручили ему смотрѣть за злоупотребленіями верховной власти. Дворъ назначилъ въ Генералъ-Контролеры Совѣтника Лаверди, скрытнаго начальника издыхающаго Янсенизма; и его опредѣленіе было дѣло Герцога Шуазель. Лаверди не оправдалъ великой надежды, которую имѣлъ о немъ народъ; сей правитель былъ недальновидѣнъ, и однимъ только высокомѣріемъ старался скрывать отъ обыкновенныхъ людей свою неспособность. Онъ во время своего управленія дѣлалъ однѣ только ошибки, и сей слабый Бертень вскорѣ раскаялся.

Управленіе Герцога Шуазель

Хотя управленіе Герцога Шуазель было весьма слабо и, подобно правленію Лаверди, безъ правилъ; но сей человѣкъ, по справедливости знаменитый, управлялъ тогда тремя министерствами; ибо двоюродный братъ его, Герцогъ Праслень, былъ не что иное, какъ

машина, которою управлялъ онъ всѣми движеніями. Хотя власть Шуазеля и была стѣсняема любовницами; однако она не уступала власти древнихъ придворныхъ Меровъ; и можетъ быть надлежало бы желать, чтобъ Монархъ былъ совершенно малолѣтный, дабы обширный умъ министра развернулся для благоденствія монархіи.

Герцогъ Шуазель желалъ мира, дабы Франція отдохнула отъ своихъ долговременныхъ нещастій; онъ почиталъ его единственнымъ средствомъ къ прекращенію мучительнаго состоянія политическаго тѣла, которое начинало открываться: но сей миръ, въ благодѣтельныхъ его мысляхъ, имѣлъ основанія различныя отъ Парижскаго мира, который, какъ мы видѣли, былъ уже подписанъ. Онъ вступилъ сперва въ переговоры съ Герцогомъ Арандой о утвержденіи фамильнаго договора и о устроеніи Испанскаго флота. Не довольствуясь симъ не прямымъ ударомъ, нанесеннымъ самовластію Великобританіи, онъ возбудилъ противъ ней въ Индіи, въ лицѣ Гидеръ-Али, ужаснаго врага, который со временемъ положитъ предѣлъ хищеніямъ ея поселенцевъ.

Впрочемъ начало управленія Шуазеля морскимъ вооруженіемъ при распоряженіи военными и иностранными дѣлами, не только не было удачно, но онъ потерялъ Сенп-Луцію, поручивъ ее въ управленіе развращенному человѣку; онъ послалъ 120 о человѣкъ во Французскую Гвіану, и всѣ почти они, по

кратковременномъ пребываніи въ сей вредоносной странѣ, погибли. Вскорѣ послѣ того онъ, посредствомъ своего перевѣса въ совѣтахъ и кабинетахъ Европейскихъ, вознаградилъ сію потерю отнятіемъ Авиньона у Папы и пріобрѣтеніемъ Корсики, которая сорокъ лѣтъ спорила съ Генуезцами о своей независимости.

Безразсудные и вредные доносы.

Во время сего правленія, которое, вопреки намѣреній министра, не всегда было спасительно, возникли на вельможъ такія жалобы, кои бы здравая политика должна была погасить при самомъ началѣ.

Герцогъ Фицъ-Жамъ.

Первой изъ таковыхъ доносовъ былъ на Герцога Фицъ-Жама, Лангедокскаго военачальника, который, огорчившись сопротивленіями Тулузскаго Парламента въ разсужденіи внесенія въ протоколъ нѣкоторыхъ указовъ о чрезвычайныхъ податяхъ, до того во зло употребилъ военную власть свою, что всѣхъ членовъ собранія взялъ подъ стражу въ собственныхъ домахъ. Дерзкій Парламентъ постановилъ опредѣленіе о взятіи подъ стражу военачальника, который, по званію Пера Франціи, могъ быть судимъ только Парижскимъ Парламентомъ. Дворъ вступился, и, къ щастію и чести престола, опредѣленіе Тулузскаго Парламента было уничтожено; но Герцогъ Фицъ-Жамъ остался сильнѣе прежняго.

Графъ Лалли.

Дѣло, производимое о Графѣ Лалли, еще было несноснѣе, и гораздо болѣе произвело волненія въ мысляхъ народа. Сей Ирландскій

Генералъ обвиненъ былъ верховнымъ Пондишерскимъ Совѣтомъ въ бѣдствіяхъ Французскихъ поселеній въ Индіи. Едва онъ прибылъ ко двору въ Фонтенебло, какъ объявили ему королевское повелѣніе о заключеніи его въ Бастилію. Онъ написалъ жаркую прозьбу къ Герцогу Шуазелю, въ которой изъяснялъ, что предлагаетъ Королю свою голову и невинность. Сей образъ выраженія не показывалъ виновнаго; но таковая гордость никого не тронула при дворѣ, при которомъ искали виновника для оправданія въ сихъ великихъ бѣдствіяхъ. Генералъ того же дня былъ взятъ подъ стражу, и пробылъ въ Бастиліи пятнадцать мѣсяцовъ, доколѣ не позвали его къ допросу.

Графъ Лалли былъ человѣкъ весьма жестокій; онъ, по гордости своей, сказалъ нѣсколько дерзкихъ словъ поселенцамъ, можетъ быть и причинилъ нѣкоторыя жестокости Чернымъ; но никогда не былъ замѣченъ въ государственномъ преступленіи, по крайней мѣрѣ въ разсужденіи главнаго начальника. Вольтеровы слова, столь извѣстныя, достойны въ семъ случаѣ быть помѣщены въ Исторіи: *Всѣ люди имѣли право защищать его, кромѣ палача.*

Какъ бы то ни было, Парижскій Парламентъ приступилъ къ изслѣдованію сего дѣла, хотя оно и долженствовало, по видимому, принадлежать Военному Совѣту. Въ сіе время, кажется, не знали даже побудительныхъ причинъ, удерживающихъ отъ

производства дѣлъ, бывшихъ тогда въ обыкновеніи; ибо никакой историкъ не упомянулъ объ оныхъ. Безъ сомнѣнія, производство сего дѣла требовало безчисленныхъ подробностей и разысканій; великое множество обстоятельствъ, служащихъ къ обличенію или оправданію обвиняемаго, не иначе можно было изслѣдовать, какъ по долговременномъ разсмотрѣніи; потребны были такіе люди, кои бы привыкли къ медленному ходу дѣлъ, умѣли бы взвѣсить всѣ обстоятельства, и обнаружить преступленіе, всегда почти прикрываемое мраками, болѣе или менѣе густыми.

Уголовная палата была несравненно способнѣе Военнаго Совѣта къ труду столь продолжительному и столь мѣлочному; но здѣсь надлежало опасаться, чтобъ статскіе люди не начали судить совсѣмъ иначе, нежели военные. Сіе самое и случилось. Члены Парламента видѣли въ Графѣ Лалли родъ только нѣкоего тирана, который самовластно владычествовалъ надъ нещастными поселенцами. Они справедливо думали, что таковой образъ правленія послужитъ къ дальнѣйшимъ потерямъ селеній, коихъ жители, вознегодовавъ, непремѣнно свергнутъ иго столицы. Въ семъ мнѣніи они почли за долгъ показать особенный примѣръ для устрашенія впредь тирановъ селеній, и осудили Лалли на смерть.

Сей нещастный Генералъ, приведенный въ палату для отобранія послѣдняго допроса,

увидѣвъ, что съ безчестіемъ снимаютъ съ него орденъ; тщетно показывалъ онъ своимъ судьямъ знаки послѣ четырнадцати ранъ, полученныхъ имъ на полѣ чести. Ничто не могло преклонить неумолимаго Ареопага, и ему прочитали смертный приговоръ. Тогда онъ, сбросивъ съ себя личину Сократа, началъ проклинать небо и землю; что самое и положило на нѣсколько минутъ покрывало на его невинность.

Изъ всѣхъ подобныхъ дѣлъ самое безчестнѣйшее было для короны дѣло Шалоте, Бретанскаго судьи, который столько же былъ правосуденъ и столько просвѣщенъ, какъ и добродѣтельный де Ту. Сіе дѣло, о которомъ столь долго твердили во Франціи и во всей Европѣ, оставалось безъ рѣшенія; а между тѣмъ правосудный мужъ умеръ въ ссылкѣ, какъ человѣкъ низкій и порочный. И послѣ испроверженія престола, который былъ причиною его долговременныхъ нещастій, ни одному изъ правителей не приходило на мысль подать свой голосъ для оправданія сего умершаго. 1765. Шалоте

Лаверди, бывшій тогда государственнымъ Казначеемъ, по глупости своей, множествомъ указовъ о чрезвычайныхъ податяхъ, безразсудною мыслію облегчить государственные долги посредствомъ погашенія чрезмѣрныхъ долговыхъ суммъ условіями о процентахъ, коихъ уплаты не можно было требовать, а особливо дерзкими предписаніями, клонившимися къ уничиженію не-

ликихъ правъ провинціальныхъ чиновъ, произвелъ смятенія въ Бретани, которыя и были началомъ бѣдствій Шалоте. Правда, Лаверди скоро былъ наказанъ за свое глупое высокомѣріе, и наказанъ тѣмъ, чего онъ болѣе всего страшился, то есть, лишеніемъ министерства. Герцогъ Шуазель возвелъ на его мѣсто Менонъ д'Инвана, человѣка честнаго, но съ обыкновеннымъ умомъ, который и кончилъ свое поприще, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. По немъ поручили правленіе симъ безпокойнѣйшимъ Депарпаментомъ тому знаменитѣйшему Аббату Террай, который потрясъ всѣ частныя имущества для поддержанія общественной издыхающей казны, и при великомъ умѣ своемъ показалъ величайшую злобу.

Шалоте былъ Оберъ-Прокуроромъ Парламента, когда туча, давно уже ему угрожавшая, грянула надъ его головою. Сей чиновникъ во время уничтоженія Езуитскаго общества написалъ краснорѣчивѣйшее сочиненіе, подъ названіемъ: *Данный Отчетъ*, которое было лучшими людьми одобрено. Тайные друзья сего разсѣяннаго общества, каковыхъ было много въ Европѣ, никакъ не простили Шалоте сего мужественнаго поступка; они поссорили его съ министромъ Лаверди, котораго глупое высокомѣріе онъ непрестанно обнаруживалъ. Герцогъ Эгильіонъ, Комменданпъ Бретанскій еще болѣе долженъ былъ жаловаться на язвительную эпиграмму Шалоте. Сей вельможа, во время

высадки Англичанъ при Сен-Кастѣ взлѣзъ на мельницу для лучшаго управленія Французскими войсками, ихъ отразившими. Когда донесли Оберъ-Прокурору, что Герцогъ покрылъ себя славою, онъ присовокупилъ съ притворною улыбкою: *скажите и мукою.* Сія неосторожность, послужившая благопріятнымъ случаемъ для ненависти Езуитовъ, воспламенила сильную злобу въ мстительномъ сердцѣ Герцога Эгилліонъ, который поклялся отплатить Шалоте за насмѣшку смертнымъ приговоромъ.

Кто какъ хочетъ, такъ и судитъ о семъ анекдотѣ, который лучшіе изъ Бретанцевъ намъ выдали за достовѣрный; только во время ночи 10 Ноября 1765 года оба Шалоте, отецъ съ сыномъ, и три Совѣтника Бретанскаго Парламента, были взяты изъ домовъ своихъ, по Королевскому указу, и заключены въ темницу за преступленіе справедливое, или ложное, состоящее въ томъ, что они выдали нѣсколько сочиненій противъ членовъ правленія. Вся Бретань встревожилась отъ сей явной несправедливости; но ея слабый ропотъ послужилъ только къ отягощенію участи нещастныхъ.

Реинскій Парламентъ не ожидалъ столь сильнаго удара, клонящагося къ его уничтоженію. Герцогъ Эгилліонъ не любилъ уступать, особливо ежели страдала его гордость; онъ составилъ новый Парламентъ изъ членовъ, ему предавшихся. Сей беззаконный Парламентъ не пріобрѣлъ никакой довѣрен-

ности; лучшіе изъ стряпчихъ не захотѣли говорить въ немъ суда; принужденность въ рѣчахъ навлекла имъ поношеніе и стыдъ. Между тѣмъ Парламентъ примирился на минуту съ народнымъ мнѣніемъ, потому что отказался производить судъ надъ Шалоте и добродѣтельными товарищами въ его нещастіи, что самое и заставило Герцога Эгилліонъ учредить въ Сен-Мало Королевскую палату для удовлетворенія своему жестокому мщенію.

Сія подлая и безчеловѣчная палата преданностію своею купила себѣ покровительство Коменданта Бретанскаго. Уже смертный приговоръ былъ подписанъ; уже палачь отправился изъ Парижа съ орудіями казней для совершенія убійства, судомъ опредѣленнаго: но Герцогъ Шуазель, побуждаемый совѣстію и чувствованіемъ мужества, побѣжалъ въ Версаль съ строгими представленіями отъ Парижскаго Парламента, устрашилъ робкаго Лудовика XV, показавъ ему издали нападенія, угрожавшія его коронѣ, и заставилъ отмѣнить смертный приговоръ. Тогда обвиненные вышли изъ Бастиліи; но Монархъ не только объявилъ, что онъ никогда не возвратитъ своей довѣренности симъ преступникамъ, но и отправилъ ихъ въ ссылку, удаленную отъ отечества, весьма ими уважаемаго. Сіи знаменитые изгнанники умерли въ удаленіи отъ онаго, имѣя единственнымъ для себя утѣшеніемъ въ долговременномъ нещастіи Бога, соб-

ственную невинность и надежду, что о именахъ ихъ со временемъ будутъ упоминать съ уваженіемъ въ лѣтописяхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Возвышеніе Канцлера Мопу. — Уничтоженіе Парламента во Франціи.

Исторія научаетъ, что слабые Монархи обыкновенно окружаются злыми министрами, кои покровительствуютъ зыблющимся престоламъ съ такимъ духомъ, какой вливаетъ въ нихъ злоба. Таковы особливо были министры подъ конецъ царствованія Людовика XV: Аббатъ Терай и Канцлеръ Мопу. Они оба употребили свои дарованія для народнаго нещастія; оба нашли защитниковъ, но не друзей; и ежели они могли пріобрѣсть права на славу, то должны славиться одною только знатностію. Съ 1770 по 1774.

Канцлеръ Мопу, первый Предсѣдатель Парижскаго Парламента и опаснѣйшій врагъ своихъ сочленовъ, потому что коварный человѣкъ никогда не прощаетъ проникающимъ его намѣренія, вкрался у Короля въ довѣренность посредствомъ гибкости и такой подлости, что стоялъ на колѣняхъ предъ любовницею Людовика, дю Барри, которая тогда уже начала показывать опыты своего могущества. Онъ до того простеръ свою подлость, что породнился съ сею развращеннѣйшею женщиною, у которой не было ни отца, ни предковъ; ѣздилъ на по- Начало нещастія Мопу. Начало дѣйствій Парламентовъ

клонъ къ Негру сей распутной женщины; дѣлалъ себѣ насиліе для удовлетворенія своему подлому мщенію; унижался для причиненія вреда другимъ; пресмыкался для притѣсненія людей. Симъ хитрымъ поступкомъ онъ достигъ сверхъ своего чаянія желаемой цѣли. Посредствомъ придворныхъ пронырствъ сдѣлался Канцлеромъ Франціи, по уволеніи отъ сей должности благоразумнаго Ламуаньона Бланк-Месниля, отца знаменитаго Малгерба, котораго искусно принудили сложить съ себя Канцлерское званіе.

Мопу, приступивъ къ управленію государственныхъ дѣлъ, вознамѣрился утвердить свое могущество посредствомъ присовокупленія себѣ знатныхъ товарищей. Герцогъ Эгилліонъ былъ тогда въ милости и у любовницы Монарха, по тайнымъ связямъ, и у самаго Монарха; потому что онъ производствомъ дѣла о Шалотѣ распространилъ его самовластіе. Хитрый начальникъ правосудія условился съ нимъ общими силами стараться о испроверженіи Парламентовъ, и къ нещастію Франціи, а потомъ и Европы, успѣлъ въ томъ весьма много.

Бретань не забыла грабительствъ и насилій Герцога Эгилліона въ бытность его Комендантомъ. Реинской Парламентъ до распущенія своего собралъ тайно доказательства на оныя, навелъ законы, и началъ производить дѣло, по которому бы погибъ навсегда ненавистный Комендантъ, ежели былъ бы какой стыдъ въ сердцѣ

Лудовика XV, и важность въ его правленіи. Король, по наговорамъ Канцлера и любовницы, вызвалъ дѣло въ палату Перовъ, составилъ изъ нихъ засѣданіе, и все было уничтожено. Монархъ, не довольствуясь симъ самопроизвольнымъ поступкомъ, скрылъ совершенно самую сущность дѣла; но народное мнѣніе не соглашается съ судебными мѣстами. Парижскій Парламентъ, приступивъ къ объясненію сего и объявилъ въ своемъ достопамятномъ опредѣленіи, что не смотря на уничтоженіе дѣла, *честь Герцога Эгилліонъ остается замаранною*. Сіе отважное постановленіе противъ утѣснителя Бретани послужило началомъ постепеннаго уничтоженія Парламентовъ.

Между тѣмъ Моп не дремалъ во время борьбы Парламентовъ съ престоломъ. Онъ пришелъ въ Парламентъ съ Монархомъ въ то время, когда никто не ожидалъ; приказалъ взять подлинникъ дѣла о Герцогѣ Эгилліонѣ, и запретилъ всякое разсужденіе о такомъ судебномъ предметѣ, который рѣшилъ Государь. Парламентъ отвѣчалъ угрюмымъ, но величественнымъ молчаніемъ. Онъ подобенъ былъ тѣмъ Римскимъ Сенаторамъ, кои въ курульскихъ своихъ креслахъ ожидали воиновъ Бренновыхъ, посланныхъ для ихъ умерщвленія.

Изгнаніе и уничтоженіе Парламентовъ

Канцлеръ, видя столь нещастное предзнаменованіе, замѣтилъ, что не можно остановиться безъ опасности. Онъ хладнокровно и безъ всякаго замѣшательства постановилъ

опредѣленіе о изгнаніи, бывъ увѣренъ, что успѣхъ его дерзости оправдаетъ его преступленія.

Въ полночь и въ томъ же самомъ часу явились у всѣхъ членовъ Парламента драгуны и именемъ Короля приказали симъ нещастнымъ приступить къ исполненію должностей своихъ, которыя опасность государства заставила ихъ отложить на время. Отвѣтъ надлежало подать на письмѣ, и сказать только: *да* или *нѣтъ*. Всѣ почти написали: *нѣтъ*.

Мщеніе соединилось съ мужествомъ. Въ слѣдующую ночь придверникъ объявилъ опредѣленіе Совѣта, по которому каждый ослушникъ изъ Парламентскихъ членовъ лишается своего званія. Въ то же самое время часовой драгунъ показалъ Королевскій указъ, по которому надлежало ихъ отправить въ ссылку. Никогда еще съ самаго возшествія послѣдней династіи на престолъ Французскій съ большею дерзостію и безстыдствомъ не нарушали сихъ полезныхъ установленій, кои служатъ законами монархіямъ, неимѣющимъ конституціи.

Но надлежало опасаться, чтобъ прерваніе судопроизводства между двадцатью пятью милліонами человѣкъ не произвело безпорядковъ, столь же великихъ, какъ и междоусобная война. Моп, какъ человѣкъ опытный въ злодѣяніи, все предусмотрѣлъ. Онъ въ Шателѣ обольстилъ начальниковъ, и тамъ продолжали исправленіе дѣлъ. Что жъ ка-

сается до перваго отдѣленія Парламента, Мопу, надѣясь на голосъ измѣнника Николая, которому обѣщалъ первое предсѣдательство, обратилъ Великій Совѣтъ въ Парламентъ.

Послѣ сей великой перемѣны учредили шесть Верховныхъ Совѣтовъ: въ Блуа, Аррасѣ, Шалонѣ, Клермонтѣ, Ліонѣ и Пуатьерѣ, и преобразовали всѣ Парламенты въ Королевствѣ по покрою Мопу, то есть, поставили на мѣсто Катоновъ людей глупыхъ или безчестныхъ. Сію цѣпь злодѣяній, учиненныхъ противъ политики, заключили засѣданіемъ, въ которомъ изъ всѣхъ Принцовъ Крови одинъ только Графъ де ла Маршъ присутствовалъ. Король сказалъ здѣсь грознымъ голосомъ: „не говорите мнѣ болѣе о „возстановленіи Парламентовъ; приговоръ „надъ ними учиненъ, и я никогда не перемѣню своего мнѣнія.“

Впрочемъ сей Государь, добрый отъ природы и показывавшій себя жестокимъ по причинѣ слабости, видя себя совершенно оставленнаго всѣми, со времени тиранства Канцлера, чувствовалъ иногда угрызенія; но новая любовница, примѣтивъ сіе, тотчасъ подводила его къ славной Вандиковой картинѣ Карла I, и показывала ему, что сей нещастный возведенъ былъ на эшафотъ Англинскимъ Парламентомъ. Сія ужасная повѣсть всегда имѣла свое дѣйствіе надъ безчувственнымъ Монархомъ, жившимъ только для самаго себя, и Канцлеръ не переставалъ

царствовать въ Парижѣ, между тѣмъ какъ Людовикъ XV былъ Королемъ только въ своемъ сералѣ.

По щету оказалось, что испроверженіе гражданскаго правительства стоило истощенному государству четырнадцати милліоновъ для подкупленія повѣренныхъ самовластія, и ста милліоновъ для уплаты отобранныхъ въ казну имуществъ. Менѣе бы издержали на заведеніе новаго флота, который бы на островѣ своемъ заставилъ трепетать основанное на хищеніяхъ Великобританское правительство.

Впрочемъ надобно быть справедливымъ и въ разсужденіи развращеннаго человѣка, прославившагося множествомъ злодѣяній; надобно, какъ замѣтили прежде, историку тѣмъ точнѣе наблюдать равновѣсіе, чѣмъ болѣе современники его стараются колебать вѣсы. Канцлеръ Мопу замѣтилъ, что правленіе, по причинѣ препятствій, полагаемыхъ гордою палатою Перовъ, въ теченіи трехъ вѣковъ, не имѣло никакого успѣха. Онъ вознамѣрился освободить корону отъ надзора Парламентовъ, и доставить ей всю свою силу и достоинство; рѣшился учрежденіемъ верховныхъ совѣтовъ ограничить безмѣрную власть первой правительственной палаты, и тѣмъ пресѣчь пагубныя тяжбы касательно имуществъ частныхъ людей. Сіи двѣ услуги, оказанныя престолу и народамъ, показываютъ правителя не безъ великихъ дарованій, какъ говорили многіе писатели, кои не столько

хотѣли быть справедливы, сколько мстительны.

Главная ошибка, въ которой потомство будетъ упрекать сего знаменитаго начальника Французскаго правительства, состояла въ томъ, что онъ, не смотря на упадокъ Монархіи, слишкомъ старался какою нибудь посредствующею властію удержать ее отъ деспотизма, особливо когда исполнялъ сіе посредствомъ самовластныхъ учрежденій, противныхъ народному мнѣнію. Въ вѣкахъ развращенныхъ скорѣе простятъ зло, учиненное съ важностію, нежели добро, сдѣланное неискусно.

Въ сіи плачевныя времена одно происше- 1770.
ствіе заставило народъ въ столицѣ пролить нѣсколько слезъ отъ удовольствія. Я говорю о бракѣ Французскаго Дофина съ Маріею Антоанеттою Австрійскою, который былъ празднованъ въ Версалѣ въ половинѣ 1770 года. Всеобщая радость, столь давно уже подавляемая ненаказанными злодѣяніями развратителей престола, обратилась въ восторгъ. Сей Принцъ, рожденный съ умомъ правильнымъ, хотя и безъ образованія, строгій къ самому себѣ, снисходительный къ другимъ, соблюдающій при развращенномъ дворѣ чистые нравы древняго героя, обѣщалъ, по видимому, своимъ народамъ царствованіе втораго Нумы. Эрц-Герцогиня, еще болѣе облагодѣтельствованная природою, соединяла великость души Маріи Терезіи съ поразительною красотою, усугубляемою

прелестями и оживляемою благодѣяніями. Казалось, златый вѣкъ возродился отъ сего брака, коимъ вся Франція восхищалась; но это былъ очаровательный сонъ, и послѣ его никакого слѣда не осталось.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Паденіе Герцога Шуазеля. Перемѣна въ правительствѣ.

Съ 1772 до 1774. Герцогъ Шуазель, ослѣплявшій непрестанно своимъ министерствомъ иностранцевъ, не смотря на внутреннія бѣдствія, поражавшія Францію, весьма хорошо судилъ о дѣйствіяхъ Канцлера Мопу. Но, изъ привязанности къ должностямъ своимъ опасаясь лишиться оныхъ по причинѣ придворныхъ пронырствъ, онъ не хотѣлъ возбуждать противъ себя новыхъ непріятелей, и позволилъ безъ явнаго сопротивленія производить перемѣну въ правленіи. Впрочемъ сія осторожность не помогла ему. Приговоръ о немъ давно уже былъ произнесенъ сквернымъ устами любовницы, и его могущество сокрушилось отъ хитрости той развратной женщины, которой онъ изъ одной подлости не хотѣлъ касаться.

Лудовику XV весьма пріятно было свободное управленіе Герцога Шуазель, и онъ съ удовольствіемъ взиралъ на блескъ славы своего престола, происшекающій отъ вліяній сего министра на Европейскіе кабинеты; но ласки любовницы, обладавшей имъ, вскру-

жили ему голову, и минутное безуміе обратило въ ничто многолѣтніе и достопамятные труды и услуги. Уже многократно у слабаго Лудовика, во время нѣги ночей, исторгали указъ; но онъ, по пробужденіи своемъ, бросалъ его въ огонь. Наконецъ Канцлеръ Мопу присовокупилъ свои вѣроломные наговоры къ ласкамъ любовницы. Онъ оклеветалъ, что министръ покушается возжечь погашенную войну престола съ Парламентами, и Государь подписалъ указъ о удаленіи Герцога Шуазеля и отправилъ его въ свое помѣстье Шантелупъ.

Не смотря на покушеніе непріятелей министра, сіе время было для него торжествомъ. Едва узнали въ столицѣ, что Шуазель содѣлался жертвою мщенія тирана правительства и пронырства распутной женщины, какъ сердца всѣхъ къ нему устремились. Принцы Крови и Перы, кои отъ привычки пресмыкаться около престола не развратились, пріѣхали посѣтить его; два ряда каретъ простерлись на великое пространство по дорогѣ изъ Парижа въ Шантелупъ. При взорѣ на таковое торжество добродѣтели всякой бы могъ сказать, что Лудовикъ отправлялся для заточенія въ Версаль, а министръ его былъ Король.

Сіе пагубное происшествіе было началомъ нещастныхъ перемѣнъ въ правительствѣ. Мопу отдалъ министерство морскихъ силъ пронырливому Бойну за подлыя его услуги, оказанныя при испроверженіи гражданскаго

правительства. Аббатъ Террай, по чрезмѣрной хитрости своей умножавшій до безконечности народные долги и подорвавшій состоянія всѣхъ частныхъ людей, хотя и былъ совѣтникомъ въ Парламентѣ, удержалъ за собою департаментъ государственныхъ доходовъ; а Герцогъ Эгилліонъ, посрамившій торжественно честь свою взятіемъ подъ стражу членовъ первой изъ верхнихъ палатъ Парламентскихъ, сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Народное мнѣніе охуждало всѣ сіи выборы. Шайка Мопу, Эгилліона и Барри вознамѣрилась съ онымъ примириться, и предложила министерство военныхъ силъ Графу Мюй, человѣку строгихъ нравовъ и непоколебимому въ добродѣтели; но сей новый Монтозье не согласился сѣсть подлѣ ненавистныхъ Визирей, испровергавшихъ престолъ. Вызвали изъ нѣдра горъ Дофинейскихъ, на мѣсто Герцога Шуазеля, одного Генералъ Лейтенанта, безъ дарованій и характера, по имени Мойтенарда, который, вмѣсто того, чтобъ ему дѣлать предписанія прочимъ министрамъ, самъ долженъ былъ принимать отъ оныхъ. Сей человѣкъ жилъ только въ неизвѣстности во время своего министерства, и отъ поношенія, коимъ хотѣли покрыть его, тѣмъ единственно спасся, что сохранилъ прежнюю свою славу честной жизни.

Къ сему неспособному правительству недоставало только Герцога ла Брилліеръ. За

нимъ предоставили департаментъ Лейбъ-гвардіи и главное надзираніе надъ тѣми орудіями произвольной власти, кои называли королевскими указами. Въ сіе время, когда кормило правленія досталось въ руки глупцовъ и развращенныхъ людей, монархія пошла скорыми шагами къ ужаснѣйшему изъ кораблекрушеній.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣднія происшествія царствованія, обильнаго нещастіями. Смерть Лудовика XV.

1774. Безпечность Монарха, влекущая за собою униженіе Франціи

Чѣмъ болѣе Лудовикъ XV долженъ былъ соединять власть свою съ благонравіемъ, законами, и особливо съ любовію народовъ; тѣмъ болѣе, по видимому, онъ предавался безпечности, отдаллся отъ всѣхъ въ Версаліи, предавалъ свою растроенную монархію министрамъ глупымъ, или развращеннымъ, которые хотѣли владычествовать надъ однѣми развалинами государства, и занимался только одною охотою и подлыми своими любовницами. Когда заведутъ съ нимъ разговоръ о нещастіяхъ, происшедшихъ отъ уничтоженія градоправительства, онъ отвѣчалъ, запинаясь: *Моя простерся слишкомъ далеко; но не въ моей уже состоитъ власти отрѣшить его.* Естьли же осмѣлятся сказать ему о уничиженіи Французскаго флага на моряхъ обоихъ Свѣтовъ, онъ отвѣчалъ: *Англія смѣется надъ нашею слабостію;*

но я хочу царствовать въ мирѣ. Онъ называлъ *миромъ* рабскую принужденность, подлое молчаніе всѣхъ его окружавшихъ, и всеобщее негодованіе народовъ, влекущее за собою уничтоженіе монархіи.

Самая рѣзкая черта сего несноснаго *эгоизма* есть то состояніе недѣятельности, въ которомъ Король держалъ Францію въ 1772 году, во время раздѣленія Польши.

Смерть Людовика XV.

Людовикъ XV, по причинѣ пороковъ въ царствованіи и въ частной жизни, самъ себя осудилъ на смерть еще при жизни. Природа въ семъ случаѣ не умедлила исполнить сей приговоръ. Въ теченіи многихъ мѣсяцовъ Монархъ мучился, по видимому, плачевнѣйшими мыслями. Маркизъ Шовелень, участникъ распутствъ его, пораженъ былъ смертію при глазахъ его. Уже мщеніе небесное начало поражать его, и съ сего времени онъ почувствовалъ себя какъ бы менѣе виновнымъ предъ потомствомъ, потому что онъ былъ нещастенъ.

Людовикъ XV, оставленный своими министрами и придворными, показывавшими сильную къ нему любовь, окружаемый однѣми Принцессами, своими дочерьми, и пажемъ, умеръ 10 Маія 1774 года. Гробъ его, брошенный безъ всякой пышности на охотничью колесницу, увезенъ былъ ночью въ Сен-Дени, въ сопровожденіи небольшаго числа тѣлохранителей. Никто не выронилъ слезы въ честь его памяти. Слишкомъ уже двадцать лѣтъ тому, какъ забыли о шитулѣ

возлюбленнѣйшаго, данномъ въ изступленіи; о семъ столь пріятномъ пиитулѣ, который долженъ возбуждать къ произведенію великихъ дѣлъ всякаго Монарха, имѣющаго въ жилахъ своихъ хотя нѣсколько крови Генриха IV, а въ душѣ нѣсколько дарованій Марка Аврелія.

Лудовикъ XV съ самаго вступленія въ совершенный возрастъ до вученія половины своего престола высокомѣрной Помпадуръ, показывалъ себя достойнымъ престола, а можетъ быть и обожанія Французовъ, какъ по своимъ изреченіямъ, весьма пріятнымъ для сердца, такъ по благоразумному покровительству художествъ и наукъ; наконецъ по тому почтенному Ахенскому миру, который доставилъ его народамъ такое благоденствіе, каковымъ только могли они наслаждаться со временъ Карла Великаго: почему, ежели раздѣлить царствованіе сего Монарха на двѣ части, такъ чтобъ Вицекоролевство любовницы Помпадуръ составило средину онаго, то увидимъ, что Лудовикъ XV, разсматриваемый въ послѣдней половинѣ, не долженъ бы былъ никогда родиться; а разсматриваемый въ первой, не долженъ никогда умирать.

КНИГА ВТОРАЯ.

Краткое изображеніе исторіи прочихъ Европейскихъ государствъ, съ заключенія мира 1763 до восшествія на престолъ Лудовика XVI въ 1774 году.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Испанія и Португалліа.

Съ 1763 года до 1765.

Какъ раздѣленіе Польши есть такое происшествіе, которое должно служить главнымъ предметомъ въ сей исторической картинѣ, то и нужно обозрѣть всѣ державы, поручавшіяся за ея цѣлость.

Нападеніе на Португаллію.

Здѣсь первая встрѣчается намъ Испанія. Вскорѣ по вступленіи на царство Карла III миръ Парижскій былъ заключенъ. Онъ, при восшествіи на престолъ, къ прискорбію своему, принужденнымъ нашелся, для избавленія отъ бѣдствій своего народа, признать торжественно слабоумнымъ наслѣднаго Принца Донъ Филиппа, старшаго своего сына. По нѣкоторомъ успокоеніи, онъ принялъ съ твердостію вожди правленія. Англія, уже тогда владычествующая надъ всѣми морями, покушалась простерть свои завоеванія даже въ Испанскую Америку. Испанскій Монархъ противъ дерзости употребилъ дипломатическую хитрость. Онъ заключилъ тайно съ Франціею, истинною своею союзницею, союзъ наступатель-

ный и оборонительный, извѣстный потомъ подъ именемъ фамильнаго договора.

Питтъ, знаменитый Графъ Чатамскій, при первомъ извѣстіи о семъ договорѣ предложилъ немедленно объявить Испаніи войну; но его предложеніе не было уважено въ кабинетѣ Сент-Жамскомъ, и онъ отъ досады подалъ въ отставку. Но хотя сей политикъ и не имѣлъ нѣсколько времени вліянія на дѣла, однако гордая любовь его къ отечеству владычествовала надъ нимъ непрестанно. Вскорѣ возгорѣлась война между Испаніею и Англіею.

Въ сіе время Испанія вознамѣрилась завоевать Португаллію. Сія послѣдняя держава, потерявшая совершенно ту силу, какую она имѣла при Гамахъ и Албукеркахъ, едва могла выставить 20,000 человѣкъ для отраженія непріятельскаго нападенія. Но Великобританія, давно уже охранявшая ее, какъ свою данницу, доставила ей денегъ, оружія, солдатъ и артиллерію, что самое и возстановило нѣсколько равновѣсіе между сими двумя державами.

Первые шаги Испанцевъ въ Португалліи были ознаменованы побѣдами. Миранда, крѣпость, которая могла бы ихъ остановить, была зажжена взорваніемъ пороховаго магазейна, и отворила свои ворота. Браганцъ, крѣпость несравненно важнѣйшая, сдалась при первомъ приступѣ, и въ короткое время вся провинція Тра-лоз-Монтская подпала подъ власть завоевателей.

Испанцы приближались къ Лиссабону, и уже Браганскій домъ не зналъ, что дѣлать, какъ Генералъ Бургонъ и Графъ Липпъ, предводительствовавшіе Англинскими войсками, перемѣнили щастіе оружія. Первый, пришедши нечаянно къ Валенціи, вошелъ въ оную вооруженною рукою, овладѣлъ магазейнами и взялъ въ плѣнъ дивизіоннаго Испанскаго Генерала. Сіи успѣхи обратили войну въ почтовыя дѣла, до наступленія зимы, которая заставила войско Карла III возвратиться въ свои квартиры.

Въ сіе самое время Англичане, для раздѣленія Испанскихъ силъ, устремились съ страшнымъ флотомъ къ острову Кубѣ, овладѣли Гаванной, главнымъ городомъ онаго, девятью линейными кораблями, четырмя фрегатами и добычею, простиравшеюся до семидесяти двухъ милліоновъ.

Вскорѣ миръ прекратилъ ту войну, которая никогда бы не должна была начинаться; и Португаллія пріобрѣла опять свою независимость. Испанія болѣе всѣхъ державъ здѣсь выиграла, ибо Франція уступила ей Лузіану.

1766 и 1767 Смерть вдовы Филиппа V.

Вскорѣ послѣ сего умерла Изабелла Фарнезъ, вдова Филиппа V. Сія высокомѣрная женщина своими честолюбивыми замыслами производила пожаръ въ Европѣ. Ея дѣти, будучи миролюбивѣе, отняли у ней правленіе дѣлъ, и держали ее въ нѣкоторомъ почтенномъ уединеніи; лишили сію Государыню средствъ дѣйствовать на посто-

ронніе предметы, и ей осталось только умереть.

Изгнаніе Езуитовъ.

Коль скоро Испанія соединилась фамильнымъ договоромъ съ кабинетомъ Версальскимъ, то заняла отъ онаго и чувствованія. Уже давно Езуитскій орденъ, пріобыкшій управлять Королями и умерщвлять оныхъ, былъ опасенъ для престола. Графъ Аранда, первый министръ Карла III, убѣдилъ своего Государя, по примѣру Лудовика XV, уничтожить то общество, которое держало въ своей рукѣ совѣсть и жизнь Государей. Мѣры, доставленныя Испанскимъ министромъ, были ужаснѣе, нежели мѣры Герцога Шуазеля. Въ полночь войска выломили ворота у шести коллегій въ Мадритѣ и объявили каждому монаху королевское приказаніе, чтобъ они отправлялись въ Картагену. По прошествіи нѣсколькихъ дней, то же инквизиціонное обыкновеніе употреблено было въ разсужденіи изгнанниковъ и во всѣхъ Испанскихъ городахъ. Посадили Езуитовъ на корабли. Сперва высадили ихъ въ Папскія области, но когда Папа не согласился принять ихъ, какъ зловредныхъ людей, то и отвезли потомъ на островъ Корсику; отобрали въ казну у нихъ имѣніе и запретили имъ всякое сообщеніе въ колоніяхъ. Сей мирный праздникъ Варѳоломея произвелъ великую перемѣну во мнѣніи народномъ въ разсужденіи благосклонности, начинавшей окружать престолъ новаго Монарха.

1768. Смятенія въ Луизіанѣ.

Послѣ сихъ церковныхъ смятеній, происшедшихъ въ Испаніи по причинѣ изгнанія Езуитовъ, начались политическія возмущенія въ Луизіанѣ. Сія колонія, поставлявшая себѣ за честь принадлежать Франціи, съ ужасомъ взирала на причину, побудившую Версальской кабинетъ уступить верховную власть надъ нею двору Мадритскому. Взбунтовали: Генералъ Орелли, получившій приказаніе отъ своего двора принять во владѣніе сію страну, уступленную новымъ обладателямъ безъ всякаго съ нею сношенія, поступалъ съ бунтующими поселенцами, какъ съ людьми виновными въ государственной измѣнѣ. Онъ выбралъ изъ своихъ плѣнныхъ двѣнадцать нещастныхъ, лучшихъ изъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ и купцовъ, и отправилъ ихъ на казнь. Сей безразсудный и звѣрскій поступокъ отклонивъ на долго жителей отъ Луизіаны, воспрепятствовалъ сему селенію, начинавшему приходить въ цвѣтущее состояніе, достигнуть до высочайшей степени благоденствія.

Полезныя заведенія.

Карлъ III, увѣдомившись о дурномъ послѣдствіи, происшедшемъ отъ вступленія его войскъ въ Луизіану, по благоразумію своему, постарался примириться съ народнымъ мнѣніемъ посредствомъ полезныхъ установленій, кои заставили благословлять его царствованіе. Онъ учредилъ, подъ именемъ друзей отечества, общества для ободренія художествъ, промышленности и зем-

ледѣлія, основалъ въ степяхъ Сіерры-Леоны селеніе, состоящее изъ осьми тысячь хлѣбопашцевъ, природою Германцевъ, кои вскорѣ потомъ составили тамъ новую Пансильванію. Но для оживленія всего народа сими прекрасными заведеніями и возвращенія Испанцамъ прежней дѣятельности потребенъ былъ долговремянный миръ. Министерство Карла III, по неопытности своей въ сихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ, сдѣлало разрывъ съ Англіею, для того, чтобъ дать все возможное пространство фамильному договору. И сія война, за которою скоро послѣдовала Американская, мало по малу разрушила все благо, которое Карлъ III намѣревался доставить народамъ своей монархіи.

Первыя непріятельскія дѣйствія противъ Англіи начались съ Испанскихъ эскадръ, кои овладѣли крѣпостію Эгмонтомъ на островахъ Фалкландскихъ или Молукскихъ. Сія пустыня, не имѣющая почти никакихъ произрастѣній, обращала на себя малое вниманіе обладателей Каталоніи и Перу. Самые Англичане весьма мало ее уважали; но честь народа заставила Сенп-Жемскій кабинетъ не уступать оной непріятелямъ. Сдѣлали приготовленія къ войнѣ, кои встревожили Карла III. Тогда дипломатика весьма благоразумно заставила Государя сего прибѣгнуть къ пожертвованіямъ. Онъ объявилъ, что Адмиралъ овладѣлъ крѣпостію Эгмонтомъ безъ его приказанія, и возвратилъ Фалкландскія острова законнымъ владѣтелямъ.

1770 и 1771 г. Слабость военныхъ дѣйствій Испаніи.

Между тѣмъ Испанія ни мало не думала оставить оружія. Она жаловалась на нѣкоторыя разбойничества Варварійцевъ и вознамѣрилась завоевать Алжиръ. Походъ сей казался столько же обольстительнымъ, какъ и покушеніе Филиппа II противъ Англіи, и успѣхъ онаго былъ не лучше. Сухопутное войско было подъ начальствомъ Ирландца Орелли, а флотомъ, состоящимъ изъ четырехъ сотъ судовъ, повелѣвалъ Донъ Педро Карпижонъ. Едва началась высадка, какъ Варварійцы храбро ударили на баталіонъ Орелли, изрубили или взяли въ плѣнъ 300 человѣкъ, и принудили прочія войска сѣсть опять на суда. Такимъ образомъ кончился сей походъ, который по журнальнымъ извѣстіямъ имѣлъ цѣлію завоеваніе Африки.

Казалось, Испанія, послѣ сей нещастной войны спала много лѣтъ до самой Англійской войны съ Соединенными Американскими Штатами, во время которой пробудилась отъ долговременнаго своего усыпленія. И хотя происшествіе сіе случилось послѣ 1774 года, однако надобно объ оном упомянуть здѣсь для лучшей связи въ Исторіи, которая не иначе опять будет занимательна, какъ во время всеобщаго потрясенія, произведеннаго революціею Французскою.

Война Испаніи съ Португаліею и Англіею.

Англинскій Махіавелизмъ возжегъ первы искры сей войны, питая ссоры дворовъ Мадритскаго и Лиссабонскаго, въ разсужденіи с ленія Сенп-Сакреманъ, въ Ріо-де-ла-Плат

Карлъ отнялъ обратно похищенную у него колонію и приказалъ своимъ Адмираламъ Тилли и Цебаллосу постараться о важнѣйшихъ завоеваніяхъ на моряхъ Новаго Свѣта; но Король Португальскій Іосифъ I умеръ. Сіе происшествіе и послѣдовавшее за онымъ паденіе славнаго Маркиза Помбаля, перваго министра, дало новое направленіе политикѣ и возстановило миръ между сими двумя державами.

Сей Король Іосифъ извѣстенъ былъ въ своемъ государствѣ по нѣкоторому поврежденію ума, простиравшемуся до сумазбродства. Онъ жилъ всенародно съ одною монахинею, и всегда ходилъ къ ней съ своимъ духовникомъ и лекаремъ. Впрочемъ онъ сказалъ нѣкогда такія слова, кои показываютъ въ немъ политика. Во время воспаленія чувствъ, когда любовникъ ни въ чемъ не можетъ отказать своей любовницѣ, монахиня потребовала у Монарха такой милости, которая клонилась къ униженію его короны. Іосифъ сказалъ: *довольно, обѣщаю тебѣ, что завтра же по утру любовникъ вашъ переговоритъ о семъ съ Королемъ.* Жаль, что государь, сказавшій такія слова, предавалъ долгое время управленіе своего государства нѣкоторымъ любимцамъ, не выдавалъ жалованья солдатамъ и позволялъ имъ питаться милостынею.

Возстановленіемъ мира между Испаніею и Португаліею обязаны были благоразумію донъ Педра, брата Іосифа, который же-

нился на своей племянницѣ Инфантинѣ Маріи Францискѣ, наслѣдницѣ Португальской, и который царствовалъ съ нею вмѣстѣ, не раздѣляя власти.

Война Испаніи съ Великобританіею имѣла гораздо важнѣйшія послѣдствія. Одинъ Адмиралъ, по приказанію Карла III, напалъ удачно на Западную Флориду, взялъ Пензаколу и овладѣлъ всѣми Аглинскими селеніями въ Миссисипи.

Испанцы не столь были щастливы во время похода къ заливу Гондураскому. Малые успѣхи ихъ оружія у Гибралтара довершили ихъ униженіе; но сіе послѣднее происшествіе, какъ важнѣйшее изъ всѣхъ въ исторіи раздоровъ Европейскихъ, показано будетъ въ лѣтописяхъ монархіи Французской.

Наконецъ миръ 1783 года успокоилъ Испанію. Она, будучи щастливѣе въ дипломатикѣ, нежели въ войнѣ, успѣла получить обратно почти всѣ селенія, отнятыя Англичанами, и присовокупила къ своимъ обширнымъ владѣніямъ Минорку и Флориду. Сей миръ заключенъ былъ въ самое выгодное время; потому что онъ доставилъ свободный входъ въ Европу кораблямъ, провожавшимъ Вера-Круцъ, привезшій около 33 милліоновъ піастровъ монархіи, истощившейся и въ людяхъ и въ деньгахъ.

Карлъ, оставивъ пустыя мечты о завоеваніяхъ, снова принялся за покровительство художествъ, кои суть плодъ мира; но горячка, обратившаяся въ чахотку, похитила

его у народа на 73 году отъ рожденія. Онъ, послѣдній изъ Королей Испанскихъ заслужилъ занять нѣкоторое мѣсто въ Исторіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Великобританія. (*)

Славный Парижскій миръ, даровавшій спокойствіе Португаліи, Испаніи, Франціи и Англіи, есть столько же полезенъ, какъ и прекращеніе знаменитой семилѣтней войны, опустошившей самую большую часть Германіи. Великобрицанія, естьли вѣрить въ томъ показаніямъ Англинскихъ историковъ, во время сего всеобщаго пожара, взошла на такую степень могущества, что безъ ужасной тягости, положенной на вѣсы Французскою монархіею, въ Европѣ потерялось бы равновѣсіе. Парламентскіе ораторы, занимающіе свой энтузіазмъ отъ любви къ отечеству, утверждали, что Англичане, со времени семилѣтней войны, завоевали двадцать пять острововъ; что ихъ сухопутное войско или флоты одержали двѣнадцать побѣдъ; что они взяли или потопили, сто линейныхъ кораблей, и что добыча, плодъ сихъ подвиговъ, простирается цѣною до двухъ сотъ осмидесяти

Съ 1765 до 1770. Состояніе Англіи во время Парижскаго мира.

(*) Чтобъ не раздробить важныхъ происшествій, мы, какъ и въ главѣ о Испаніи, принуждены продолжить главу сію за смерть Лудовика XV. Ясность должно предпочесть порядку во времени.

осми милліоновъ. Въ заключеніе всѣхъ сихъ торжествъ, Лудовикъ XV, по безпечности своей, согласился на принятіе отъ сихъ дерзкихъ островитянъ такого мира, который долго служилъ имъ поводомъ къ удачнымъ разбойничествамъ.

Исторія сей приморской державы была весьма необильна происшествіями съ окончанія семилѣтней войны до самаго правленія Лорда Норша, въ 1770 году, вступившаго въ оное почти вмѣстѣ съ войною, возбужденною подлою его дерзостію въ своихъ селеніяхъ, существующихъ въ Сѣверной Америкѣ.

Она подавляетъ Индію.

До сей войны, столь пагубной и для побѣжденныхъ и для побѣдителей, долго Индія стенала отъ тиранства островитянъ Великобританскихъ. Набабы принуждены были, посредствомъ подлостей и подарковъ, распространять завоеваніе своихъ владѣній. Лордъ Кливъ видя, что великій Моголъ страшится превосходства его, принудилъ его согласиться на заключеніе съ нимъ такого мира, который доставилъ Индѣйской Компаніи доходу сорокъ милліоновъ. Къ сему бичу Индіи, чтобъ быть ужасомъ оной, недоставало только голода. Лордъ довелъ и до сего. Начали перекупать то по его приказаніямъ, то по его умышленной и злобной терпимости, все пшено въ сей странѣ, единственную пищу бѣдныхъ, и отъ голоду, происшедшаго отъ цѣны, чрезмѣрно возвысившейся на сей сѣстной при-

насъ, погибло, говорятъ, десять милліоновъ человѣкъ. Сіе злодѣяніе есть одно изъ величайшихъ, кои осквернили священные листы Исторіи, и его можетъ загладить одно только ненавистное потворство Англинскаго правленія, которое виновниковъ не осудило на эшафотъ.

Великобританія, по своему хладнокровію, съ каковымъ взирала на раздѣленіе Польши, казалась въ глазахъ Европы достойною долговременныхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ ею во время войны со своею колоніею въ Сѣверной Америкѣ. Съ 1770 до 1775. Война съ Сѣверною Америкою.

Независимость Америки произошла отъ маловажной причины: отъ пошлины на гербъ, безразсудно Аглинскимъ Парламентомъ положенной на свою колонію, безъ сношенія съ нею, которой она не захотѣла платить. Когда благомыслящіе въ Лондонѣ усмотрѣли дурное послѣдствіе сего Парламентскаго опредѣленія на торговлю, заставили его уничтожить; но рана глубоко уже простерлась въ политическомъ тѣлѣ. Лондонъ сдѣлался снисходителенъ предъ своею колоніею, однако не могъ ее удержать за собою.

Первая искра сей, такъ сказать, междоусобной войны вспыхнула въ 1768 году. Два Англинскіе полка, прибывшіе въ Галифаксъ, получили повелѣніе отъ своего начальника палить по народу въ Бостонѣ, отъ чего и возстало всеобщее возмущеніе: полки были истреблены; оставшіеся отъ оныхъ воины

убѣжали въ крѣпость Вильгельмъ, но по приказанію Верховнаго Совѣта провинціи принуждены были выгнати съ безчестіемъ изъ колоніи.

Бостонъ, для утвержденія своего торжества надъ Королевскими войсками, начерталъ планъ политическаго союза со всѣми Англо-Американскими городами. Сей союзъ имѣлъ желанный успѣхъ, и всѣ правительства объявили, что Англинское правленіе, по учиненному злодѣянію, уничтожаетъ прежній договоръ, обязывающій Американскую колонію быть въ союзѣ съ Лондономъ.

1774. Распространеніе возмущенія. По полученіи первыхъ извѣстій о непріятельскихъ мѣрахъ Англинской колоніи, Парламентъ, по внушенію Лорда Норта, заперъ Бостонскую пристань: строгость безразсудная, потому что она ослабляла торговлю и повергала въ бѣдность 20,000 семействъ въ трехъ королевствахъ. Бостонъ за обиду отмстилъ обидою: сей городъ задержалъ въ своей пристани Англинскіе корабли, и съ сего времени Жерсей, Мариландъ, Новый Іоркъ, объ Каролины и Виргинія отложились отъ Англіи. Но чтобъ придать нѣкоторый видъ справедливости союзу, опредѣлено было дать Лондону время очувствоваться въ своихъ поступкахъ, почему и подождать 30 Августа 1775 года для отложенія отъ Англинской короны.

1775. Король Георгъ III, не дождавшись времени, назначеннаго мятежниками, какъ въ Лондонѣ называли поселенцевъ, отправилъ

въ Америку войска. Мятежническое войско, управляемое Филадельфскимъ конгрессомъ, испытало силы свои на сраженіи Лексингтонскомъ и одержало побѣду; но гораздо важнѣе и самыхъ побѣдъ для инсургентовъ значило опредѣлить Генералиссимусомъ Соединенныхъ провинцій Вашингтона, который посредствомъ своихъ обширныхъ дарованій утвердилъ ихъ независимость.

Англинскіе Генералы, назначенные для покоренія Америки, Гажъ, Дюморъ и Карлетонъ, своею жестокостію отклонили ее только болѣе: одинъ сожегъ городъ Норфолькъ, другіе погубили военноплѣнныхъ зашѣйливыми казнями.

Походъ 1776 года отличился осадою и взятіемъ Бостона. Англія посредствомъ великихъ издержекъ набрала 50,000 человѣкъ, между которыми было около 17,000 Гессенцевъ, искусныхъ въ сраженіяхъ, и еще того искуснѣе въ грабежахъ и убійствахъ. Адмиралъ Гове, предводительствовавшій симъ страшнымъ войскомъ, овладѣлъ главнымъ мѣстомъ инсургентовъ, испытавшихъ тогда всѣ ужасы голода. Вашингтонъ, увѣдомившись о семъ нещастіи, поправилъ оное великимъ своимъ благоразуміемъ и отважностію. Онъ самъ бомбардировалъ сей союзный городъ, но такъ искусно направлялъ свою артиллерію, что наносилъ вредъ однимъ только высаднымъ войскамъ. Гове принужденнымъ нашелся сѣсть паки на корабли. Бостонъ былъ освобожденъ и воздвигъ нѣ-

1776. Взятіе Бостона. Подвиги Вашингтона.

который Греческій памятникъ въ честь своего избавителя.

Сей успѣхъ увѣнчало искусство конгресса, который отправилъ пословъ ко двору Мадритскому и Версальскому для испрошенія у нихъ помощи. Франція и Испанія, по принятіи сихъ пословъ, торжественно показали Европѣ свое согласіе на отдѣленіе Сѣверной Америки.

Между тѣмъ герой инсургентовъ не всегда былъ побѣдителемъ. Онъ былъ дважды разбитъ при Брандивинѣ и Германтовнѣ; но и въ самыхъ нещастіяхъ имѣлъ великій даръ доставлять пользу отечеству посредствомъ своихъ благоразумныхъ отступленій.

1778. Договоръ между конгрессомъ Филадельфскимъ и дворомъ Версальскимъ.

Посольство съ своей стороны съ немалымъ успѣхомъ трудилось о независимости Американской. Франклинъ (Декартъ по изобрѣтенію электрической силы) хотя и не имѣлъ пышнаго титула, но бывъ душею всѣхъ переговоровъ, открывшихся подъ именемъ Соединенныхъ Штатовъ съ министерствомъ Лудовика XVI. Они кончились дружескимъ и союзническимъ договоромъ, въ которомъ была признана и утверждена независимость Соединенныхъ Штатовъ. По увѣдомленіи о семъ договорѣ, о которомъ Францзскій посолъ торжественно извѣстилъ Сенп-Жемской кабинетъ, объявлена была война между обѣими державами.

Слѣдствіе дѣйствій въ разсуж-

Коль скоро вмѣсто Георга III помѣщено было имя Лудовика XVI въ торжественныхъ молитвахъ союзниковъ, ревность ихъ и лю-

бовь къ отечеству воспламенились новымъ жаромъ. Вашингтонъ облегъ Королевское войско въ Филадельфіи, и принудилъ Генерала Гове, начальствовавшаго онымъ, возвратиться въ Англію.

Деніи войны за независимость Сраженія морскія и завоеванія.

Вскорѣ потомъ произошло между симъ героемъ и Генераломъ Клинтономъ сраженіе при Монтмутѣ. Оба войска сразились съ равною храбростію и равнымъ успѣхомъ; оба Генерала равно присвояли себѣ побѣду.

Между тѣмъ какъ Англія встрѣчала непріятности въ Новомъ Свѣтѣ, она не торжествовала и на морѣ, не смотря на превосходство своихъ эскадръ надъ Французскими флотами. Произошло морское сраженіе при Уессанѣ, гдѣ Графъ Оливьеръ одержалъ верхъ надъ Адмираломъ Кеппелемъ, не потому что сей послѣдній не извѣстилъ пальбою съ башни Лондонской о своей побѣдѣ, но тысяча человѣкъ, какъ сказали мы нѣгдѣ, убитыхъ на корабляхъ Англинскихъ и частію брошенныхъ въ море для прикрытія сего нещастія, а только 163 человѣка потерянныхъ Франціею, довольно показываютъ, которая изъ двухъ сторонъ въ семъ случаѣ наполнила ложью листочки Исторіи.

Франція не ограничилась симъ торжествомъ на морѣ. Маркизъ Буилье овладѣлъ островомъ Доминикомъ въ виду Англинскаго флота и не потерялъ ни одного человѣка въ своемъ походѣ, что самое придало новую цѣну его завоеванію.

1779. Въ 1779 году у воюющихъ державъ успѣхи были равные. Англинскій Генералъ Брандтъ овладѣлъ островомъ Сент-Луціей, а Вице-Адмиралъ Французскій, Графъ Эстенгъ, Гренадою.

Въ сіе самое время островъ Сенегалъ въ Африкѣ подпалъ подъ власть Французовъ; а Французы потеряли въ Индіи важную крѣпость Пондишери.

1780. Морскія побѣды Адмирала Роднея. Продолженіе войны Американской.

Англія, посредствомъ великихъ дарованій въ военномъ искусствѣ Адмирала Роднея, опять получила прежнее свое преимущество. Сей Адмиралъ встрѣтившись въ Гибральтарскомъ проливѣ съ Испанцомъ Донъ Жуаномъ Лангарой, у котораго было подъ начальствомъ 8 линейныхъ кораблей, взялъ корабль Адмиральскій, другой взорвалъ, и разсѣялъ эскадру; что самое и доставило ему способъ снабдить важную крѣпость Гибральтарь сѣстными припасами.

Въ сіе самое время вышли изъ пристаней Великобританскихъ ужаснѣйшія вооруженія для укрощенія инсургентовъ въ Сѣверной Америкѣ, коихъ не преставаали называть мятежниками, хотя побѣда и доказала, что сіе ненавистное наименованіе несправедливо.

Высадныя войска осадили Шарле-Товнъ, овладѣли онымъ и взяли въ ономъ 6000 военноплѣнныхъ. Генералъ Сюлливанъ, лучшій союзническій воинъ, почелъ за нужное вознаградить сію потерю удачнымъ нападеніемъ на пять дикихъ народовъ, живущихъ по берегамъ Ніагара. Онъ произвелъ

великое опустошеніе въ Саванахъ, убилъ тамъ множество людей, и сей подвигъ назвалъ великою побѣдою.

Чѣмъ болѣе Англія должна была опасаться потери своихъ Американскихъ колоній, тѣмъ болѣе, показывая свое превосходство въ перемѣнахъ, возбуждала противъ себя новыхъ непріятелей для увеличенія потерь своихъ неожиданными побѣдами. Голландцы по необходимости были ея союзниками, потому что имущество ихъ каперовъ почти все лежало въ Лондонскомъ банкѣ. Между тѣмъ Амстердамъ, по неосторожности своей, заключилъ въ Ахенѣ торговый договоръ съ уполномоченнымъ отъ Конгресса Американскаго и не могъ скрыть сего поступка; почему Лордъ Нордъ, главная пружина Англинскаго Парламента, пустилъ изъ пристаней трехъ Королевствъ безмѣрное множество каперовъ, кои начали тревожить Голландцевъ своими набѣгами на всѣхъ моряхъ въ свѣтѣ и отняли у нихъ въ добычу слишкомъ на двѣсти милліоновъ. 1781. Различныя войны Голландіи на Антильскихъ островахъ и въ Индіи

Родней, увѣдомившись объ объявленіи войны, устремился къ острову Св. Евстафія, центру по своему положенію въ торговлѣ Антильскихъ острововъ, овладѣлъ онымъ и захватилъ въ пристани 135 судовъ различныхъ народовъ, какъ непріязненныхъ Англіи, такъ и подозрѣваемыхъ во враждѣ по ихъ связямъ съ взбунтовавшеюся Америкою. Вотъ Махіавелева Логика, по-

средствомъ которой Англія содѣлалась владычицею надъ морями обоихъ Свѣтовъ.

Между тѣмъ Франція среди сихъ раздоровъ не была въ бездѣйствіи. Маркизъ Буилье отнялъ обратно островъ С. Евстаѳія, а Графъ Грамъ островъ Табаго въ виду самаго Роднея, разъѣзжавшаго по симъ водамъ.

Побѣда при Порто Ново надъ Гидеръ-Али-Ханомъ.

Англичане щастливѣе были въ Индіи, нежели въ Америкѣ и въ Европѣ. Впрочемъ тамъ славный Гидеръ-Али-Ханъ съ своими Маратами поклялся возвратить своимъ природнымъ владѣтелямъ берега Малабарскіе и Коромандельскіе. Судьба не исполнила клятвъ новаго Аннибала; произошло кровопролитное сраженіе на знойныхъ степяхъ Порто Ново, гдѣ, естьли вѣрить Англійскимъ газетамъ, герой Индійскій оставилъ 40,000 человѣкъ на полѣ битвы.

Сей походъ кончился въ Европѣ взятіемъ Минорки: достопамятный подвигъ Герцога Крильонъ, предводительствовавшаго соединенными Французско-Испанскими войсками. Но подробности о семъ важномъ происшествіи принадлежатъ болѣе къ исторіи Лудовика XVI, нежели Георга III. Довольно знать, что когда Генералъ Мюррай производилъ переговоры со стороны Англіи о сдачѣ, у него оставалась въ арсеналѣ одна только бомба. Крѣпость Сен Филипъ, защищавшая Минорку, почитается въ Европѣ самою укрѣпленнѣйшею послѣ Гибральтара.

1782. Конецъ войны

Между тѣмъ сама Англія начала утомляться отъ войны, возженной самолюбіемъ

и воспламенившей оба Свѣта. Въ самомъ Парламентѣ явилось нѣкоторое возмущеніе. Противная сторона, превышающая числомъ сторону министерскую, принудила Лорда Норта итти въ отставку. Тогда Нижній Парламентъ сдѣлалъ Королю представленіе о прекращеніи Американской войны, что и послужило знакомъ ко всеобщей перемѣнѣ. Георгъ III, по благоразумію своему, не хотѣлъ вооружаться противъ народнаго мнѣнія. Чтобъ остаться Королемъ, онъ началъ угождать народу и составилъ новое министерство изъ членовъ противной стороны. Удобно было предвидѣть слѣдствіе сего важнаго произшествія. Дано было повелѣніе войскамъ выступить изъ твердой земли Америки, и въ самомъ Лондонѣ положили основанія ко всеобщему миру. Американской.

Одна только Франція, по видимому, полагала непреодолимое препятствіе къ сей щастливой перемѣнѣ; но пораженіе, учиненное Адмираломъ Роднеемъ, унизительное для Графа Грасъ и не менѣе постыдное сняпіе осады съ Гибральтара, вывели изъ заблужденія Версальскій кабинетъ. Онъ подалъ свое согласіе къ прекращенію бича, весь свѣтъ поражавшаго.

Въ то самое время, какъ Америка приближалась уже къ желанной независимости, Лордъ Корнваллисъ, побѣдившій союзниковъ на сраженіи Гвильдфортскомъ и овладѣвшій вдругъ обѣими Каролинами, помрачилъ славу свою при Йорк-Товнѣ, гдѣ Маркизъ Рошам-

бо, окруживъ его, принудилъ здаться на договоръ. Вскорѣ потомъ пришло повелѣніе отъ Англинскаго правительства, приказывающее вывесть войска изъ Шарлтовна, Савинага и главныхъ крѣпостей обѣихъ Каролинъ и Георгіи. Вотъ шагъ къ примиренію, и Вашингтонъ, человѣколюбивѣйшій изъ всѣхъ нынѣшнихъ героевъ, ни мало тому не воспротивился. Но между тѣмъ какъ чудеснымъ образомъ война во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ она возгорѣлась, прекратилась, какъ миръ уже былъ подписанъ въ главныхъ кабинетахъ, долго еще лилась кровь человѣческая въ Цейланѣ, Карнатѣ, Бенгалѣ и на берегахъ Коромандельскихъ.

5 Декабря 1782 года, Георгъ III, управляемый во время мира республиканскою стороною трехъ Королевствъ, по заключеніи предварительнаго договора съ Голландіею и дворами Мадритскимъ и Версальскимъ, пришелъ въ Парламентъ и объявилъ обѣимъ палатамъ свое предложеніе о признаніи независимости Сѣверной Америки. Онъ присовокупилъ съ великимъ искусствомъ, что торжество Англійскаго оружія въ Гибральтарѣ даетъ ему право на заключеніе почтеннаго мира въ обоихъ Свѣтахъ безъ всякаго униженія достоинства короны.

1783. Въ Генварѣ 1783 года уполномоченные Великобританскіе подписали оба договора съ Франціею и Испаніею. Послѣдняя изъ сихъ державъ удержала въ своемъ владѣніи островъ Минорку, уступивъ своей сопернице нѣ-

сколько острововъ и объ Флориды, Восточную и Западную. Сей миръ еще менѣе принесъ чести Франціи, которая хотя и удержала за собою острова Св. Петра, Табаго и Сен-Луцію, но принуждена была признать верховную власть Англичанъ въ Сен-Винцентѣ, Доминикѣ, Гренадѣ и Сен-Христофѣ. Той державѣ, которая нѣкогда, при мужественномъ правленіи, долженствовала управлять твердою землею Европы, уступили только временную власть въ Индіи, позволили обвесть просто рвомъ Шандернагоръ и поправить развалины въ Магѣ, Карикалѣ и Пондишери.

Миръ съ Соединенными Американскими Штатами былъ для Великобританіи унизительнѣе: она до того унизилась (ежели только примиреніе вселенной можно назвать униженіемъ!) что поручилась Соединеннымъ Штатамъ за свободу мореплаванія и признала ихъ независимость.

Какъ Франція старалась ревностно и успѣшно о утвержденіи Американской свободы; то Конгрессъ, изъ признательности, приказалъ въ Филадельфіи воздвигнуть бронзовую статую тому самому Лудовику XVI, примирителю вселенныя, который, по истеченіи десяти лѣтъ, долженъ былъ погибнуть въ своей столицѣ, какъ жертва человѣколюбія.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Нѣмецкая Имперія.

Германія, раздѣленная на множество небольшихъ владѣній, сильныхъ по одному только своему соединенію; потеряла свою силу, по причинѣ нарушенія Вестфальскаго мира, учиненнаго дерзко и безъ отмщенія; нарушенія, состоящаго въ раздѣленіи Польши: почему исторія сей обширной страны и заключается въ двухъ только господствующихъ державахъ, Австріи и Пруссіи. Мы намѣрены остановиться нѣсколько на политическихъ дѣйствіяхъ сихъ двухъ кабинетовъ; и какъ въ государствахъ, управляемыхъ самовластіемъ, дѣйствуетъ одинъ только Государь; а народы ничего не значатъ; то мы, поговоривъ нѣсколько о Іосифѣ II и Фридерикѣ Великомъ; скажемъ все и о Германіи.

1763. Начало царствованія Іосифа II. По заключеніи Парижскаго мира, Императрица-Королева еще мужественно управляла своимъ государствомъ; но вскорѣ сынъ ея, Эрц-Герцогъ Іосифъ, былъ избранъ Королемъ Римскимъ, и въ самомъ началѣ открылъ свой характеръ; дѣятельный и честолюбивый, который долженствовалъ наконецъ въ полнотѣ обнаружиться къ бѣдствію Брабанта, а слѣдовательно и наслѣдственныхъ его владѣній. Францискъ I, Государь мудрый, но имѣвшій одинъ только титулъ самодержца, царствовалъ тогда

(1769) подъ руководствомъ Маріи Терезіи, своей супруги. Въ то самое время, какъ онъ, по наружности, показывалъ себя совершенно здоровымъ, вдругъ пораженъ былъ какъ бы громовымъ ударомъ, и умеръ, не сказавши ни одного слова.

Іосифъ захотѣлъ узнать Европу прежде; нежели помыслилъ о вліяніи своемъ на судьбу ея. Съ 1669 по 1774. Его путешествія.

Іосифъ, къ удовольствію своему, увидѣлъ сестру свою Марію Антоанетту Королевою Французскою еще на двадцатомъ году отъ рожденія. Онъ выѣхалъ изъ Вѣны для свиданія съ нею, не имѣя при себѣ никакого спутника, кромѣ возникающей своей славы и добродѣтелей, имъ обѣщанныхъ; останавливался въ лучшихъ трактирахъ; посѣщалъ болѣе знаменитыхъ писателей, нежели сильныхъ министровъ; забылъ одного только Вольтера, съ которымъ бы для него нужнѣе всѣхъ было познакомиться, потому что сорокалѣтняя слава дѣлала его сильнымъ.

Когда по смерти Курфирста Баварскаго, по случаю пресѣченія мужескаго колѣна, возгорѣлось въ Германіи военное пламя за наслѣдство, Іосифъ принялъ въ сей войнѣ сильное участіе. Онъ началъ съ манифестовъ, а кончилъ сраженіями. Генералъ его Лаудонъ вытѣснилъ изъ Богеміи Короля Прусскаго, и вскорѣ Тешенской миръ соединилъ сихъ двухъ Монарховъ, кои, по причинѣ взаимнаго другъ къ другу уваженія, не могли сражаться другъ съ другомъ. Съ 1777 по 1780.

Марія Терезія, Императрица Королева, скончалась 29 Ноября 1780 года, и съ сего времени честолюбіе Іосифа, заключавшееся въ предѣлахъ, обнаружилось во всемъ пространствѣ.

Онъ сперва постарался снискать народную любовь, и для сего ограничилъ Папскую власть въ своихъ владѣніяхъ; сдѣлалъ монаховъ гражданами; издалъ указъ о гражданской терпимости въ разсужденіи Жидовъ и Протестантовъ; уничтожилъ невольничество въ Моравіи и Богеміи; потомъ вознамѣрился соединиться для политики съ Брабантомъ и внести нещастную войну въ провинціи Оттоманской имперіи.

1782. Путешествіе Папы Пія VI въ Вѣну.

Между тѣмъ какъ Іосифъ трудился надъ обработаніемъ сихъ пагубныхъ замысловъ, Пій VI, зная сего Императора и опасаясь, чтобъ не возникъ снова славный расколъ, произведенный Генрихомъ VIII въ Англіи, пріѣхалъ въ Вѣну для переговоровъ и утвержденія мира церкви. Императоръ принялъ его съ величайшею пышностію въ свой дворецъ; но почетной стражѣ велѣно было за нимъ присматривать. У Папы цѣловали ноги, но связывали руки; совѣтовались съ нимъ обо всемъ, какъ съ преемникомъ Св. Петра; но уступали ему одну только власть давать благословенія.

Возмущеніе въ Брабантѣ.

Іосифъ, углубившись въ свои замыслы, какого бы свойства они ни были, узналъ, что Фландрія и Брабантъ, воспоминая о прежней независимости, начинали роптать.

Онъ, для уничтоженія сего волненія въ самомъ началѣ, приказалъ сломать укрѣпленныя мѣста. Сія безразсудная мѣра послужила къ довершенію возмущенія: ударъ, нанесенный правамъ сей страны, и уничтоженіе монастырей, столь для нее драгоцѣнныхъ, предуготовили бурю, которая тогда уже возшумѣла, когда онъ, противъ желанія народа, уничтожилъ совѣтъ Нидерландскій, и по своему желанію учредилъ на мѣсто онаго другой. Мѣщане и поселяне отказались тогда отъ денежныхъ вспоможеній. Мало по малу пристали къ союзу Гентъ, Антверпенъ и Бриссель, и волненіе столько усилилось, что хотѣли зажечь дворецъ Императорскаго Министра и Генерала Алтона. Принцъ Саксен-Тешенскій, Губернаторъ сей области, и Эрц-Герцогиня, его супруга, опасаясь лишиться, если не жизни, то по крайней мѣрѣ своей свободы, испросили себѣ убѣжище у Курфирста Кельнскаго, Эрцъ-Герцога Максимиліана.

Слабость двора послужила къ ободренію бунтующихъ. Кровь человѣческая потекла ручьями. Къ опустошеніямъ присовокупились пожары. Наконецъ Іосифъ замѣтилъ свою несправедливость, что вмѣсто отца подданныхъ сдѣлался ихъ тираномъ. Онъ прибѣгнулъ къ посредничеству Папы и Графа Кобенцельскаго, и Брабантъ примирился.

Но прежде нежели Іосифъ прибѣгъ къ сей кротости и благоразумію, возгорѣлась война у Имперіи съ Турціею. Сей Государь

Съ 1787 по 1789. Война Іосифа

съ Оттоманами. Его кончина.

до начатія похода посѣтилъ въ Украйнѣ слабаго Польскаго Короля Понятовскаго и имѣлъ свиданіе въ Херсонѣ съ Императрицею Екатериною.

Іосифъ, сообразивши планъ похода съ Императрицею, поѣхалъ самъ къ Бѣлграду. Онъ осматривалъ непрестанно всѣ посты, раздѣлялъ съ рядовыми труды, и одинъ выставилъ противъ непріятеля второе ополченіе. Впрочемъ вся сія дѣятельность не послужила къ его славѣ; отъ 350,000 человѣкъ его войска едва половина возвратилась домой.

Іосифъ, возвращаясь въ Вѣну для излеченія отъ болѣзни, медлительно его изнурявшей, поручилъ вмѣсто себя начальство Фельдмаршалу Лаудону. Сей военачальникъ овладѣлъ Бѣлградомъ, предметомъ тайныхъ желаній честолюбиваго Монарха; что самое и усладило нѣсколько послѣднія минуты сего Императора, который умеръ въ началѣ 1790 года, 49 лѣтъ. Подданные болѣе страшились его, нежели любили; и онъ оставилъ по себѣ славу, что былъ болѣе дѣятеленъ и необыкновенной человѣкъ, нежели добрый Государь.

Глава четвертая.

О Пруссіи.

Фридерикъ II, хитрѣйшій изъ трехъ государей, раздѣлившихъ Польшу, едва заключилъ Губертсбурскій миръ, какъ объявилъ свой превосходный планъ, клонящійся къ

раздѣленію сей монархіи, для усмиренія оной. Уже двѣнадцать побѣдъ доказали Европѣ, что онъ былъ первый изъ ея Героевъ. Государство ему одолжено было своимъ политическимъ существованіемъ, и онъ столько же показалъ дарованій въ разрушеніи, сколько и въ твореніи. Безъ содѣйствія сего необыкновеннаго человѣка, который во все теченіе своей жизни показывалъ себя то геніемъ зла, то геніемъ добра, а въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и пѣмъ и другимъ вмѣстѣ, Польша, можетъ быть, и донынѣ бы существовала.

Около эпохи, нами описываемой, Фридерикъ II, задолжавшій во время семилѣтней войны 114 милліонами, не нашелъ другаго средства къ поправленію великаго разстройства въ своихъ доходахъ, какъ заставить Жида Ефраима дѣлать ложную монету. Хотя ложные червонцы были одинакой величины съ истинными, но въ нихъ находилось двѣ трети лигатуры. Съ 1760 по 1770. Различныя происшествія царствованія Фридерика II.

Какъ миръ былъ тягостенъ для дѣятельнаго ума Фридерика; то онъ предался совершенно словесности, которая всегда доставляла ему удовольствіе. Полагаютъ, что въ сіе время онъ, читая со вниманіемъ Бурдалу и Массилліона, сочинилъ слово о страшномъ судѣ. Фридерикъ оказывалъ свое дружество Вольтеру, коего слава была соединена съ его собственною, и вызвалъ въ Потсдамъ д' Аламберта, который не ссорился ни съ одною вѣнчанною главою, хотя

по философскому хладнокровію и не искалъ съ ними знакомства.

Въ то же самое время у сего Государя явился во владѣніяхъ и знаменитый Гельвецій; но онъ принялъ его болѣе какъ важнаго откупщика, нежели какъ великаго писателя; что и огорчило нѣсколько сочинителя книги *о разумѣ*, потому что онъ не разсудилъ заблаго, вмѣсто важнаго сочиненія, представить новому Периклу книги о управленіи государственными доходами.

Съ 1763 по 1770 годъ Фридерикъ мирно наслаждался своею славою. Государи совѣтовались съ нимъ, какъ съ Сѣвернымъ Соломономъ, о важной наукѣ царствовать. Онъ тайно дѣйствовалъ во всѣхъ кабинетахъ; воспользовался искусно всеобщимъ державъ смисхожденіемъ для утвержденія своего дома и оживленія государства посредствомъ даннаго ободренія торговлѣ, художествамъ и земледѣлію.

Съ 1770 по 1774. Раздѣлъ Польши.

Наконецъ наступила благопріятная минута; честолюбивому Монарху представилась мысль, что можно распространить предѣлы своего государства безъ опасности. Онъ улыбнулся и воспользовался оною. Императоръ Іосифъ II пріѣхалъ въ Нейссенъ узнать мысли Фридерика о раздѣлѣ Польши. Фридерикъ съ своей стороны послалъ брата своего, Принца Генриха, въ Петербургъ навѣдаться о томъ отъ Екатерины II; и когда всѣ пружины, потребныя къ произведенію сего великаго пред-

пріятія, приведены были въ стройное движеніе, онъ представилъ права свои, и чтобъ дать болѣе вѣсу своимъ требованіямъ, началъ собирать страшныя силы для поддержанія оныхъ. Одинъ анекдотъ довольно изображаетъ характеръ сего Государя: прежде нежели онъ рѣшился совершенно на раздѣленіе Польши, сочинилъ эпическую поэму въ шести пѣсняхъ *на войну Польскихъ Союзниковъ*, которую тотчасъ уничтожилъ по исполненіи своихъ желаній. Раздѣлъ Польши стоилъ ему Помераніи и округовъ Кульмскаго, Вармскаго и Маріенбургскаго.

Съ 1775 по 1785. Конецъ царствованія Фридерика.

Когда всѣ бранныя сѣмена уничтожились въ Германіи, Фридерикъ занялся исправленіемъ прежнихъ своихъ сочиненій, и твореніемъ новыхъ, кои бы могли распространить славу о его учености. Его стихотворенія долго важность свою заимствовали отъ королевскаго титула, но они не поддержали своей славы, и кромѣ сочиненія *о Военномъ искусствѣ*, всѣ съ нимъ же умерли. Но не льзя сего сказать о его прозѣ: его Антимахіавель вѣчно будетъ незабвененъ. Онъ въ немъ опровергъ опасныя правила обширнаго ума для прикрытія собственнаго намѣренія слѣдовать онымъ. *Бранденбургскія записки, Исторія моего времени и Повѣствованіе о семилѣтней войнѣ*, гдѣ онъ, подобно Цезарю, представляется историкомъ собственныхъ подвиговъ, всегда будутъ читать, доколѣ не истребится просвѣщеніе.

Фридерикъ самъ по себѣ управлялъ государствомъ; почему и не нужно говорить о его министрахъ, кои были не иное что, какъ только первые повѣренные. Нѣкоторые дипломатики, каковы были Луккезины и Баронъ Герцбергъ, были у него въ великой довѣренности, и не употребляли оной во зло.

Самая важнѣйшая часть правленія, гдѣ Государь сей показалъ всю свою силу, состояла въ надзорѣ за военными. Поелику посредствомъ одного только своего меча Фридерикъ могъ производить великія дѣла, то онъ и избралъ въ образецъ Ликурга, и свое государство обратилъ въ обширный монастырь, состоящій изъ солдатъ, надъ которыми начальникомъ былъ монахъ; но какъ онъ не умѣлъ, подобно Ликургу, соединить сего устава съ патріотизмомъ, то оный существовалъ только въ его колѣнѣ. Напротивъ того Ликурговы законы семь сотъ лѣтъ покровительствовали Грецію и снискали удивленіе въ Европѣ.

Фридерикъ имѣлъ особенное искусство привлекать себѣ любовь отъ военныхъ, коихъ онъ погублялъ тысячами на поляхъ сраженія. За нѣсколько времени до Росбахскаго сраженія, когда дѣла сего Государя были въ величайшемъ разстройствѣ, привели къ нему одного гренадера, бѣжавшаго изъ войска. Онъ сказалъ: „храбрый гренадеръ, для чего ты оставляешь своего Короля?„— „Для того, что щастіе его оставляетъ,

„отвѣчалъ солдатъ; я хотѣлъ искать индѣ „щастливой участи.— Ты правду говоришь, „возразилъ Монархъ, но я прошу тебя еще „на одинъ походъ; ежели щастіе мое не „перемѣнится, мы убѣжимъ вмѣстѣ.„

Нѣкоторыя эпиграммы, сочиненныя врагами Фридерика, нѣкоторыя черты злобы, помѣщенныя въ одной книжкѣ Вольтеровой, впрочемъ весьма остроумной, заставили сомнѣваться о храбрости сего Государя, когда онъ, по убѣжденію Фельдмаршала Шверина, сдѣлалъ нѣсколько скорое на поляхъ Мольвицкихъ отступленіе, но какъ доказалъ одинъ изъ Генераловъ Лудовика XVI въ своихъ запискахъ, всѣ послѣдующіе походы сего героя ознаменованы храбростію. Гдѣ онъ лично ни начальствовалъ, вездѣ первой бросался въ огонь. Когда напали на него нечаянно ночью въ станy, онъ за четверть мили отъ передовыхъ отрядовъ остановилъ свое полунагое войско, поставилъ его въ боевый порядокъ и обманулъ побѣдителей: едва удостовѣрился въ побѣдѣ, какъ полетѣлъ за 30 миль для одержанія другой. Ежели онъ въ состояніи военномъ переставалъ на минуту быть храбрымъ, то переставалъ быть и Королемъ.

Фридерикъ умеръ отъ водяной болѣзни 17 Августа 1786 года. Онъ оставилъ по себѣ великую славу, по многимъ правамъ имъ заслуженную, хотя онъ и не имѣлъ ни обширныхъ дарованій Цесаревыхъ, ни великой души Александровой, ни кроткой, филосо- 1786. Смерть Фридерика.

фіи Марка Аврелія, съ коими ласкатели многократно его сравнивали. Самый важный его недостатокъ состоялъ въ томъ, что онъ судилъ о родѣ человѣческомъ только по его сложностямъ; почиталъ людей, порознь взятыхъ, пружинами, другъ отъ друга зависящими, кои въ соединеніи своемъ могутъ производить важныя дѣйствія. Съ таковыми правилами можно удивить свѣтъ, но не можно быть великимъ человѣкомъ. Впрочемъ Фридерикъ имѣлъ характеръ; онъ держалъ въ рукахъ своихъ судьбу государствъ, потому что зналъ правила ихъ правленія; и ежели бы онъ прожилъ, равно какъ и Императоръ Леопольдъ и Густавъ, убитый въ Швеціи, до 1792 года, то, вѣроятно, не было бы революціи Французской.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О Россіи.

1762 и 1763. Кратковременное царствованіе Петра III. Какимъ образомъ онъ сложилъ съ себя корону, и умеръ.

Миръ, заключенный въ Парижѣ 1763 года, случился почти въ одно время съ восшествіемъ на Россійскій престолъ Петра III, который вступилъ на оный послѣ Императрицы Елисаветы въ началѣ 1762 года. Сей Государь уважалъ отлично Фридерика Великаго; требовалъ у него совѣтовъ, но не слѣдовалъ онымъ; и наконецъ чувствуя недостатокъ своихъ дарованій для управленія, отказался отъ престола, на который взошла Екатерина II весьма благоразумно 28 Іюня 1762 года.

1764. Различныя происшествія царствованія Екатерины.

Екатерина, сдѣлавшись обладательницею Россійской Имперіи, поспаралась великими дѣлами заслужить приняпый ею санъ. Она проникла тайну главныхъ кабинетовъ, поправила морскую силу, оживила торговлю и художества въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, и покусилась на исполинское предпріятіе выгнать въ Азію Оттомановъ, и сдѣлать Константинополь столицею новой монархіи.

1765. Уваженіе, оказанное проскѣщеннымъ мужамъ Французскимъ.

Между тѣмъ Европа различно судила о Екатеринѣ II. Сія Государыня, слѣдуя примѣру Августа, начавшаго свое царствованіе при неблагополучномъ предзнаменованіи, обрашила вниманіе къ знаменитымъ мужамъ Французскимъ, прославившимся своею ученостію Она послала Вольтеру портретъ свой, оттитой собственною рукою; предложила д'Аламберту заняпь мѣсто дядьки у ея сына, Великаго Князя, съ орденомъ и жалованьемъ 80,000 ливровъ. Увѣдомившись, что Дидеротъ хочетъ продать свою библіотеку для приданаго дочери, она, купивъ ее весьма дорого, оставила у него.

Потомъ сія Государыня вознамѣрилась просвѣтить Россіянъ законами. Она издала *Наказъ*, который хотя и несовершенъ, но приспособленъ къ ихъ правамъ; и Фридерикъ Великій поздравилъ ее при семъ случаѣ, что она еще первая изъ женщинъ покусилась быть законодательницею.

Лудовикъ XV не подражалъ энтузіазму Короля Прусскаго: онъ взиралъ на Екатерину съ противной стороны.

Съ 1768 по 1774 Война съ Оттоманами.

Екатерина не имѣла разрыва съ Франціею; но, пользуясь смятеніями, происходившими въ Польшѣ въ послѣднемъ ея періодѣ, и желая покорить ее, возбудила неудовольствіе Оттоманской Имперіи. Султанъ отмстилъ по мусульмански: онъ заключилъ Россійскаго Посланника въ семибашенную и приказалъ выступить противъ Императрицы войску въ числѣ 500,000.

Екатерина сперва примѣтила, что войска ея, состоящія подъ начальствомъ Князя Голицына, терпѣли пораженія; но она рѣшилась на отважный поступокъ, соразмѣрной съ великостію ея ума. Между тѣмъ какъ войска ея тѣснили Турокъ на берегахъ Дуная, она отправила свои флоты въ Черное море; и эскадра, состоящая изъ 20 линѣйныхъ кораблей, подъ начальствомъ Адмирала Спиридова, вышедъ изъ Балтійскаго моря, переплыла Сѣверныя моря и Гибральтарскій проливъ, и вознамѣрилась островитянамъ Архипелага возвратить древнюю ихъ свободу.

Къ произведенію сихъ чудесъ, кои удобнѣе можно было описать, нежели имъ повѣрить, весьма способствовалъ своимъ благоразуміемъ Румянцовъ. Онъ разбилъ Оттомановъ на берегахъ Прута и Дуная. Созженіе всего Оттоманскаго флота въ Дарданелахъ увѣнчало толикія побѣды и торжество; но Алексѣй Орловъ, Генералиссимусъ морскихъ силъ Екатерины, не воспользовался своими успѣхами: одинъ шагъ

еще, и Оттоманская Имперія потеряла бы на всегда Сирію и Египетъ. Алексѣй Орловъ, по возвращеніи въ Петербургъ, клялся Екатеринѣ II, что онъ пройдетъ узкой Дарданельскій проливъ, однако не успѣлъ въ своемъ предпріятіи.

Впрочемъ война съ Оттоманами продолжалась съ перемѣннымъ щастіемъ: Генералы Россійскіе были разбиты при Бухарестѣ, а на трехъ другихъ сраженіяхъ опять одержали побѣды. Самое важнѣйшее происшествіе сего похода было нападеніе на главныя крѣпости въ Крымѣ.

Въ сіе самое время къ бѣдствіямъ войны присовокупилась моровая язва, какъ бы для того, чтобъ опустошенія земнаго шара сдѣлать еще ненавистнѣе. Войска Россійскія, Оттоманскія и Польскія заразились оною, и утверждаютъ, что въ одной Москвѣ погибли отъ язвы многія тысячи.

Наконецъ и побѣдители и побѣжденные утомились отъ войны, которая равно почти для обоихъ была тягостна. Въ Фокшанахъ подписано было перемиріе, и во всей сей части Европы началось спокойствіе.

Какъ срокъ, положенный перемирію, кончился; а переговоры Бухарестскіе, происходившіе между Великимъ Визиремъ и Фельдмаршаломъ Румянцовымъ, еще были неудовлетворительны для требованія каждой изъ двухъ воюющихъ державъ: то съ обѣихъ сторонъ и принялись опять за оружіе. Съ начала похода Россіяне не

были щастливы. Но Екатерина приказала Русскимъ не сражаться, но побѣждать, и они скоро загладили свое поношеніе кровопролитнѣйшими пораженіями Туровъ. Наконецъ Турки изнемогли и потребовали мира: оный былъ подписанъ въ 1774 году. Императрицѣ уступлено свободное плаваніе по Черному морю и проходъ чрезъ Дарданеллы для одного военнаго корабля. Крымъ также въ договорѣ былъ призванъ независимымъ; но сія мнимая независимость значила одну только дипломатическую хитрость. Она на томъ конецъ была признана, чтобъ освободить только Крымъ отъ ига двора Константинопольскаго и подвергнуть его подъ власть двора Петербургскаго.

Пугачевъ. Въ сіе время простый Козакъ, по прозванію *Пугачевъ*, назвался Императоромъ Петромъ III, соединился съ суевѣрами и успѣлъ составить сильную партію. — Онъ сперва разбилъ и умертвилъ Губернатора Оренбургскаго, но не поддержалъ перваго своего щастія. Князь Голицынъ побѣдилъ его, принудилъ уйти за Волгу и бѣжать въ степь. Сей Пугачевъ былъ свирѣпое чудовище; онъ велѣлъ мучительски умертвить одного начальника крѣпости, коего все преступленіе состояло въ томъ, что храбро защищался; приказалъ поднять на пикахъ одного Астронома, для того чтобы болѣе приближить его къ звѣздамъ, и потомъ велѣлъ Козакамъ умертвить его. Соумышленники схватили его и отдали Гене-

Характеръ его.

ралу Панину, который приказалъ заключить его въ желѣзную клѣтку. Въ одну минуту рѣшили дѣло о Пугачовѣ и отправили его на казнь.

Долго послѣ смерти Пугачова, Екатерина, наслаждаясь спокойствіемъ на престолѣ, вознамѣрилась, подобно Александру, строить города. Херсонъ, при границахъ Крыма, на которой она готовилась учинить нападеніе, казалось, возвышался такъ, какъ Греческіе Ѳивы, по звуку лиры Амфіоновой. Онъ основанъ былъ въ 1778 году; но не иначе пришелъ въ совершенное устройство, какъ въ 1783 году. Въ сіе время (по дѣятельности Потемкина) щиталось уже въ немъ 40,000 жителей, и Потемкинъ вывелъ нѣсколько военныхъ кораблей, построенныхъ въ тамошней верфи, для встревоженія Оттоманской Имперіи. съ 1779 по 1784 Основаніе Херсона.

Когда наступила минута присоединенія Крыма къ Россійскому престолу, Екатерина для прикрытія своего нападенія обнародовала манифесты. Порта отвѣчала на оные; но царскія дѣла рѣшатся мечемъ. — Дѣло Татарскаго Хана было проиграно при посредствѣ силы. Вдругъ явились три войска недалеко отъ сей страны, которую хотѣли похитить; Константинополь затрепеталъ, смирился, и Крымъ былъ покоренъ. Россія пріобрѣла 1,500,000 подданныхъ. Постыдный договоръ, къ заключенію коего принудили Султана дипломатики Екатерины, утвердилъ за сею Государынею вла- Присоединеніе Крыма.

дѣніе ея завоеваніемъ, равно какъ и большую часть Кубани. Она дала своей новой Монархіи Греческое имя, славное въ Греческой Исторіи, имя Тавриды: сіе значило нѣкоторое снисхожденіе для Оттомановъ; потому что ихъ Имперія, по обыкновенной Географіи, осталась какъ бы безъ всякаго отдѣленія.

1787. Въ 1787 году Екатерина сама пріѣхала для принятія во владѣніе новаго завоеванія. Потемкинъ ввелъ ее въ Херсонъ чрезъ тріумфальныя ворота, на коихъ была Греческая надпись слѣдующаго содержанія: *здѣсь Византійская дорога.* Впрочемъ сія радость была нѣсколько возмущена, коль скоро Екатерина увѣдомилась, что четыре линѣйныхъ Турецкихъ корабля и 16 фрегатовъ стоятъ на якоряхъ въ устьѣ Дона.

1788. Возобновленіе войны съ Оттоманскою Имперіею. Миръ, заключенный въ Ясахъ. Въ слѣдующемъ году возгорѣлась война между Россіянами и Оттоманами, и не смотря на сильную диверсію Короля Шведскаго, который хотѣлъ уже ввесть побѣдоносное войско въ Петербургскія стѣны, первые почти вездѣ восторжествовали. Потемкинъ взялъ приступомъ важную Очаковскую крѣпость, побилъ въ оной 25,000 человѣкъ, и отдалъ на три часа городъ для разграбленія. Взятіе Очакова стоило побѣдителямъ 12,000 человѣкъ. — За сіе Генералъ сей получилъ Фельдмаршальскій жезлъ, украшенный алмазами, а всѣ солдаты по медалѣ, которую и носили они, подобно кавалеріи, въ петлицѣ.

Измаилъ, по седмимѣсячномъ сопротивленіи, взятъ былъ Генераломъ Суворовымъ; 35,000 Турокъ побито на развалинахъ сей крѣпости.

Въ 1792 году заключенъ миръ въ Яссахъ: Императрица весьма желала онаго, и не приняла 12 милліоновъ піастровъ, кои Порта обязалась ей заплатить. Потемкинъ, предуготовившій сей миръ, не зналъ о заключеніи онаго. Онъ впалъ въ заразительную горячку, не принималъ никакого лекарства, и умеръ на степи, на рукахъ своей племянницы.

Послѣднее торжество Екатерины было покореніе, по видимому, произвольное Курляндіи, которая отдалась въ подданство ея коронѣ, не посовѣтовавшись даже съ слабымъ сыномъ знаменитаго Бирона, владѣтелемъ оной. Присоединеніе Курляндіи.

Екатерина помышляла начать войну съ Персіею, какъ умерла скоропостижно отъ апоплексическаго удара. Она распространила до чрезмѣрности Имперію. Геній (ибо она имѣла его) послужилъ ей къ величію. Она показала величественной характеръ, и не многіе изъ Государей подражать ей могутъ. Съ 1796 Смерть Екатерины.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Краткое обозрѣніе Швеціи и Даніи.

Данія можетъ существовать между Съверными Державами только подъ управленіемъ искуснаго Монарха, который умѣлъ бы пользоваться ошибками своихъ сосѣдей, и Съ 1763 по 1792. Вліяніе Россіи на Данію.

держался въ союзѣ съ одною великою Державою на твердой землѣ, не заводя безразсудно ссоръ съ господствующимъ на моряхъ флагомъ. Въ семъ отношеніи Монархія, о которой мы говоримъ, не много сама по себѣ доставляетъ происшествій для Исторіи: потому что она въ періодѣ, нами разсматриваемомъ, была управляема Королемъ безразсуднымъ, который сказалъ только нѣсколько полезныхъ изреченій, сдѣлалъ нѣсколько благотворительныхъ поступковъ во время своего путешествія; но ничего не сдѣлалъ для усугубленія силъ малаго своего владѣнія, подобно Викторіу Амедею Савойскому, Густаву Адольфу Шведскому, или Карлу XII.

Едва Екатерина начала царствовать спокойно на своемъ престолѣ, какъ возмечтала имѣть вліяніе на судьбу Сѣверныхъ державъ. Данія, какъ слабѣйшая изъ оныхъ и по своему Королю, и по средствамъ, сперва обратила на себя вниманіе ея. Чтобъ узнать еще лучше тайну ея слабости, она отправила туда, въ званіи посла, неизвѣстнаго Салдерна, который, во время мирнаго своего министерства, поступалъ съ такою наглостію, что Императрица принуждена была его отозвать. Преемникъ его, столь же дерзкій, усмотрѣвъ перемѣну, причинившую бѣдствія Королевѣ Матильдѣ, довелъ бы Струензе до эшафота, если бы Государственный Совѣтъ не успѣлъ, для предотвращенія, внушить Королю, что

онъ представитъ себя позорищемъ Европѣ въ такомъ дѣлѣ, которое справедливо или несправедливо, но заставитъ его краснѣть. Впрочемъ Государь сей долженъ быть ему обязанъ за назначеніе въ министры Графа Бернетоффъ.

Бернетоффъ, человѣкъ искусный въ правленіи, превосходный политикъ, вскорѣ усмотрѣлъ, что союзъ съ Англіею выгоднѣе, нежели съ Россіею, и онъ отпиралъ или запиралъ Зундъ по волѣ сей державы. Надобно замѣтить, что, по достовѣрному разчисленію, учиненному около 1777 года, и доставленн му въ путешествіи Кокса въ Сѣверную Европу, сія Монархія не можетъ выставить войска болѣе 66,909 человѣкъ, и вооружить болѣе 25 линейныхъ кораблей и 9 фрегатовъ. Съ силою столь малою не можно сохранить своей независимости. Среди множества честолюбивыхъ соперниковъ можно только избрать рабство менѣе тягостное.

Швеція имѣла мало вліянія на Сѣверъ, не только по пространству своей земли, но и по воспоминанію о томъ времени, когда Густавъ Адольфъ, бывшій всегда побѣдителемъ, даже на томъ сраженіи, на которомъ онъ лишился жизни, съ 30,000 человѣкъ держалъ въ рукахъ судьбу Европы. Съ 1771 по 1777. Восшествіе на престолъ Шведскій Густава III. Перемѣна въ пользу престола.

Густавъ III, одинъ изъ послѣднихъ Героевъ Швеціи, при восшествіи своемъ на престолъ, усмотрѣлъ, что Королевство его спѣшаетъ отъ тяжкаго самовластія Сената,

продающаго себя то сторонѣ *Шапокъ*, предавныхъ Россіи, то *Шляпъ*, приверженныхъ къ Франціи. Когда Государь сей почувствовалъ себя въ состояніи самъ по себѣ царствовать, то употребилъ странную хитрость. Онъ пошелъ на балъ, и явился въ операѣ; потомъ какъ солдаты, долженствующіе смѣнить стражу въ замкѣ, вступили въ оный, онъ приказалъ запереть ворота, и сказалъ имъ сильную рѣчь, для убѣжденія, чтобъ они постарались возвратить коронѣ все ея достоинство. Послѣ данной ими клятвы заперли городскія ворота; около Сената поставили часовыхъ, и Монархъ на Сеймѣ прочиталъ планъ новой конституціи, уничтожавшей аристократическое правленіе. Сію перемѣну произвели 400 человѣкъ. На другой день республиканцы, изумленные таковою отважностію, вздумали возвратить себѣ все свое могущество; но уже было поздно. Стокгольмъ защищалъ Густава, и скоро Стокгольмъ сдѣлался истолкователемъ всей Монархіи.

1777 Путешествіе въ Россію.

Петербургскій дворъ съ огорченіемъ взиралъ на торжество *Шляпъ* надъ *Шапками*, и вооружилъ въ Кронштатѣ флотъ для возстановленія въ Швеціи прежняго правленія. Густавъ рѣшился самъ отправиться для переговоровъ съ Императрицею. Она приняла его въ Царскомъ селѣ; дѣлала для него празднества, и ему совѣтовали ввести въ его народѣ новый образъ одежды, который бы во всякомъ другомъ вѣкѣ, кромѣ

XVIII, заставилъ свергнуть его съ престола.

Густавъ, по возвращеніи въ свое государство, дѣйствительно выдумалъ нѣкоторый родъ театральнаго платья и повелительно требовалъ отъ своего двора, чтобъ оный носилъ сіе платье. Сіе значило нѣкоторое косвенное повелѣніе и для прочаго народа въ государствѣ. Швеція, привязанная къ древнимъ своимъ обыкновеніямъ, потеряла тогда уваженіе къ своему государю; что самое то же значило, какъ и предать его въ сіи нещастныя времена мечу убійцъ.

Густавъ весьма уже поздно увидѣлъ свою ошибку и ожидалъ времени для отмщенія. Наступила сія минута при открытіи уже Французской революціи. Оттоманы, пораженные Екатериною, убѣдили Швецію, чтобъ она сдѣлала нѣкоторое развлеченіе въ силахъ у Россіянъ, и доставили ей важныя денежныя вспоможенія для начатія войны; Пруссія снабдила людьми, и Великобританія обѣщала эскадру. Сего уже было слишкомъ много для честолюбиваго Густава, содержавшаго въ свѣжей памяти поношеніе, нанесенное Петромъ Великимъ во время ссоръ его съ Карломъ XII.

1788. Война Густава съ Россіянами.

Едва Шведскій флотъ вступилъ въ Россійскія моря, какъ послѣ одного сраженія, на которомъ обѣ стороны равно присвояли себѣ побѣду, Густавъ потребовалъ, чтобъ ему возвратили нѣкоторую часть Финландіи, а Крыму независимость, и Россіяне

прекратили бы войну съ Турками. „Какой „вздоръ! вскричала Екатерина: когда бы не„пріятель мой пришелъ и въ Москву, я бы „доказала ему, что можетъ еще сдѣлать „женщина, подобная мнѣ, на развалинахъ „великой Имперіи.“

1790. Миръ между обѣими державами.

Густавъ, въ 1790 году, по дерзости своей высадилъ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты и многіе эскадроны легкихъ войскъ за пять миль отъ Петербурга. Въ столицѣ Россійской произошло всеобщее смятеніе. Одна Государыня взирала спокойно на сію бурю и презирала оную: она непрестанно давала празднества въ Царскомъ селѣ.

Между тѣмъ Принцъ Нассау претерпѣлъ пораженіе, потерялъ половину своихъ судовъ и болѣе 10,000 человѣкъ.

Испанія сдѣлалась посредницею между сими двумя державами. Екатерина, великодушная и прозорливая, желая преклонить на свою сторону Густава и сдѣлать его непріятелемъ Франціи, подписала договоръ въ Варелѣ, коимъ подтвердила договоры Нейштатскій и Абовскій, и предала совершенному забвенію ссоры, раздѣлявшія сіи двѣ короны.

1791. Умерщвленіе Шведскаго Короля.

Между тѣмъ въ Стокгольмѣ не простили Густаву перемѣны, учиненной имъ 1772 года. Чрезъ 20 лѣтъ политическая ненависть, возбужденная торжествомъ сего государя, сохранила весь свой ядъ. Три молодыхъ человѣка поклялись погубить своего Монарха: Графъ Горнъ, Рибингъ и Аккер-

стремъ, и бросили жребій, кому достанется подлая честь нанести ему первый ударъ. По жребію досталось Анкерстрему. Онъ ходилъ за нещастнымъ государемъ на балѣ, даномъ во дворцѣ, и пользуясь смятеніемъ и вольностію, бываемыми при таковыхъ празднествахъ, выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета, заряженнаго картечью, и государь чрезъ нѣсколько дней умеръ отъ сего удара. Убійца былъ колесованъ, и республиканцы, по своему фанатизму, воздали ему торжественныя почести.

ГЛАВА СЕДМАЯ.

О Польшѣ.

Начало смятеній въ оной. Причины раздѣленія ея. Вліяніе сего раздѣленія на судьбу Европы.

По главнымъ правиламъ конституціи въ Польской республикѣ долженъ быть избирательный Король, безсмѣнный Сенатъ и непремѣнная аристократія, состоящая съ небольшимъ изо ста тысячь дворянъ Начало вольности въ Польшѣ теряется въ неизвѣстности; ибо независимость ея есть старинное происшествіе въ Исторіи. Польское дворянство всегда было миролюбиво; оно хвалилось тѣмъ, что ни на какой народъ никогда не нападало, и, въ семъ случаѣ, правила онаго были подобны правиламъ древнихъ Французскихъ рыцарей: но когда дѣло шло о учрежденіи конституціи, дворяне

показывали все свое мужество для пораженія своихъ утѣснителей; сопротивленіе обращалось въ законный обрядъ, и междоусобная война, ими возжигаемая, представлялась имъ священнымъ ополченіемъ (insurrection): слово сіе, заключавшее нѣчто величественное въ устахъ Поляка, чрезмѣрно казалось низкимъ во Франціи, когда оно было произносимо съ каѳедры Данпомъ или Робеспьеромъ.

Дворянство назначало себѣ Государя; но не приковывало его. Ягеллоны (надобно отдать честь ихъ уму) были такіе же деспоты, какъ и Карлъ V или Лудовикъ XIV; но мысль, чтобъ не осталось навсегда племя самовластныхъ Государей, обуздывала дворянъ и запрещала сокрушать престолъ, сдѣланный ими конституціоннымъ. Въ самомъ дѣлѣ въ новѣйшія времена Польша была единственною страною въ свѣтѣ, гдѣ каждый свободный человѣкъ могъ имѣть надежду сдѣлаться Королемъ.

Извѣстно, что на Сеймахъ право сопротивляться одному всеобщимъ рѣшеніямъ всегда было признаваемо отъ народа, и, что всего страннѣе, долго во зло не употреблялось. Наконецъ явились диссиденты (несогласные), и съ сего времени поле избраній начало обагряться кровію.

Карлъ XII сдѣлалъ Королемъ Станислава Лещинскаго, и свободное *вето* (*не позволяю*) понесло великое оскорбленіе. Царствованіе сіе было непродолжительно: Монархъ, из-

бранный героемъ Шведскимъ, былъ изгнанъ, блуждалъ по сѣверу, и, будучи щастливъ въ своемъ нещастіи, доставилъ въ дочери своей Королеву Лудовику XV.

Наконецъ Россія вмѣшалась въ избраніе преемника Королю Августу, и Екатерина рѣшилась сдѣлать Королемъ Польскимъ Понятовскаго. 1764. Восшествіе на престолъ Понятовскаго.

Между тѣмъ главные Европейскіе кабинеты взирали съ нѣкоторымъ хладнокровіемъ на сію перемѣну, угрожавшую Польшѣ, а потомъ и всей твердой землѣ. Графъ Мерси, одинъ изъ первыхъ Германскихъ дипломатиковъ, посланъ былъ Вѣнскимъ дворомъ въ Петербургъ, и имѣлъ приказаніе для того только *угрожать* войною, чтобъ принудить къ сохраненію мира. Версальскій кабинетъ показалъ еще болѣе слабости своею скромностію. Посолъ, отправленный въ Петербургъ, имѣлъ особенное приказаніе льстить всѣмъ сторонамъ и торжествующую изъ оныхъ привязывать къ Франціи.

Прусскій Король, взиравшій съ жадностію со стороны на раздѣлъ добычь Польскихъ, вмѣшавшись въ дѣло, окончилъ оное возложеніемъ короны на Понятовскаго, который подавалъ ему надежду къ предполагаемому раздѣленію. Фридерикъ сперва соединился договоромъ съ Императрицею, въ которомъ имянно означено было, чтобъ не терпѣть въ Польшѣ никакихъ покушеній, клонящихся къ перемѣнѣ образа правленія. Сей

договорѣ, заключенный на восемь лѣтъ, былъ подписанъ въ послѣднихъ числахъ Марта 1764 года. Король тотчасъ послалъ Понятовскому Прусскій орденъ, и сіе украшеніе представилось 20,000 дворянъ правомъ для возложенія на него короны.

7 Маія открылся Сеймъ для избранія Монарха. Вооруженные иностранцы предписывали на ономъ законы. Тщетно Маршалъ Сейма для удержанія отъ всякаго постановленія читалъ манифестъ, доколѣ Рускіе въ боевомъ порядкѣ не вступили въ Варшавскія стѣны. Надлежало уступить оной силѣ. Когда изъ трехъ сотъ депутатовъ, долженствовавшихъ составлять сей Сеймъ, большая часть, къ стыду своему, разошлись, и осталось только восемьдесятъ, то сіе дерское малолюдство отрѣшило отъ должности Гетмана, который по мужеству своему, представлялся послѣднимъ изъ Римлянъ. Вскорѣ потомъ послы Берлинскій и Петербургскій поѣхали къ Примасу и объявили ему, что дворы ихъ избрали Понятовскаго для занятія престола Ягеллоновъ. Таковая политическая хитрость заставила министровъ отъ дворовъ Вѣнскаго, Дрезденскаго, Мадритскаго и Версальскаго выѣхать изъ Варшавы.

Въ сіе самое время Екатерина II пріѣхала на границы Польскія для личнаго освѣдомленія, исполняются ли ея приказанія въ разсужденіи успокоенія Польши. Поляки извѣстились о всемъ и предались на ея волю.

Между тѣмъ Понятовскій не былъ еще Королемъ. Онъ, поспѣшно возложивъ на себя корону, объявилъ, что намѣренъ ѣхать въ Литаву для изъявленія признательности Императрицѣ.

Въ теченіи сего времени собрались конфедераты (союзники), но вмѣсто осмидесяти, или 100,000 человѣкъ, изъ коихъ сіе собраніе въ щастливыя времена составлялось, явилось только 4,000 человѣкъ на избирательномъ полѣ. Сіе избраніе, бывшее нѣкогда столь пышнымъ и столь блисталънымъ, тогда, по выраженію самыхъ Поляковъ, походило на погребеніе, при которомъ прощались навсегда съ необузданнымъ буйствомъ. Наконецъ 7 Сентября 1764 года, при совершеніи всѣхъ предписанныхъ обрядовъ, избранъ былъ Королемъ назначенный Екатериною II подъ именемъ Станислава Августа. У всѣхъ на лицахъ показывалась радость.

Султанъ съ неудовольствіемъ принялъ извѣстіе о избраніи такого Монарха, котораго онъ торжественно изключилъ отъ престола; но Султанъ былъ весьма слабъ, и не могъ быть мстителемъ за республику. Египетъ бунтовалъ; Мекка похищена; Татарія ожидала только случая къ пріобрѣтенію независимости. Султанъ, удерживаемый Диваномъ, и паче своею лѣностію, роптalъ; но онъ благоразумно поступилъ, что не вмѣшался въ ссоры прочей Европы.

Между тѣмъ новый Король не только

Слабость новаго Монарха

не старался привлекать къ себѣ сердца людей, отклонившіяся отъ него по причинѣ смятеній, происходившихъ во время избранія; но и почитая себя утвердившимся въ своей власти, какъ бы рожденный при подножіи престола, предался свободно сладострастію, подобно Лудовику XV, котораго онъ, къ нещастію своему, принялъ себѣ въ образецъ.

Другія причины смятеній, нѣсколько поважнѣе, возмутили первыя минуты царствованія Понятовскаго. Державы, способствовавшія ему къ возшествію на престолъ, какъ бы для примиренія съ республикою, желали, чтобъ онъ избралъ себѣ супругу изъ Полячекъ; но Понятовскій, по своему нескромному честолюбію, старался соединиться съ царствующими домами; искалъ руки Принцессы въ домѣ Австрійскомъ. Фридерикъ Великій узналъ о семъ и въ запальчивости сказалъ: *Ну, ежели онъ такъ располагаетъ своею короною, я сею самою короною раздроблю ему и голову.* Станиславъ, извѣстившись о сей опасности, прибѣгнулъ подъ покровительство Екатерины. Посланъ былъ изъ Петербурга въ Варшаву Салдернъ для примиренія Станислава съ своимъ народомъ и разсмотрѣнія ссоръ Короля Прусскаго. Онъ почелъ необходимымъ для сего созвать Сеймъ; но Сеймъ не столько занялся колеблющеюся и клонящеюся къ упадку конституціею, сколько пустыми смятеніями, происшед-

шими отъ диссидентовъ въ разсужденіи торжественнаго отправленія благослуженія.

Безначаліе въ Польшѣ.

Между тѣмъ всеобщее неудовольствіе непрестанно возрастало. Диссиденты взбунтовали провинціи, и 60,000 человѣкъ дворянъ пристали къ противной сторонѣ. Король въ теченіи нѣкотораго времени хотѣлъ отражать силу силою. Онъ далъ приказаніе схватить трехъ Сенаторовъ и депутата, главныхъ изъ бунтовщиковъ; и Русскія войска, состоявшія подъ его начальствомъ, разставлены были по улицамъ столицы для предупрежденія бунта. Въ самомъ дѣлѣ, Епископъ Краковскій былъ взятъ подъ стражу въ домѣ Прусскаго министра. Епископъ Кіовскій, депутатъ Ржевужскій и Коронный Воевода подверглись той же участи, и ихъ отправили въ Россію, подъ прикрытіемъ двухъ сотъ человѣкъ.

Конфедераціи Пулавскаго и Потоцкаго

При таковыхъ зародышахъ безначалія трудно было Польшѣ не склониться къ упадку. Явился тогда Пулавскій. Онъ возмнѣрился прекратить вліяніе Россіянъ, и отъ диссидентовъ получилъ весьма много денегъ для успѣха въ своихъ обширныхъ замыслахъ. 28 Февраля 1768 года собралась новая конфедерація въ Барѣ, небольшомъ городкѣ Подольскомъ, находящемся за семь миль отъ границъ Оттоманской имперіи. Она сперва составилась только изъ 300 человѣкъ. Монахъ, по имени Маркъ, человѣкъ пылкаго воображенія, вышедъ изъ своего монастыря съ крестомъ и хоругвію, началъ

склонять къ нѣкоторому Крестовому походу республиканцевъ. Сей зародышъ соумышленія въ корошкое время столько увеличился, что сдѣлался опасенъ для Станислава.

Между тѣмъ Барская конфедерація ослабѣвала отъ самыхъ побѣдъ; вскорѣ на развалинахъ оной возникла другая оберъ-мундшенка Графа Потоцкаго. Сія послѣдняя конфедерація возрасла среди бѣдствій, возникшихъ отъ ея сопротивленія.

Конфедерація Потоцкаго въ началѣ своемъ потерпѣла великой уронъ. Войско конфедератское было разбито и преслѣдовано до самыхъ границъ Оттоманской имперіи.

Сіи конфедераціи, воспламенявшія только гнѣвъ Россіянъ, а никакой пользы не доставлявшія отечеству, дважды были причиною бѣдствій Украйны.

Сія война заставила Турокъ обратить непріятельскія дѣйствія противъ Россіянъ. Сіи дѣйствія доставили новую пищу войнамъ конфедератскимъ.

Изъ числа конфедератскихъ военачальниковъ болѣе всѣхъ прославился юный Казимиръ Пулавскій, сынъ перваго героя конфедераціи Барской. Онъ, соединившись съ своимъ братомъ, прошелъ сквозь тысячу опасностей въ Литвѣ, оживилъ надежды конфедератовъ, соединился съ Князьями Радзивиломъ и Сапегой, и сопротивлялся нѣсколько времени завоевателямъ Польши.

Турки дѣлаютъ развле-

Въ сіе время 300 Турокъ, подъ предводительствомъ Великаго Визиря, подвигались

въ Молдавіи. Тогда политика Оттоманской имперіи состояла въ совершенномъ Махіавелизмѣ: планъ Константинопольскаго кабинета былъ таковъ, чтобъ благопріятствовать конфедераціямъ Польскимъ, но не принимать въ оныхъ дѣйствительнаго участія; вооружать оныя и противъ Россіянъ и противъ Поляковъ, и такимъ образомъ покупать безопасность Оттоманскаго престола цѣною крови двухъ народовъ, коихъ Музульманы по фанатизму своему почитали равно непріязненными Сіе пагубное умозрѣніе содѣлалось, какъ и надлежало ожидать, несравненно гибельнѣе для той державы, которая оное вымыслила, нежели для тѣхъ, кои предполагались быть жертвами онаго.

чение въ силахъ. Новыя надежды конфедератовъ. Россіяне истребляютъ оныя двумя бѣдами.

Между тѣмъ приближеніе страшнаго Турецкаго ополченія возбудило справедливое безпокойство въ Польскихъ Конфедератахъ. Они съ ужасомъ взирали на вступленіе таковыхъ освободителей въ отечественную свою землю. Каменецкій Епископъ откровенно говорилъ, что призывать Оттомановъ для прогнанія Россіянъ значило то же, что и подкладывать огонь подъ домъ свой для истребленія въ немъ насѣкомыхъ. Графъ Потоцкій отправился самъ въ станъ Великаго Визиря для склоненія его къ новому плану похода. Оттоманская гордость сперва оскорбилась тѣмъ, что надлежало вести переговоры съ переметчикомъ; но потомъ, по требованію Великаго Татарскаго Хана, имѣвшаго тайныя повелѣнія отъ Визиря,

условились, чтобъ великое войско направило путь свой къ Бендерамъ для нападенія на Россіянъ въ собственномъ ихъ владѣніи; что самое и исполнено было въ концѣ Іюня 1769 года.

Во время первыхъ стычекъ Россіянъ съ Турками, первые, не смотря на то, что были до чрезмѣрности малочисленнѣе, одержали верхъ, и симъ одолжены были превосходному дѣйствію с ея артиллеріи. Оттоманы, по легковѣрію варварскихъ народовъ, не могли иначе изъяснить дѣйствія сихъ военныхъ орудій, какъ посредствомъ волшебства. Турки, попавшіеся въ плѣнъ, просили позволенія *посмотрѣть на очарованныя пушки, которыя словомъ передвигались съ мѣста, и палили сто разъ безъ всякаго заряда.* Сіе и послѣдовавшія за онымъ пораженія стоили жизни Великому Визирю, котораго голова каталась въ окрестностяхъ Сераля.

Графъ Потоцкій, обезсмертившій себя превосходнымъ защищеніемъ Хотина, жилъ въ добромъ согласіи съ новымъ Визиремъ, и сіе послужило къ новымъ торжествамъ для непріятелей двора Петербургскаго.

Сіи успѣхи оживили Поляковъ. Каменецкій Епископъ, одинъ изъ числа героевъ сего похода, пользуясь оными, составилъ планъ всеобщаго заговора, имѣющаго своею цѣлію свергнуть съ престола Станислава и утвердить на погибели Россіянъ древнюю республику.

Къ несчастію, въ трехъ Турецкихъ станахъ сдѣлался недостатокъ въ свѣстныхъ припасахъ. Великій Визирь переправился поспѣшно чрезъ Днѣстръ по мосту и вступилъ въ Польшу для собранія въ оной припасовъ. Россіяне стояли на другомъ берегу. При первыхъ стычкахъ рѣка чрезмѣрно наводнилась, мостъ разорвался, и почти все крыло Турецкое, перешедшее за Днѣстръ, истреблено было. Россійскій военачальникъ рѣшился воспользоваться своими выгодами. Въ Оттоманскомъ станѣ царствовало смятеніе. При первомъ выстрѣлѣ изъ непріятельской артиллеріи все войско разсѣялось. Тогда Россіяне сдѣлались обладателями Валлахіи и Молдавіи; что самое и подорвало совершенно надежды великой Польской конфедераціи, которая, при самомъ составленіи своемъ, готова была разрушиться.

Среди всеобщаго безпокойства, республиканцы не отчаявались въ отечествѣ; они находили его и въ самой опустошенной землѣ, служившей гробомъ ихъ единоземцамъ; они не только подтвердили новыми торжественными постановленіями всеобщую конфедерацію, но и дерзнули посовѣтоваться съ лучшими умами въ Европѣ, какой бы образъ правленія дать имъ Польшѣ по ея освобожденіи. Сей планъ, оставшійся навсегда безъ исполненія, потому что счастіе не состоитъ ни мало во власти ума и ревности къ отечеству, сей, говорю,

планъ былъ ничто иное, какъ пріятная мечта, подобная республикѣ Платоновой; но надлежитъ всегда быть признательнымъ къ великодушнымъ людямъ, кои съ удовольствіемъ занимались онымъ: Исторія ежели не будетъ ихъ защитницею, по крайней мѣрѣ мстительницею.

Превосходной походъ Россіянъ противъ Оттомановъ.

Впрочемъ Екатерина II не медлила при своихъ успѣхахъ. Она, согласившись съ Фридерикомъ Великимъ, рѣшилась поднять Грековъ противъ Турокъ, подкрѣплять сіе возмущеніе флотомъ, и ежели Константинополь падетъ, перенести въ сію столицу древней Восточной имперіи столицу Царей.

Возмущеніе Грековъ, происшедшее отъ движеній Албанцевъ и Черногорцевъ, вспыхнуло съ нѣкоторымъ усиліемъ въ томъ самомъ Пелопонессѣ, который былъ театромъ достопамятныхъ подвиговъ Мильтіада, Леонида и Ѳемистокла. Не смотря на слабость жителей, они могли еще вооружить 100,000 человѣкъ. Самые ужасные изъ нихъ были горные жители, потомки древнихъ Спартанцевъ, кои назывались Маніотами. Оба Орловы пріѣхали въ Италію при первыхъ искрахъ войны, начинавшей возгараться. Они обѣщали снабдить сѣѣстными припасами, военными снарядами и оружіемъ, и сдержали свое слово. Императрица, съ своей стороны приказала снарядить въ пристаняхъ у себя эскадру изъ 7 линейныхъ кораблей и 4 фрегатовъ, которая и отпра-

вилась, въ Сентябрѣ 1769 года, подъ начальствомъ Адмирала Спиридова. Вторая флотилія, состоящая изъ 4 кораблей, 2 фрегатовъ и 2 корветъ, подъ начальствомъ Шотландца Ельфинстона, должна была пройти проливъ Дарданельской, взять замокъ, защищавшій оный, бомбардировать Константинополь и Сераль. Ельфинстонъ, человѣкъ, безъ сомнѣнія, съ дарованіями, а особливо щастливый, поручился головою своею за исполненіе сихъ чудесъ, и большая часть оныхъ совершилась.

Адмиралъ Спиридовъ поплылъ изъ Магона въ началѣ Февраля 1770 года и соединился съ Ельфинстономъ. Пелопонессъ былъ завоеванъ; Турецкій флотъ, состоящій изъ 24 линейныхъ кораблей, сожженъ; и Ельфинстонъ съ кораблемъ, на которомъ онъ сидѣлъ, пустился чрезъ Дарданеллы, но по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ не могъ слѣдовать за нимъ весь флотъ.

Какъ Россіяне не успѣли въ первомъ своемъ покушеніи на Константинополь, то вознамѣрились снова войти въ оный со стороны Таварія. Оттоманская Порта, въ теченіи 60 лѣтъ, ни мало не старалась привлечь къ себѣ любовь воинственнаго народа, который могъ бы защищать ея границы. Султанъ всегда возводилъ на престолъ Татарскій Хановъ, неспособныхъ къ царствованію, и съ самаго юношества дошедшихъ до скотства отъ неумѣреннаго употребленія опіума. Петербургскій кабинетъ посла-

рался тайнымъ образомъ преклонить на свою сторону Татаръ Крымскихъ, и безъ труда успѣлъ въ томъ; потому что во время продолжительнаго пребыванія Оттоманскихъ войскъ около Бендеръ Татары терпѣли отъ нихъ всякія разбойничества. Тогда Турецкая имперія во второй разъ увидѣла себя на краю погибели.

Россійскія войска двинулись въ концѣ Іюня 1770 года, объявляя вездѣ, что они намѣрены возвратить Татарамъ независимость; осадили Бендеры, и осада была продолжительна какъ по причинѣ недостатка въ искусствѣ у осаждающихъ къ нападенію, такъ и по упорству осажденныхъ. Къ вящшему бѣдствію, явилась зараза въ стану и окопахъ. Румянцевъ, начальствовавшій осаднымъ войскомъ, готовился къ отступленію; но Императрица, находящаяся за 400 миль отъ щеатра сраженій, повелѣвала ему преодолѣть природу, и надлежало повиноваться. Румянцевъ разбилъ при Кагулѣ, въ Молдавіи, Оттоманское войско, состоящее изъ 150,000 тысячъ, которое побѣжало къ Дунаю, не останавливаясь, доколѣ не ушло за 6 миль отъ поля сраженія. Въ сіе самое время Россійская эскадра собиралась предъ Дарданеллами; и Султанъ, опасаясь, чтобъ не свергли его съ престола или непріятель, или свои подданные, принужденъ былъ просить мира у тѣхъ, коихъ онъ называлъ невѣрными.

Послѣ сраженія при Кагулѣ Россіяне по-

корили все пространство, заключающееся между Дунаемъ и Днѣпромъ, гдѣ Татарскія племена скитались уже 500 лѣтъ. Бендеры, по причинѣ храбрости гарнизона, еще держались; но наконецъ и сія крѣпость взята была приступомъ. Во время кровопролитія магазейнъ съ порохомъ взорванъ на воздухъ; и пламя на великое пространство разлилось по городу и пожрало оный. Сія ужасная ночь стоила побѣдителямъ 3000 человѣкъ, не щитая потерянныхъ при осадѣ. Россійскій гарнизонъ принужденъ былъ построить себѣ палатки, потому что въ Бендерахъ не было уже домовъ.

Радость Россіянъ не была совершенна; они принуждены были оставить Лемносъ, пространнѣйшій островъ изъ окружающихъ Дарданеллы; и флотъ, назначенный предписывать законы Константинополю, принужденъ былъ отсюда удалиться.

Продолженіе смятенія въ Польшѣ.

Вся сія война, происшедшая отъ нападенія на Польшу, была полезна для конфедераціи. Графъ Пакъ, одинъ изъ славнѣйшихъ начальниковъ, исправлялъ власть исполнительную, и законодательная власть отдана была Верховному Совѣту, который своими опредѣленіями устрашалъ Короля даже въ Варшавѣ.

Казимиръ Пулавскій, долго скрывавшійся въ горахъ, узнавъ, что отечество начало оживать, вышелъ изъ своего уединенія съ небольшимъ числомъ героевъ и занялъ одну крѣпость, населенную отшельниками, изъ

которой онъ наносилъ ужасъ самой столицѣ. Россіяне начали бомбардировать его; но принуждены были снять осаду.

При сихъ ужасныхъ обстоятельствахъ и во время свирѣпой язвы, поражавшей равно Россіянъ и Поляковъ, Роялистовъ и Конфедератовъ, Станиславъ извѣстился объ обнародованіи постановленія Непремѣннаго Совѣта, коимъ объявлялся прекращалъ праздникъ. Положеніе Короля было тѣмъ затруднительнѣе, что Князь Кауницъ, управлявшій Вѣнскимъ дворомъ, и Герцогъ Шуазель, господствовавшій въ Версальскомъ кабинетѣ, хотѣли уступить Древней республикѣ Польской прежнюю ея вольность.

Первыя начала раздѣленія Польши.

Теперь открывается новое позорище въ той великой трагедіи, которой развязкою долженствовалъ быть раздѣлъ Польши.

Два Государя, Императоръ Іосифъ и Фридерикъ Великій, колебавшіе своею тяжестію Европейское равновѣсіе, долго разсматривали въ молчаніи послѣдствія, проистекающія отъ удара, нанесеннаго Польшѣ прозорливостію Екатерины, въ томъ намѣреніи, что, когда ослабѣютъ объ сіи державы, они воспользуются ихъ добычами. Іосифъ былъ весьма честолюбивъ, но недальновидѣнъ; онъ приним лъ шумную молву за славу, и искусство утѣснять народы за науку царствовать Фридерикъ II, будучи прозорливѣе въ своихъ намѣреніяхъ, искуснѣе въ средствахъ, умышлялъ сдѣлаться

первымъ изъ Королей, и дѣйствительно близокъ былъ къ тому; чѣмъ обязанъ много уму своему. Оба сіи Государя согласились въ разсужденіи раздѣленія Польши, и въ 1769 году сѣхавшись для переговоровъ въ Нейссѣ, начертали планъ раздѣла, такъ чтобъ избѣгнуть ссоры и съ Диваномъ Константинопольскимъ и съ кабинетомъ Петербургскимъ.

Для скрѣпленія начертаннаго плана Король Прусскій захотѣлъ узнать объ ономъ мысли Екатерины. Въ семъ намѣреніи братъ его, Принцъ Генрихъ, пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ 770 года и заключилъ новый союзный договоръ между Россіею и Пруссіею. По сему договору Императрица приняла соучастіе въ раздѣленіи Польши.

Послѣдствія происшествія предшествовавшія разруженію Польши.

Въ сіе время Франція дѣлала тайныя движенія въ пользу Конфедератовъ. Дюмурье, отправленный съ тайнымъ порученіемъ въ Польшу, обѣщалъ имъ денегъ, которыхъ дворъ его не имѣлъ, и вспомогательнымъ войскъ, которыхъ онъ никогда не посылалъ; но какъ Герцогъ Шуазель, покровитель его, въ концѣ 1770 года впалъ въ немилость, то Французскій повѣренный могъ дѣлать одни только ложные обороты. Между тѣмъ когда увидѣлъ, что политика его остается безъ успѣха, обратился къ оружію.

Пулавскій былъ вытѣсненъ изъ своихъ дефилей; но его отступленіе было превосходнѣе побѣды, ибо во время преслѣдованія

его непріятелемъ на разстояніи ста Англійскихъ миль, никогда не проходило двухъ дней безъ сраженія, и онъ всегда заслуживалъ похвалы отъ побѣдителя.

Дѣйствующимъ лицемъ въ Польшѣ (хотя и весьма мало оно примѣтно было среди сихъ позорищъ) былъ возведенный на престолъ для предотвращенія раздѣленій. Самое обнародованіе о лишеніи правъ не извлекло его изъ той неизвѣстности, для которой онъ рожденъ. Онъ не соображался ни съ разумомъ, ни съ происшествіями.

Союзъ защитниковъ отечества еще продолжался. Салдернъ, посланникъ Екатерины, нѣкогда присутствуя въ засѣданіи сего безпокойнаго собранія, сказалъ вслухъ, что нѣтъ въ немъ ни одного, съ коимъ бы честный человѣкъ могъ разсуждать. Вскорѣ послѣ сего Примасъ, первый членъ сего собранія, обнародовалъ, что онъ не имѣетъ никакой надежды къ примиренію государства; почему и хочетъ выѣхать изъ Польши. Приказано взять его подъ стражу въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Варшавы.

Съ другой стороны Императрица близъ Дарданелловъ пріобрѣтала новую славу; въ сіе самое время она обратила Крымъ въ свое завоеваніе.

Похищеніе Короля.

Одно нещастное происшествіе разрушило совершенно надежды Конфедератовъ. Король, пребывающій въ неизвѣстности въ Варшавѣ, давно уже безпокоилъ сихъ республиканцевъ. Справницкій, человѣкъ пыл-

каго воображенія и отчаянный, обѣщался его похитить. Онъ съ нѣкоторымъ числомъ заговорщиковъ, по наступленіи ночи, является у кареты Короля, убиваетъ его гайдука, и посадивъ его на лошадь, везетъ въ крѣпость Пулавскаго; на дорогѣ сія лошадь упала въ ровъ и переломила ногу; передовые и задніе провожатые находились довольно въ великомъ разстояніи, сбились съ дороги. Король остался съ однимъ злоумышленникомъ, который, устрашившись таковой нечаянности, становится предъ нимъ на колѣни и объявляетъ себя плѣнникомъ. Чрезъ нѣсколько часовъ освобождаютъ Государя, и онъ вступаетъ въ Варшаву при восклицаніяхъ народа. Два двора, Вѣнскій и Берлинскій, для собственной пользы вмѣнили сіе простое происшествіе въ цареубійство; разгласили о томъ, и успѣли его такъ представить въ нѣкоторой части Европы.

Между тѣмъ Дюмурье выѣхалъ изъ Польши, а на мѣсто его поступилъ Віомезниль. Сей Французской чиновникъ громко началъ свой походъ; онъ взялъ городъ Краковъ и замокъ, и запершись въ окопахъ, выдержалъ въ оныхъ долговременную осаду; но наконецъ принужденъ былъ здаться военноплѣннымъ.

Въ теченіи сего времени Прусскій Король велъ переговоры то съ Императрицею Россійскою, то съ Австрійскимъ домомъ о прекращеніи междоусобной войны

Договоръ о раздѣленіи Польщи.

въ Польшѣ, посредствомъ раздѣла ея провинцій. По долговременныхъ спорахъ, наконецъ три державы условились: Австрія получитъ весь лѣвый берегъ Вислы отъ солончаковъ Велицкихъ до устья Вирозы и сверхъ того Палатинатъ, Бельцъ, часть Волыніи и Чермную Россію: участокъ сей содержалъ около 2,500 квадратныхъ миль; Россіи досталось въ удѣлъ болѣе 3000. Что касается до Фридерика, онъ пожелалъ только 900; но сей участокъ былъ не менѣе драгоцѣненъ, ибо оный заключалъ Польскую Пруссію и часть Великой Польши. Сей договоръ былъ подписанъ въ Петербургѣ 5 Августа 1772 года.

Сіи три кабинета, для предотвращенія всякой непріятной молвы, не преминули посовѣтоваться съ правоискусниками о семъ странномъ раздѣленіи, которые и дали ему видъ нѣкоторой справедливости. Австрія поставила въ силѣ древнія права, взятыя изъ старинныхъ картъ въ Университетахъ Германскихъ. Фридерикъ выставилъ не право своего меча, но дипломы. Что же касается до Екатерины, она потребовала удовлетворенія за убытки, понесенные во время долговременной войны внутри Польши.

Австрія и Пруссія вступили вооруженною рукою въ присвоенныя провинціи; Россія напротивъ показала необыкновенную кротость: она не только вызвала Салдерна и вмѣсто его отправила благоразумнаго Стакельберга, человѣка самаго снисходитель-

наго, но и дала позволеніе изъ странъ новоприобрѣтенныхъ переселяться въ другія и возвратила удаленныхъ.

Понятовскій оставался, и никто не заботился о его участи. Сей Государь пробудился на минуту отъ своего смертнаго сна. Онъ собралъ свой Сенатъ, который отъ 123 членовъ дошелъ въ нещастныя времена до 27. Симъ останкамъ назначено было отъ Верховнаго Совѣта созвать Сеймъ и отдѣлиться.

Сей Сеймъ долженъ былъ только повиноваться предписываемымъ повелѣніямъ. Тщетно Князь Желковскій и Епископъ Виленскій говорили языкомъ Римлянъ: ихъ никто не понималъ, или по крайней мѣрѣ не хотѣлъ понимать. Три двора предписали законъ и согласились на принятіе договора о раздѣлѣ во всей его цѣлости.

Король представлялъ на семъ Сеймѣ избирательное лице, который одинъ только мечъ иностранныхъ удерживалъ отъ смятеній. Наконецъ, когда Сеймъ хотѣлъ уже расходиться, три державы назначили Королю въ жалованье 200,000 червонцевъ; позволили предсѣдательствовать въ Непремѣнномъ Совѣтѣ, состоящемъ изъ 40 членовъ.

Такимъ образомъ совершилось сіе важное предпріятіе.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Исторія Французской Монархіи отъ возшествія на престолъ послѣдняго Короля до революціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Непостоянство министровъ во Франціи. Слабость правленія при справедливѣйшемъ изъ Государей.

1774. Первое министерство поручено слабому Морепу.

Лудовикъ XVI на двадцатомъ году отъ рожденія вступилъ на престолъ послѣ безпечнѣйшаго изъ Королей, который подорвалъ престолъ въ своемъ основаніи и приготовилъ ему разрушеніе. Лудовикъ XVI обѣщалъ народамъ своимъ блаженнѣйшее царствованіе; ибо онъ, не смотря на крайнее развращеніе двора, наблюдалъ бережливость Сюлліеву и древніе нравы Фокіоновы. Онъ исправилъ бы вѣкъ собственнымъ примѣромъ, симъ вѣрнѣйшимъ закономъ, ежели бы только вѣкъ его достоинъ былъ исправленія.

Юный Монархъ не имѣлъ хорошаго воспитанія; онъ зналъ сіе, но рожденный съ здравымъ смысломъ, онъ былъ скроменъ, и соображеніемъ съ народнымъ мнѣніемъ всевозможно старался вознаградить недостатокъ просвѣщенія.

Основываясь на семъ народномъ мнѣніи, Лудовикъ опредѣлилъ перваго министра

Машольша, человѣка способнѣйшаго изъ всѣхъ Французовъ, и желалъ только быть справедливымъ къ тому старцу, который въ прежнее царствованіе весьма долго, по неразумію, оставался въ забвеніи: но пронырство двора сдѣлало ничтожною добродѣтель юнаго Монарха. Король любилъ нѣжно, и при томъ не слѣпо тетку свою Аделаиду. По совершеніи своего выбора онъ показалъ по неосторожности письмо, коимъ онъ вызывалъ новаго Цинцинната изъ садовъ своихъ къ подножію престола. Тетка Лудовика, по внушенію подлыхъ людей, употреблявшихъ во зло добродѣтель ея, сказала: письмо сіе было бы превосходное дѣло, ежели бы оно посылалось къ Графу Морепу. Вдругъ перемѣнили надпись, и послѣдній получилъ приказаніе ѣхать для управленія Франціи, тогда какъ онъ старался только о томъ, чтобъ имя его предали забвенію въ Понтшартренѣ, мѣстѣ своей ссылки.

Король по своей справедливости дѣлается идоломъ у народа.

Народъ весьма досадовалъ на покойнаго Лудовика XV за то, что онъ поручилъ въ управленіе государство развращеннымъ придворнымъ, кои поставляли забавою повреждать его нравственность. Преемникъ Лудовика, вступивши на престолъ, однимъ дуновеніемъ развѣялъ сіе подлое племя. Маршалъ Ришелье, поставлявшій себѣ за честь быть главою онаго, принятъ былъ съ молчаніемъ и презрѣніемъ, которое бываетъ у Королей предвозвѣстникомъ гнѣва. Министры, возмущавшіе Францію, какъ то,

Герцогъ Эгильіонъ, Аббатъ Террай и Канцлеръ Мопу, отправились въ ссылку для очищенія преступленій престола и своихъ собственныхъ. Никто не пожалѣлъ о нихъ, потому что ни одинъ величественный поступокъ не заглаждалъ ихъ подлости. Лафонтенъ ни объ одномъ изъ нихъ не могъ бы сказать сего: *фукетъ невиненъ, потому что онъ нещастенъ.* Маршалъ Мюй, при Лудовикѣ XV, смѣло отказался отъ принятія должности послѣ Герцога Шуазеля: при новомъ Королѣ поручили ему должность Военнаго Министра, которая при Герцогѣ Эгильіонѣ содѣлалась средоточіемъ безразсуднаго самовластія.

Новое Министерство.

Генералъ-Полицмейстеру Сартину поручили въ управленіе морскую воду. Ему совсѣмъ неизвѣстны были дѣла, относящіяся до мореплаванія, ибо онъ никогда не бывалъ на кораблѣ; но, подобно своему Государю, онъ окружался всѣмъ, что могло замѣнить недостатокъ его свѣденій; онъ любилъ свой департаментъ, и ему охотно прощали, что не родился въ семъ званіи.

Иностранныя дѣла отданы были въ управленіе племяннику знаменитаго дипломатика Шиваньи, Графу Вержень, бывшему тогда въ Швеціи посланникомъ. Онъ способенъ былъ занимать должность втораго Министра; но ни мало не имѣлъ дѣятельности и прозорливости, посредствомъ коихъ управляютъ Европейскими кабинетами и коими въ превосходной степени

обладали Кардиналъ Ришелье и Герцогъ Шуазель; но онъ употребилъ всю свою дипломатическую хитрость для удержанія себя при дворѣ и умеръ на своемъ мѣстѣ.

Опредѣленіе Тюргота въ государственные Казначеи, особливо съ самаго начала, весьма много привлекло защитниковъ новаго порядка вещей. Вотъ Римлянинъ, который тѣмъ только былъ виноватъ, что родился не въ республикѣ Цинцинната и Куріана. Онъ давно уже добивался ко двору: наконецъ добродѣтель Лудовика его избрала. Всѣмъ извѣстны прогательныя слова, которыя онъ сказалъ тогда Монарху: *всемилостивѣйшій Государь! я бы уклонился отъ Короля; но я предаю себя честному человѣку.* Самыя начатки Тюргота въ родѣ нововведеній были одобрены: онъ былъ Сюлли, который старался воскресить Генриха IV, и его неутомимость становилась постепенно подозрительною для одного только легкомысленнаго Морепа.

Впрочемъ не всѣ выборы Лудовика XVI сдѣланы были по мнѣнію народному: нѣкоторые изъ оныхъ производились по пронырству придворнаго Мера, и между прочими выборъ Гю Миромезниля на мѣсто хранителя печатей. Сей человѣкъ, безъ дарованій, безъ характера и особливо безъ нравственности, одолженъ своимъ возвышеніемъ связямъ съ Госпожею Морепа. Онъ во время своего управленія дѣлалъ одни только ошибки; но его покровитель всегда

старался прикрывать оныя острыми словами и не допускалъ его до стыда.

1775. Возстановленіе Парламентовъ. Лудовику XVI, для пріобрѣтенія всеобщаго одобренія, надлежало еще возстановить правительство; и сія мирная перемѣна была произведена. Страннымъ показалось только то, что возстановленіе перваго изъ Парламентовъ, палаты Перовъ, учинено было съ разрушеніемъ градоправительства: лучше было бы для возобновителя монархіи приступить къ возстановленію правительства съ уничтоженія Парламентовъ.

Парламенты, вскорѣ по своемъ возстановленіи показали себя недостойными уваженія: они вмѣшались въ придворныя пронырства, начали мстить за личныя обиды, и чрезъ то, по совершенномъ своемъ разрушеніи, въ бурныя времена революціи Французской, уменьшили о себѣ сожалѣніе.

Парижскій Парламентъ началъ свои враждебныя дѣйствія противъ двора противоборствомъ противъ дарованій Тюрготa, склоннаго нѣсколько къ новизнамъ. Сей министръ хотѣлъ учредить навсегда одинакую подать и дозволить безпрепятственно производить торговлю хлѣбомъ въ зернѣ. Онъ ввелъ благоразумныя вступленія въ заглавіи указовъ Государя: мысль, достойная удивленія! Отецъ двадцати пяти милліоновъ представлялся разговаривающимъ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ о средствахъ содѣлать оное благополучнымъ. Но Парламентъ никакъ не хотѣлъ допустить непремѣнной

подати, потому что отъ сего представленія его сдѣлались бы безполезными. Дозволить же безпрепятственную торговлю зерномъ и того больше не соглашался; ибо по причинѣ безнравственности главныхъ городовъ, вмѣсто униженія цѣны на первой изъ сѣѣстныхъ припасовъ, произошли бы возмущенія. Въ самомъ дѣлѣ много было людей, кои, получая жалованье отъ нѣкоторыхъ лихоимцевъ, для собственной пользы умышленно старались производить недостатокъ въ хлѣбѣ. Мало по малу все успокоилось, и только два купца за таковое злоупотребленіе были повѣшены.

Весьма важное лицо представляла тогда при дворѣ, преобразованномъ Монархомъ, любителемъ благонравія, повѣренная его мыслей Марія Антоанетта Австрійская. Сія Государыня, толико обожаемая во время соблюденія нравственныхъ правилъ, и толико поносимая въ тѣ дни, когда вмѣсто оныхъ во Франціи воцарялись страсти, заблужденія и злодѣянія, достойна представиться въ Исторіи справедливыми чертами.

Французская Королева, украшеніе того величія, которое внушаетъ болѣе уваженія, нежели любви, была благотворительна не для пышности, но по нуждѣ. Мщеніе никогда не входило къ миролюбивую ея душу: всѣмъ извѣстны слова, сказанныя ею въ разсужденіи одного изъ ея непріятелей, добивавшагося ея покровительства: *Я знаю все, и все забыла.* По возшествіи на пре-

столь въ такихъ лѣтахъ, когда человѣкъ съ трудомъ понимаетъ самаго себя, она могла упрекать себя за одну слабость, которую болѣе должно приписать молодости, нежели ея правиламъ. Она предалась любви къ народу, которая въ золотомъ вѣкѣ придаетъ болѣе прелести, но которая послужила ей поношеніемъ въ желѣзномъ вѣкѣ. Она не знала, что въ бурныя политическія времена надобно всевозможно удаляться отъ черни, ежели не хочешь понести отъ оной оскорбленія. Настала буря; Королева познала свою неосторожность, происшекающую отъ доброты сердца, хотѣла перемѣнить свой ходъ; но уже было поздно. Уже народъ былъ Королемъ, а Король жалѣлъ, что онъ не родился между чернію.

Обрядъ помазанія на царство

Пятнадцать мѣсяцевъ Лудовикъ XVI провелъ на царствѣ, и ни какъ не думалъ, чтобъ въ вѣкѣ философскомъ, для большаго обожанія отъ народа, нужно было прибѣгать къ обрядамъ церковнымъ; но здравый разсудокъ научилъ его, что не надобно пренебрегать мнѣнія большой части подданныхъ, для которыхъ церковные обряды весьма драгоцѣнны, и которые знали, что со временъ отца Карла Великаго всѣ Короли совершали обрядъ помазанія на царство. Такимъ образомъ Лудовикъ пріѣхалъ въ Реймсъ въ сопровожденіи семи вновь опредѣленныхъ Французскихъ Маршаловъ, приказалъ помазать себя святымъ муромъ, и хотя зналъ, что симъ болѣе не пріі-

обрѣлъ права на Королевскій санъ, однако почелъ себя достойнѣе любви своихъ подданныхъ.

Въ сіе время Тюрготъ былъ по истинѣ самодержецъ. Онъ предлагалъ, впрочемъ нѣсколько съ большею властію, планы для обновленія государства, болѣе составленные для простаго, вновь образующагося народа, нежели для древней монархіи, пользующейся послѣдними искрами жизни для отклоненія отъ себя дряхлости. Онъ хотѣлъ, чтобъ всякое правительство соображалось со всеобщею въ государствѣ нравственностію; чтобъ заплатило долги свои и употребило всю строгость противъ банкротовъ; чтобъ запретило тяжбы и займы, погружавшіе въ вѣчные долги государство, и чтобъ всякой гражданинъ, уважающій законъ, былъ свободенъ. Сіи правила были совершенно по сердцу Монарха, который имѣлъ душу Траяна и Маркъ-Аврелія, хотя и не имѣлъ ихъ просвѣщенія; но они всегда были въ государственномъ Совѣтѣ отвергаемы Министрами, по наущенію легкомысленнаго Морепа. Почему часто Лудовикъ XVI удивлялся послѣдствію таковыхъ разсужденій. „Я прошу въ томъ „прощенія у моего Совѣта, сказалъ онъ отъ „нажды; но только Тюрготъ и я любимъ „народъ.“

Министерство знаменитаго

Лудовикъ XVI всегда былъ увѣренъ, что Тюрготъ желалъ блага Франціи, и слѣдовательно утвержденія короны; но опасаясь,

Мальгер-ба.

чтобъ отъ толикаго сопротивленія онъ не ослабѣлъ, подкрѣпилъ его Римскую честность снисходительнѣйшею добродѣтелію знаменитаго Мальгерба. Около 50 лѣтъ уже Сен-Флоренцень, Герцогъ Врильеръ, правилъ департаментомъ Королевской Лейбгвардіи. Онъ держался въ семъ мѣстѣ посредствомъ пронырствъ, подлостей и униженія. Его называли при дворѣ *полусвятымъ* (petit saint); но лучше бы называть его Ариманомъ Зороастровой вѣры; ибо онъ бытіе свое ознаменовалъ одною маловажною злостію, тайною ненавистію къ важнымъ людямъ и своими започительными указами за подписаніемъ Короля. Лудовикъ XVI, желавшій быть творцемъ добра, гнушался наказать сего полудеспота; но отмстилъ за его безчисленныя жертвы, сдѣлавъ ему преемникомъ въ министерствѣ сына Канцлера Ламоаніона, добродѣтельнаго Мальгерба.

Мальгербъ былъ одинъ изъ числа людей золотаго вѣка, осужденный жить среди желѣзнаго для представленія спора между нашимъ униженіемъ и превосходствомъ. Почему развращенный дворъ видя ясно, какое благо преднамѣревалъ сдѣлать сей великій человѣкъ, заклялся погубить его. Преобразованіе, особливо Лейбъ-гвардіи, привлекло ему ненависть отъ всѣхъ тѣхъ, кои жили на щетъ короннаго имущества. Онъ началъ уже ослабѣвать, какъ Тюрготъ возвратилъ ему свою силу, сказавъ слова, достойныя Римлянина. *Поражайте*, говорилъ онъ ему,

враговъ общественнаго блага; я приму на себя ненависть за преобразованіе, а вамъ предоставляю славу за оное.

Сею славою за исправленіе злоупотребленій при такомъ дворѣ, гдѣ уже полвѣка жили однѣми злоупотребленіями, Мальгербъ не могъ наслаждаться при жизни, и краткость времени, проведеннаго въ Министерскомъ званіи, не позволила ему покрыть себя оною. Впрочемъ онъ имѣлъ нѣкоторую слабость, которая происходила отъ недовѣрчивости къ своимъ познаніямъ и благоразумной терпимости, ежели не къ самымъ вещамъ, то по крайней мѣрѣ къ людямъ. Онъ понималъ благо, хотѣлъ дѣлать оное, но безъ сильнаго потрясенія; и какъ одинъ только Король его поддерживалъ, то онъ сего и не сдѣлалъ.

Сей новый Фокіонъ болѣе успѣлъ въ исправленіи ненавистнаго порядка въ темницахъ, особливо въ Винценской и въ Бастиліи. Онъ самъ ѣздилъ въ оныя, приказалъ отворить въ нихъ заклепы, и такимъ образомъ смягчивъ наказаніе за преступленіе, даровалъ свободу нещастнымъ.

Королевскіе указы (Letzes des cachet), которые предшественникъ Мальгерба въ теченіи сорока лѣтъ употреблялъ во зло, были также предметомъ его попеченій. Онъ учредилъ судилище для разсматриванія того, что называли на министерскомъ языкѣ преступленіемъ противъ правительства, дабы оно по разсмотрѣніи своемъ дѣла,

отправляло оное въ государственный Совѣтъ для окончательнаго рѣшенія. Сіе значило уничтожить Королевскую Инквизицію въ самомъ основаніи. Мальгербъ не имѣлъ времени видѣть плодовъ отъ сего спасительнаго учрежденія: когда Монархъ началъ блюсти оное, тогда монархія была уже поражена смертію.

1775. Министерство Граф Сенъ Жерменъ.

Между тѣмъ какъ Лудовикъ XVI окружаясь честными людьми, старался примирить народъ съ престоломъ потерялъ того изъ своихъ министровъ, къ коему онъ болѣе всѣхъ имѣлъ довѣренности: я говорю о Маршалѣ Мюй, человѣкѣ благонравномъ, набожномъ, можетъ быть, до излишества, но приверженномъ къ славѣ своего Государя. Онъ сдалъ сему Королю должность Военнаго министра наканунѣ того дня, въ который хотѣлъ вырѣзывать у себя камень. Можетъ быть онъ предчувствовалъ смерть свою и не хотѣлъ ни въ чемъ сдѣлать остановки по своему министерству. Лудовикъ XVI плакалъ по немъ; ибо хотя онъ былъ и Королемъ, но зналъ цѣну дружества.

Трудно было найти такого преемника сему министру, который бы облегчилъ горесть о его потерѣ. Уже представлены были ко двору списки, и всякій, кто только имѣлъ нѣкоторую довѣренность назначалъ гордо своего любимца. Мальгербъ, встрѣтившись въ галлереѣ Версальской съ слабымъ Мореномъ, сказалъ ему, что ежели бы онъ

былъ Королемъ, не сталъ бы искать для такого министерства человѣка, явно употребляющаго происки, но обратилъ бы вниманіе на скрывающіяся способности. Потомъ упомянулъ онъ кстати о Графѣ Сен-Жермень, который хотя и рожденъ быть Французскимъ Маршаломъ, жилъ въ своей хижинѣ въ Франш-Конте. Жаль только, присовокупилъ онъ, что сей нещастный не имѣетъ друзей. Такъ мы будемъ ему друзьями, отвѣчалъ первый министръ. Столь пріятнаго слова никогда не выпѣтало изъ устъ его: и въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько дней Сен-Жермень опредѣленъ былъ министромъ.

Къ нещастію, новый министръ, не смотря на его честность и великую къ войнѣ способность, доказанную имъ какъ въ побѣдахъ при Этре и Ришелье, такъ и въ благоразумныхъ отступленіяхъ послѣ безчестнаго пораженія Минденскаго и Росбахскаго, совсѣмъ не имѣлъ того Французскаго духа, которой доставлялъ столь много чести Герцогу Шуазелю. Онъ, родившись съ характеромъ весьма непостояннымъ, служилъ попеременно у Императора Карла VI, у Курфирста Палатина и Короля Датскаго; не удовлетворилъ ни одному изъ сихъ Государей, равно какъ и самъ не былъ ими доволенъ. Всѣ народы оставались имъ весьма довольны, и вообще вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, хорошо объ немъ отзывались.

Какъ онъ любилъ вводить новизну, то

съ самаго начала своего министерства уничтожилъ двѣ роты мушкетеровъ, придававшихъ столь много блеску Королевской гвардіи. За симъ преобразованіемъ послѣдовала перемѣна въ карабинерахъ и жандармахъ; и держась своего плана, онъ началъ вызывать поперемѣнно Французскіе полки, разсѣянные по городамъ для охраненія Монарха въ Версалію. Таковое самовластіе возмутило все дворянство, потому что оно руководствовалось своими правилами и своими злоупотребленіями. Оно несравненно сильнѣе бы загремѣло, ежели бы предусмотрѣло, что таковое разрушеніе Королевской гвардіи со временемъ послужитъ къ осадѣ Версальскаго замка, случившейся ночью 6 Октября, и подастъ поводъ къ нещастному сраженію 10 Августа.

Всѣ сіи дурныя соображенія въ управленіи военномъ запечатлѣны были глупостію производить наказаніе плашмя саблею за самые маловажные проступки Французскимъ солдатамъ, которыхъ честь есть стихія, которые умѣютъ умирать на полѣ сраженія, но не хотятъ понести безславія за ошибки и нарушеніе воинскаго порядка. Когда буря зашумѣла противъ министра, то кровь его пришла въ сильное волненіе и онъ потребовалъ у Короля помощника въ особѣ его друга, Принца Монтбарре.

Управленіе морскими силами не лучше было распоряженій сухопутныхъ. Сартинъ, Министръ морскихъ силъ, не имѣлъ

никакого понятія о мореходной Астрономіи, и занявшись совершенно мѣлочными дѣйствіями по Управѣ Благочинія, учрежденной Аржансономъ, не имѣлъ никогда и случая видѣть военнаго корабля; но будучи осторожнѣе Сен Жерменя и не столько завѣйливъ, вникалъ тайно въ Англійскую политику, которая начинала перемѣнять равновѣсіе Европы. Онъ окружался людьми почтенными по обѣимъ флотамъ, Королевскому и купеческому, и хотя не сдѣлалъ ничего важнаго по министерству, къ которому онъ былъ неспособенъ, однако, къ щастію, отставкою отъ онаго возбудилъ сожалѣніе.

Между тѣмъ чѣмъ удачнѣе Лудовикъ XVI направлялъ политическую машину, тѣмъ болѣе бунтовщики, коимъ онъ противоборствовать не имѣлъ силы, ему въ семъ препятствовали: особеннымъ сему доказательствомъ послужило паденіе Тюргота и отставка Мальгерба. 1776. Паденіе Тюрго-та Отставка Маль-герба.

Тюрготъ имѣлъ республиканскую добродѣтель, которая всегда противна въ монархіяхъ; онъ не умѣлъ прикрывать скромностію своихъ преобразовательныхъ плановъ и тѣмъ отвращать препятствія; но стремился быстро къ своему *оптимизну*, какъ воинъ къ завоеванію. Невозможно такимъ образомъ поправить старой монархіи, которая не имѣетъ другой силы, какъ только ускорять плачевный предѣлъ своей дряхлости.

Тюрготъ, по неискусству своему, высокомѣріемъ, а и того болѣе своею довѣренностію у Лудовика XVI, отклонилъ отъ себя слабаго Морепа. Морепа, опасаясь паденія, возмутилъ противъ него всѣхъ придворныхъ, коихъ учрежденіе новаго порядка лишило прежнихъ выгодъ. Вскорѣ возстало противъ него цѣлое войско, которымъ предводительствовалъ тайно братъ Короля, наслѣдникъ престола. Тюрготъ обращенъ былъ въ посмѣяніе, а сіе у легкомысленнаго народа значитъ средство отнять все могущество.

Впрочемъ Лудовикъ XVI, рожденный съ здравымъ смысломъ, видѣлъ всѣ разставляемыя ему сѣти, и не могъ рѣшиться на испроверженіе идола, имъ воздвигнутаго. Хитрость, достойная двора Діонисія Сиракузскаго, торжествуетъ надъ его добродѣтельнымъ сопротивленіемъ. Тогда открылась сильная война между государственнымъ казначеемъ и Парламентомъ, который не хотѣлъ согласиться на принятіе отеческаго указа о уничтоженіи тягостныхъ работъ, возлагаемыхъ на крестьянъ. Государь, не смѣя самъ по себѣ ничего рѣшить между первою палатою Парламента и мудрецомъ, желалъ узнать народное мнѣніе; и Генералъ Директоръ почтъ, преданный развращенному двору, приказалъ тайно разсѣвать ядовитыя сатиры противъ новаго порядка вещей, кои представляемы были слабому Монарху, какъ невинное выраженіе чувст-

ваній народа, почему уничтожилась система преобразованія, и Тюрготъ палъ жертвою. Такой сильный и скрытный ударъ нанесли придворные и главные парламентскіе чиновники добродѣтельному преобразователю, что его удаленіе показалось справедливымъ возмездіемъ. Мудрецъ ни мало не изгибался; онъ написалъ письмо, исполненное гордости и мужества, къ непостоянному опекуну юнаго Монарха, которое, распространившись посредствомъ тисненія при дворахъ иностранныхъ, свидѣтельствуетъ въ Исторіи о вѣроломствѣ послѣдняго.

За паденіемъ Тюргота, по необходимости, долженствовала слѣдовать отставка Мальгерба. Мальгербъ въ планахъ своихъ о возобновленіи Монархіи обыкновенно соображался съ духомъ своего друга, почему и не хотѣлъ послѣ него оставаться въ милости, и тотчасъ подалъ въ Версалѣ прозьбу о своей отставкѣ. Лудовикъ долго не соглашался принять оной. Благоразуміе показывало, что ему необходимы услуги Мальгерба; онъ даже со слезами заклиналъ сего министра не оставлять его среди толикаго множества людей развращенныхъ, кои находили свою выгоду скрывать отъ него справедливость. Мудрецъ остался непреклоненъ, и проспавшись охотно съ такимъ дворомъ, при которомъ не было друзей добра, кромѣ Короля безъ характера, поѣхалъ упражняться въ земледѣліи и искусствахъ въ долинахъ замка Мальгербъ.

Торжество Морепа было совершенно. Когда Тюрготь со строгою, а Мальгербъ со снисходительною добродѣтелію удалились изъ Версаліи, онъ сдѣлалъ исполинскій шагъ къ могуществу: ему дали титулъ Предсѣдателя Совѣта государственныхъ доходовъ; что самое и заставляло Статс-Секретарей работать у него въ дому. Сія степень представляетъ достоинство лорда государственнаго Казначея, перваго министра въ Англіи. Съ сего времени Морепа былъ Королемъ безъ короны, и его слабости въ управленіи должно приписать долговременныя бѣдствія, породившія революцію.

1777. Скорая перемѣна новыхъ министровъ.

Сколь ни былъ ненавистенъ Тюрготь для сильной черни Парижской и Версальской, однако трудно было замѣнить его; по крайней мѣрѣ въ народномъ мнѣніи. Господствующая сторона заставила опредѣлить Государственнымъ Казначеемъ Клюньи, Интенданта Бордоскаго, человѣка совершенно ничтожнаго въ важномъ управленіи, который жилъ только для себя и для женщинъ. По пятимѣсячномъ гнусномъ министерствѣ, во время коего онъ былъ невидимъ людьми, свѣдущими въ дѣлахъ Государственныхъ и способныхъ его наставить, умеръ онъ въ объятіяхъ одной любовницы, не заслуживъ никакого сожалѣнія у отечества; потому что ничего для него не значилъ. Статскій Совѣтникъ Табуро заступилъ его мѣсто. Онъ былъ человѣкъ добрый, но безъ дарованій; почему и не воспрепятствовалъ раз-

дробить свою должность славному Неккеру.

Во времена, столь трудныя для удержанія отъ медленнаго паденія монархіи, потребенъ былъ человѣкъ съ великимъ характеромъ, который бы могъ защищать недѣятельную добродѣтель Государя; и въ семъ случаѣ слабость человѣка добраго, но робкаго, была бичемъ не менѣе ужаснымъ по своимъ послѣдствіямъ, какъ и пылкій, но развращенный умъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Краткая исторія о министрѣ Неккерѣ. Путешествіе Императора Іосифа II. Смерть Вольтера и философа Руссо.

Съ 1777 по 1780. Начало министерства Неккера. Его политическая жизнь и вліяніе на правленіе.

Неккеръ, преемникъ слабаго Табуро, тотъ Неккеръ, который, пользуясь своею довѣренностію, скоро отрѣшитъ отъ должности обоихъ министровъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, представлялъ столь важное лице въ послѣднія времена Французской монархіи, что Исторія не можетъ оставить его безъ вниманія. Ненависть и энтузіазмъ усугубили его славу: можетъ быть, онъ и былъ того достоинъ. Для большаго безпристрастія я займу одно только происшествія и взвѣшу оныя.

Неккеръ, Женевскій уроженецъ и министръ во Франціи отъ сей малой республики, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, горѣлъ любовію къ славѣ; но будучи безъ предковъ,

безъ подпоры, и имѣя право на знатность одну только похвалу Кольберта, увѣнчаннаго Академіею, принужденъ былъ употребить маловажныя средства для проложенія себѣ пути къ могуществу. Стихотворецъ безъ дарованій и Маркизъ безъ знатнаго рода, по имени Масонъ Пезе, ввелъ его въ домъ Графа Морепа. Онъ представилъ, что Женевскій банкиръ, собравшій многіе милліоны денегъ посредствомъ искусныхъ расчетовъ, имѣлъ всѣ дарованія, нужныя для поправленія государственныхъ доходовъ во Франціи. Уже сей министръ предубѣжденъ былъ въ пользу Неккера умною критикою дѣяній Тюргота, которую онъ особенно и употребилъ къ отмщенію. Морепа согласился испытать дарованія Неккера въ подвластномъ управленіи; и какъ онъ умѣлъ дѣлать добро посредствомъ одной несправедливости, то и раздѣлилъ министерство государственныхъ доходовъ добраго Табуро, поручивъ новому своему питомцу управленіе королевскою казною. Неккеру нужна была только первая степень власти для достиженія высочайшей. Онъ въ краткое время прошелъ всѣ степени, и взялъ смѣлою рукою вожди правленія.

Предѣлы, назначенные Морепомъ между государственнымъ казначеемъ и правителемъ Королевской казны, столь слабо были начертаны, что удобно въ оныхъ обмануться. Обширному уму Неккера не трудно было восторжествовать надъ недѣятельною

честностію. Онъ увѣрилъ, что доставитъ впредь пособія сорокъ милліоновъ, ежели высшій надъ нимъ министръ не воспрепятствуетъ ему въ дѣйствіяхъ по государственнымъ доходамъ; и Табуро былъ смѣненъ.

Неккеръ, принявъ главное управленіе надъ государственными доходами, просто со званіемъ Директора, не обманулъ всеобщаго чаянія. Онъ обратилъ въ государственную казну двадцать семь милліоновъ терявшихся въ казначействахъ, возвысилъ безъ великихъ усилій государственные доходы, и нашелъ, по видимому, важный способъ, столь давно изыскиваемый правителями, то есть равенство между приходомъ и расходомъ. Сіе время было самое блистательное въ его политической жизни; ибо какъ онъ, не отрекаясь отъ малаго отечества, въ которомъ родился, старался сдѣлаться геніемъ хранителемъ великаго отечества, его усыновившаго, то и не видѣлъ соперниковъ, а нашелъ однихъ почитателей.

Сія народная любовь возрасла по изданіи двухъ сочиненій, кои имѣли сугубый успѣхъ, то есть, доставили ему уваженіе и продажу. *Сдѣланный отчетъ* и *разсужденіе о управленіи государственными доходами*, оба сіи творенія имѣли своею цѣлію раздрать завѣсу, прикрывавшую мрачный Махіавелизмъ правленія безъ правилъ, и доказать, что нѣтъ благополучія для управляемыхъ безъ

нравственности управляющихъ. Впрочемъ сіе очарованіе не продлилось болѣе четырехъ съ половиною лѣтъ, то есть, времени, проведеннаго симъ знаменитымъ мужемъ въ первомъ министерствѣ. Но какъ бы непріятели своими сужденіями ни помрачали его славу; однако несправедливо было бы обвинять его одного въ недостаткахъ, перемѣнявшихъ народное мнѣніе. Извѣстно, что дворъ Лудовика XVI наполненъ былъ чародѣями, кои пожирали золото и плоды народныхъ трудовъ. Надлежало каждую минуту приводить въ движеніе махину для государственныхъ доходовъ, и приводить такъ, чтобъ народъ не зналъ о подлости средствъ.

При отставкѣ Табуро, Неккеръ обѣщалъ первому министру, что какую бы войну ни предпріяла Франція, онъ доставитъ къ тому пособія безъ новаго налога; однакожъ умолчалъ при семъ, что оборотомъ суммы казначейской, находящейся въ его рукахъ, истощитъ другія для отвращенія недостатка въ военныхъ и флотскихъ припасахъ; что вознаградитъ это тягостными займами, за кои не льзя взыскивать, потому что они произвольныя, и налогами, которые принудили бы Парламенты къ справедливому сопротивленію. Тогда непріятели Директора государственныхъ доходовъ довольно правдоподобно говорили, что онъ воскресилъ Аббата Террая, и умѣлъ только уничтожить долги безъ платежа,

сдѣлать преобразованіе безъ выгоды и займы безъ мѣры.

Ращеты политиковъ еще болѣе нанесли оскорбленія Неккеру, нежели обиды порицателей. Въ началѣ Французской революціи нашлось, что во время сего управленія, съ самаго возвышенія Неккера и до его паденія займы простирались до 460 милліоновъ, отъ чего королевская казна была въ долгу 40 милліоновъ.

Неккеръ прежде, нежели народъ открылъ глаза, успѣлъ показать свое могущество. Министръ морскихъ силъ Сартинъ непрестанно препятствовалъ ему въ дѣйствіяхъ по государственнымъ доходамъ требуя чрезвычайныя суммы на расходы для своего департамента. Неккеръ видя, что Морепа не выходилъ изъ дому по причинѣ водяной болѣзни, представилъ предъ Людовика XVI и объявилъ ему съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, что подастъ въ отставку, ежели Сартинъ не будетъ отрѣшенъ чрезъ 24 часа. Слабый Монархъ остановился на минуту; но услуги Женевца представлялись ему необходимыми по причинѣ опасности, въ каковой находились государственныя дѣла: почему Сартинъ лишился министерства, и должность его поручили Маршалу Кастри.

За симъ придворнымъ пронырствомъ послѣдовало другое. Военный министръ Монбаррей, подражатель нововведеній Графа Сен-Жерменя, для извиненія оныхъ не имѣлъ

ни дарованій, ни заслугъ. Неккеръ, чтобъ дѣлать добро съ силою, хотѣлъ быть самовластнымъ въ своемъ департаментѣ; почему увидѣвшись съ нимъ, устрашилъ его мыслію о поносномъ паденіи и заставилъ итти въ отставку: тогда должность его перешла къ Маршалу Сегюру.

Различныя происшествія. Путешествіе Іосифа II во Францію.

Въ то самое время, когда Неккеръ испровергалъ всѣ министерства, кромѣ своего, ужасное изверженіе Везувія, изрыгающаго столбъ лавы съ раскаленными камнями, высотою около 3000 саженъ, заставило опасаться въ Неаполѣ участи подобной Геркулану: впрочемъ бѣдствіе сіе само по себѣ прекратилось и безъ ходатайства С. Januарія.

Въ сіе же время началась и война за независимость Англійской Америки, и Неккеръ принялъ великое въ оной участіе. Уже возражались въ умѣ его вздорныя мысли о республикѣ. Онъ желалъ бы, чтобъ Европа, образованная по примѣру республики Платоновой, имѣла на своей поверхности одинъ существа свободныя, начиная съ Гренландіи до восточныхъ предѣловъ Испаніи. Сіе мудрованіе было началомъ его паденія, долговременнаго безначалія Франціи и кровопролитій въ одной части свѣта.

Неккеръ былъ еще Вице-Королемъ, когда Императоръ Іосифъ II, превожимый сумазбродствомъ сдѣлать преобразованіе въ войнѣ и политикѣ, пріѣхалъ въ Парижъ подъ именемъ Графа Фалкенштейна для изслѣдованія началъ долговременнаго упадка

Французской монархіи, заблужденій ея перемѣнчиваго правленія и ея пособій.

Сестра его, Французская Королева, истощила всѣ прелести для угожденія ему; и не могла исторгнуть у сего строгаго Государя ни одного ласкательнаго слова въ знакъ признательности. Всѣмъ извѣстны слова, сказанныя имъ Маріи Антоанеттѣ, когда она явилась къ нему, убравъ свою голову перьями, цвѣтами и бриліантами. „Вотъ, сказалъ онъ, этотъ уборъ весьма къ лицу „моей сестры; но я почитаю его неприличнымъ для короны.“

Іосифъ обозрѣлъ всѣ памятники въ столицѣ съ такимъ любопытствомъ, которое показывало его познанія. Онъ принималъ всѣхъ министровъ въ крѣпости; и, что всего болѣе доставило ему чести, посѣтилъ знаменитаго Мальгерба, сложившаго съ себя званіе министра.

Ученые люди, отъ которыхъ заслужить уваженіе всѣ добрые Государи почитаютъ нужнымъ для своей славы, были главнымъ предметомъ благосклонности Іосифа. Онъ ѣздилъ въ Академіи для пожатія плодовъ ихъ просвѣщенія, не давая знать о себѣ и не испоргая ихъ ласкательствъ; посѣтилъ Бюффона и всѣхъ справедливо прославившихся писателей, не предупреждая ихъ въ пользу свою подарками и не имѣя гордости имъ покровительствовать. Онъ только въ томъ отступилъ отъ умной системы Перикловъ и Медицисовъ, что не захо-

тѣлъ видѣть въ Фернеѣ Вольтера, великаго Французскаго мужа, который уже сорокъ лѣтъ управлялъ мнѣніемъ и производилъ превосходныя дѣла и сочиненія.

Смерть Вольтера.

Вольтеръ живо чувствовалъ оскорбленіе, нанесенное ему Императоромъ, но утѣшился потомъ усердіемъ своихъ почитателей, кои вызвавъ его въ Парижъ, еще при жизни включили въ число превосходныхъ мужей. Сей великій человѣкъ на восемдесятъ четвертомъ году своей жизни увидѣлъ паки прежнее свое отечество. Сіе путешествіе напоминало ему о тяжествѣ Тасса въ Капитоліи, и онъ предался на волю судьбы. Его приняли со всеобщимъ энтузіазмомъ. Весь Королевской домъ посѣтилъ его; въ театрѣ Французскомъ, который онъ обогатилъ множествомъ превосходныхъ твореній, увѣнчали его, и Вольтеръ умеръ, какъ самъ говорилъ, *задохнувшись подъ розами*. Фридерикъ Великій, Король Прусскій, сказалъ ему въ Берлинѣ надгробное слово, а Архіепископъ Парижскій Бомонтъ не удостоилъ и погребенія.

По смерти Вольтера, Руссо, человѣкъ краснорѣчивѣйшій въ своемъ вѣкѣ, содѣлался по справедливости Диктаторомъ въ ученой республикѣ; но онъ умеръ вскорѣ въ Эрменонвилѣ, отъ водяной апоплексіи, а можетъ быть, наскучивъ людьми завистливыми, принялъ ядъ, дабы не видѣть ихъ неблагодарности.

Къ симъ народнымъ бѣдствіямъ смерть

присовокупила Капитана Кука, гражданина Лондонскаго, не знаменитаго по рожденію, а по благодѣяніямъ, оказаннымъ для свѣта. Сей великій мореплаватель оканчивалъ уже третіе путешествіе и искалъ пути къ Китаю чрезъ сѣверъ Европы, какъ былъ убитъ на островѣ Сандвичѣ тѣми антропофагами, кои не за долго предъ симъ его обоготворяли.

Въ сіе время Неккеръ начиналъ терять свое вліяніе, и одинъ только при дворѣ не примѣчалъ сего. Его успѣли привести въ немилость у Королевы. Морепа, столь долго управлявшій самовластно Франціею, приближался къ концу своему; но Графъ Вержень, преемникъ его могущества, завидуя, какъ и старый министръ, дарованіямъ Неккера и его славѣ, непрестанно чернилъ его предъ Лудовикомъ XVI. Сей честный Король долго защищался отъ разставляемыхъ сѣтей; но онъ вооружался одною только совѣстію противъ народнаго мнѣнія, истолкователями коего называли себя всѣ придворные; и по недовѣрчивости къ своимъ познаніямъ, почелъ за долгъ уступить. Впрочемъ самъ Неккеръ довершилъ свое паденіе: онъ показалъ такое честолюбіе, которое бы ему, какъ иностранцу и Протестанту, надлежало обуздывать. 1781. Отставка Неккера.

Давно уже тайные или явные враги новаго порядка вещей оспоривали въ Государственномъ Совѣтѣ всѣ планы Неккерова управленія доходами. Неккеръ потребовалъ

съ высокомѣріемъ позволенія войти въ Совѣтъ для объясненія спора и предупрежденія, дабы не обвинили его безъ объясненія. Сіе допущеніе въ Совѣтъ давало ему право государственнаго министра. Таковое требованіе встревожило прочихъ министровъ, кои всѣ, кромѣ Маршала Каспери, объявили, что ежели высокомѣрный Женевецъ будетъ засѣдать съ ними, они готовы итти въ отставку. При строгомъ правленіи, Государь перемѣнилъ бы все министерство; но Лудовикъ XVI уступилъ, и устрашившись таковой отставки, объявилъ, что Неккеръ не вступитъ въ Совѣтъ. Вдругъ сей послѣдній подалъ въ отставку, и видя, что Король соглашался на оную, не имѣлъ духа, подобно добродѣтельному Мальгербу, полагать свое благополучіе въ томъ, чтобъ остаться въ забвеніи.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Новые выборы министровъ. Осада Гибралтара. Всеобщій миръ 1783 года.

Съ 1781 по 1785 Замѣшательство въ Государственныхъ доходахъ.

По удаленіи Неккера, должность государственнаго Казначея перешла къ члену Парижскаго Парламента Жоли Флери, человѣку честному; но онъ, опасаясь удара, нанесеннаго во время министерства его противнику, не хотѣлъ избрать его образцемъ. Трудясь тайно въ своемъ кабинетѣ, совѣтуясь съ людьми свѣдущими въ правленіи, какой бы стороны они ни были, въ тече-

ніи нѣкотораго времени былъ непримѣтенъ, и, можетъ быть, никогда бы о немъ не начали говорить, ежели бы Королевская казна, собранная благоразумною предусмотрительностію знаменитаго Женевца, не истощилась, и онъ не былъ бы принужденъ приняться за средства или выше его ума, или противныя его честности, средства уравновѣсить государственные расходы съ приходомъ. Когда же увѣрился, что таковый трудъ требовалъ силы, несоотвѣтственной хладной старости, удалился отъ двора, и на мѣсто его поступилъ государственный совѣтникъ Ормесонъ.

Ормесонъ, будучи придцати двухъ лѣтъ, осмѣлился принять на себя бремя управленія государственными доходами. Онъ весьма хорошо управлялъ небольшою казною Сен-Сиръ; и Лудовикъ XVI, полагавшійся на свѣденія всѣхъ людей, кромѣ собственныхъ, заключилъ, что онъ столько же способенъ будетъ управлять и государственными доходами великой монархіи; но обманулся. Молодой министръ былъ непоколебимой честности, неутомимо старался заслужить уваженіе отечества; но его политическія свѣдѣнія были чрезмѣрно ограниченны. Одна учетная казна, подобная Лондонскому банку, въ сіе время поддерживала всеобщее довѣріе, которое уже рушилось. Во время ложной тревоги, причиненной недоброжелательными людьми, она потребовала у правительства въ залогъ нѣкоторыхъ пособій.

Государственный Казначей, вмѣсто того чтобъ собирать золото въ казну, вздумалъ отдать оное въ распоряженіе Совѣта; отъ чего усугубилась опасность, которую здравой политикѣ надлежало скрывать. Съ сего времени исчезла довѣренность; министръ потерялъ учетную казну, а вмѣстѣ съ нею и самъ потерялся. Конечно сей правитель имѣлъ или очень мало ума, или бдительности, когда по отставкѣ отъ должности оставилъ въ Королевской казнѣ только два мѣшка по тысячѣ двѣсти франковъ. Между тѣмъ должность поручена была слабому Амелоту, который осмѣлился принять управленіе Королевскою казною, еще носившею на себѣ отпечатокъ славы Мальгерба.

Между тѣмъ какъ Амелотъ дѣлалъ ничтожныя распоряженія по департаменту доходовъ весьма безполезному и совершенно уничтоженному, придворныя пронырства заставили опредѣлить въ государственные Казначеи знаменитѣйшаго Калонна, Интенданта Мецкаго, человѣка свѣдущаго въ управленіи, имѣющаго свободныя мысли, и умѣющаго, при поддержаніи другихъ, придать своимъ дѣйствіямъ важность; но преданнаго забавамъ, преданнаго благодѣтелямъ, и старающагося не столько о томъ, чтобъ сдѣлать честь своею должностію, сколько удержаться въ оной. Онъ столь неразборчивъ былъ въ средствахъ поправить государственные доходы, что нѣкогда при излія-

ніи дружества сказалъ сію ужасную хулу противъ нравственности: *чтобъ спасти великую имперію, надобно сдѣлать къ статѣ великое банкротство.*

Народное мнѣніе, сразившее предшественника Калоня, погубило въ то же время и слабаго Амелота. На мѣсто его опредѣлили къ должности Барона Бретвиль. Сей, вступивъ въ кабинетъ своего предшественника, нашелъ въ ономъ двѣнадцать книгъ въ листъ, содержащихъ въ себѣ переписку между министромъ и управленіемъ опернаго дома. По сему можно судить, сколь удобно было обмануться въ выборѣ должностныхъ людей Монарху, любителю благонравія, но столь слабому, каковъ былъ Лудовикъ XVI.

Между тѣмъ какъ Франція мучилась, теряя начала жизни, въ коихъ она имѣла нужду для предохраненія себя отъ завоеванія, всеобщая война опустошала оба свѣта. Мы видѣли нѣкоторую часть подробностей оной во второй книгѣ сего сокращенія, содержащей въ себѣ иностранную исторію. Остается описать осаду Гибральтара, сіе важное происшествіе, которое хотя и мало доставляетъ славы Французской монархіи, но справедливость не позволяетъ умолчать объ ономъ. Осада Гибральтара.

Достопамятная осада Гибральтара была слѣдствіемъ взятія Минорки въ 1782 году. Оба союзныя войска, Французское и Испанское, стеклись для оной. Герцогъ Крильонъ, начальствовавшій при сей осадѣ, сдѣлалъ

высадку на островъ и овладѣлъ пристанью Магонъ. Для окончанія сего важнаго завоеванія оставалось взять крѣпость Сен-Филиппъ. Сія крѣпость была окружена скалами и обнесена такими укрѣпленіямя, коимъ бомбы не могли вредить. Герцогъ Крильонъ, не смотря на благоразуміе и храбрость Генерала Муррая, запершагося въ оной, обратилъ въ пепелъ у него магазейнъ и принудилъ гарнизонъ, по недостатку ядеръ, здаться военноплѣнимъ. Сіе торжество казалось щастливымъ предзнаменованіемъ для похода къ Гибральтару; но Франція обманулась въ своемъ чаяніи.

Уже давно начали осаду Гибральтара, крѣпости, почитаемой искусными людьми неприступною, а снабдѣніе припасами, учиненное хитрымъ Адмираломъ Роднеемъ, дѣлало еще безразсуднѣе покушеніе завоевать его. Одинъ Французскій инженеръ вздумалъ испытать свое щастіе. Онъ приказалъ построить въ Алжезирѣ плавающія батареи для созженія крѣпости и принужденія Коменданта оной къ здачѣ. Сіи новыя адскія махины такую подавали въ газетахъ о себѣ надежду, что Графъ Артуа и Герцогъ Бурбонъ пріѣхали изъ Версали на поле Сен-Рошъ видѣть ужасное дѣйствіе сихъ Архимедовыхъ махинъ. Но всѣ вѣроятности человѣческія были уничтожены обширнымъ умомъ Генерала Элліота, начальствовавшаго Гибральтарскимъ гарнизономъ, который поклялся честію, что никогда не здастъ

крѣпости, доколѣ одна пушка будетъ у него на лафетѣ и одинъ артиллерійскій солдатъ для заряжанія оной.

Генералъ Эллiотъ, за нѣсколько дней до пловучихъ батарей не показывавшій никакого движенія въ скалахъ своихъ, воспользовался темнотою одной бурной ночи, сдѣлалъ вылазку съ отборными людьми изъ гарнизона, побилъ передовыя войска и обратилъ въ прахъ укрѣпленія, памятникъ долговременныхъ и отважныхъ соображеній инженеровъ.

Французскій жаръ не простылъ отъ сего нещастія. Въ назначенный день для всеобщаго приступа плывучія батареи приблизились безпрепятственно къ крѣпости на 200 саженъ и ударили на Англинскую артиллерію, которая, по видимому, отъ ужаса молчала. Хитрость, достойная Синона древней Трои. Когда Генералъ Эллiотъ обозрѣлъ всѣ махины, приготовленныя для разрушенія Гибральтара, и могъ, такъ сказать, изчислить свои жертвы, подалъ знакъ. Вдругъ представился образъ изверженія Везувія. Безчисленное множество раскаленныхъ ядеръ вылетѣло изъ крѣпости, покрыло всю ашмосферу, и упавъ въ промежутки батарей, зажгло оныя. Обширное пламя начало пожирать флотилію, и главные чиновники, управлявшіе осадою, дали приказаніе каждому начальнику выводить людей съ судовъ своихъ и зажигать свои батареи, дабы непріятель не овладѣлъ мѣдною артиллеріею, находящеюся въ

оныхъ. Сіе ужасное приказаніе немедленно было исполнено, и Герцогъ Крильонъ, не желая болѣе тратить людей для преодолѣнія природы въ нѣдрѣ неприступныхъ скалъ, снялъ съ Гибральтара осаду.

Всеобщій миръ 1783 года.

Сіе нещастіе было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полезно для свѣта; потому что оно доставило случай гордой Англіи, устроявшей всеобщую монархію на моряхъ, дать воюющимъ державамъ тотъ миръ, котораго она не хотѣла отъ нихъ принимать. Сей миръ, толико желанный и для побѣжденныхъ и для побѣдителей, былъ подписанъ въ Лондонѣ Георгомъ III 17 Генваря 1783 года, а чрезъ три дни въ Версалѣ Людовикомъ XVI. Сей послѣдній Монархъ, принявшись за перо, сказалъ съ тою чувствительностію, которая всегда будетъ дѣлать ему честь: «Наконецъ я могу исполнить обѣтъ, «данный мною при восшествіи на престолъ, «обѣтъ сдѣлать моихъ подданныхъ щастливыми.»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Различныя происшествія во внутренности Франціи. Путешествія Государей. Успѣхи художествъ и открытій.

Съ 1783 по 1787.

Со времени заключенія мира 1783 года до собранія Чиновъ въ 1787 году, за которымъ послѣдовала революція, во Франціи случилось мало достопамятныхъ произшествій. Сія монархія поддерживалась не столь-

ко дѣйствительною силою, сколько древнею славою. Государь ея, лучшій изъ Королей во времена спокойные, до сего времени еще не замѣтилъ, что слабость его, показываемая съ намѣренія при приближеніи народныхъ бурь, должна быть пагубна для его короны; онъ покоился подъ кровомъ своей добродѣтели, и народы, управляемые болѣе нравами, нежели законами, наслаждались выгодами мира.

Особенныя происшествія.

Нѣкоторыя нещастныя происшествія то во Франціи, то въ Италіи, вскорѣ возмутили то благоденствіе, котораго Европа долженствовала ожидать отъ великаго благодѣянія, доставленнаго всеобщимъ миромъ.

Сюда должно отнести ненавистное банкротство Принца Рогана Гемене въ Парижѣ, простиравшееся на 16 милліоновъ, и погрузившее въ бѣдность часть не такъ богатаго народа въ сей столицѣ. Лудовикъ Жюстъ—(справедливый), ибо сіе имя безпристрастная Исторія должна бы ему уступить,— далъ Рогану отсрочку только на 3 мѣсяца, дабы онъ въ теченіи сего времени раздѣлилъ свои земли заимодавцамъ до посредства Парламента. Сей Принцъ съ того времени изчезъ при дворѣ, и Французская честь по его паденіи снова ожила.

Бѣдствія Италіи были ужаснѣе, потому что произвела ихъ могущественная рука природы. Землетрясеніе, по своимъ причинамъ неизвѣстное, но весьма бѣдственное по послѣдствіямъ, вдругъ испровергло Ка-

лабрію и Сицилію. Ежели вѣришь журналамъ того времени, то рѣки обратились къ своимъ источникамъ, горы претворились въ долины, а на мѣстѣ долинъ возникли горы. Многолюдные города, каковъ Казалъ, въ одно мгновеніе обрушились одни на другіе, и ни одинъ нещастный въ оныхъ не спасся.

Путешествія различныхъ Государей во Франціи.

Во время мира многіе Государи иностранные пріѣзжали во Францію изъ желанія, или по крайней мѣрѣ подъ предлогомъ, учиться царствовать. Но ни одинъ изъ нихъ не былъ похожъ на Петра Великаго, и весьма мало произошло отъ того блага для государствъ, коими они управляли.

Густавъ III, послѣдній изъ Государей, показался при дворѣ Лудовика XVI до собранія Старѣйшинъ (notables). Тогда онъ былъ Королемъ Шведскимъ, и пріѣзжалъ просить вспоможенія у того Монарха, который былъ вѣчнымъ союзникомъ его короны. Сей Густавъ былъ Государь съ великимъ характеромъ, и показалъ оный въ то время, когда съ 400 человѣкъ освободилъ престолъ свой отъ зависимости гордаго Сената, унижавшаго оный. Къ нещастію, въ государствѣ у него добывалось только одно желѣзо, и ему невозможно было подражать Густаву Адольфу, своему предку, и держать въ рукахъ своихъ судьбу Европы.

Мы не можемъ оставить безъ вниманія, сколь важное произвело вліяніе на судьбу всѣхъ сихъ Государей, пріѣзжавшихъ во

Францію, присутствіе ихъ при послѣднемъ, такъ сказать, дыханіи оной Монархіи.

Датскій Король первый изъ всѣхъ занялъ въ Версаліи ту необузданную склонность къ забавамъ, которая повредила въ немъ органы и разстроила разсудокъ. Онъ, по возвращеніи въ государство свое, постыдилъ себя въ Европѣ обнаруженіемъ страсти, истинной или ложной, Королевы Матильды къ Струензе, и умеръ въ Копенгагенѣ въ сумасшествіи, не оставивъ по себѣ въ народѣ ни малаго сожалѣнія.

Императоръ Іосифъ II умеръ на одрѣ своемъ, въ цвѣтущихъ лѣтахъ, отъ слѣдствій постыднаго союза и отъ печали, что разрушились его замыслы въ разсужденіи Оттоманской имперіи. Сіе самое воспрепятствовало ему, съ безпокойнымъ своимъ характеромъ и затѣйливымъ умомъ, возмутить спокойствіе Европы.

Какъ Поняповскій по неспособности своей не могъ поддерживать на головѣ своей тяжести короны, то и отняли у него владычество надъ Польшею безъ всякаго завоеванія.

Густавъ III умѣлъ царствовать, и былъ убитъ въ своемъ дворцѣ Анкестремомъ, котораго по суду велѣно было четвертовать, по которому сторона, называвшаяся республиканскою, воздала неимовѣрныя почести.

Можно сказать, что всѣ сіи Государи-путешественники, приближаясь къ престолу Французскому, начинавшему колебаться, и

дыша тѣмъ же самымъ воздухомъ, которымъ дышалъ и послѣдній Король Франціи, вбирали въ себя заразительныя испаренія.

Ежели миръ 1783 года не былъ полезенъ для Государей, посѣщавшихъ первую Европейскую монархію, по крайней мѣрѣ онъ былъ благодѣтеленъ для искусствъ, оживляющихъ имперію и доставляющихъ безсмертіе даже въ то время, когда они не существуютъ.

Философія — я говорю объ одной только достойной сего имени, о той философіи, которая распространяетъ нравственность, благородныя понятія и согласіе между народами и правленіями — философія сдѣлала исполинскій шагъ съ половины царствованія Лудовика XV. Мнительное духовенство возбуждало противъ нее Короля, и Архіепископъ Парижскій Бомонтъ своими чистыми нравами и благодѣтельною дѣятельностію придалъ великую силу фанатизму враговъ просвѣщенія. Наконецъ онъ, по 35 лѣтнемъ, весьма бурномъ первосвященствѣ, умеръ, а вмѣстѣ съ нимъ кончилось и принужденіе въ книгопечатаніи: позволено было человѣческому уму простирать свободно ходъ свой и просвѣщаться открытіями.

Наука, содержащая въ себѣ политическую экономію, которую, можетъ быть, употребили во зло посредствомъ подняція знамени секты и подаванія знаковъ къ соединенію, произвела величайшее благо въ Европѣ; потому что лучшіе ея писатели

сняли мало по малу личину съ Макіавелизма дурныхъ правленій, открыли всѣ пути промышленности, сдѣлали торговлю свободною и ободрили земледѣліе.

Въ сіе время положили первыя основанія доброй метрической системѣ; сдѣлали простѣе сложныя махины, дѣйствующія посредствомъ тренія. Одинъ художникъ представилъ Лудовику XVI рисунокъ желѣзнаго моста, который, можетъ быть, есть отважнѣе, нежели мостъ Ріальтовъ въ Венеціи. Одна только была арка, имѣвшая въ отверстіи своемъ 400 футовъ, которая долженствовала соединять арсеналъ съ садомъ.

Воздушные шары.

Одно остроумнѣйшее, если не полезнѣйшее открытіе, сдѣланное въ царствованіе Лудовика XVI, есть искусство плавать по воздуху посредствомъ шара, который бы былъ легче воздуха, его окружающаго. Я говорю о воздушномъ шарѣ, изобрѣтенномъ первоначально физикомъ Монгольфіеромъ. Послѣ сего сдѣлали обширный шаръ, величиною въ сорокъ восемь кубическихъ футовъ, который и употребленъ былъ для перваго путешествія. Во время онаго воздухоплаватели поднялись высотою на 500 саженъ. Потомъ искуснѣйшіе физики вмѣсто жаровни употребили горючій воздухъ; и колесница, сопровождавшая шаръ, отправилась изъ Тюльери и проплыла въ воздухѣ девять миль. По симъ предположеніямъ Бланшардъ отправился изъ Дувра къ Анг-

линскому берегу, перелетѣлъ море и спустился въ Кале. Онъ при семъ плаваніи показалъ нѣкоторую способность и еще болѣе смѣлости.

Государственный Казначей Калонь, ободренный толикими успѣхами, вздумалъ дѣло несравненно труднѣе: онъ заставилъ воздухоплавателя отправиться съ берега Французскаго на Англинской. Махина сдѣлана была съ великими издержками въ Булони, по приказанію правительства. Поручено было Пилатру Розьеру сдѣлать сей блистательный, но опасный опытъ: за успѣхъ обѣщали ему жалованье и грамоту на дворянство. Къ нещастію, Розьеръ вздумалъ соединить оба способа: жаровни и горючій воздухъ; махина загорѣлась, и воздухоплаватель лишился жизни.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Умноженіе народнаго долга. Нападеніе на Голландію, происшедшее отъ недѣятельности кабинета Версальскаго.

Съ 1785 го 1787. Ужасное умноженіе народнаго долга.

Фридерикъ II говорилъ справедливо, что Европа принадлежитъ первому завоевателю, у котораго въ казнѣ будетъ оставаться послѣдній червонецъ. Вотъ для чего онъ употреблялъ кровь и потъ своихъ подданныхъ для пріумноженія золота подъ сводами дворцовъ Потсдамскаго и Берлинскаго. Сіе золото доставило ему средство во время семилѣтней войны одержать верхъ надъ всею

Европою. Изъ презрѣнія къ людямъ онъ не поставилъ себѣ за честь завоевать ее.

Начало Французскаго долга должно отнести къ славному времени царствованія Людовика XIV. Причиною сему были побѣды его, желаніе содержащь постоянныя войска и великолѣпныя зданія, открывшія бездну для погубленія монархіи. Сія бездна, по видимому, закрылась на минуту во время системы Лава, употребившаго ужасное средство, банкротство; но во время мира 1783 года оказалось, что въ государственной казнѣ, по причинѣ расхищенія доходовъ при послѣднихъ двухъ царствованіяхъ, недоставало вновь 733 милліоновъ. Неккеръ, для покрытія сего недостатка, прибѣгнулъ къ займамъ, кои въ самомъ дѣлѣ ничто иное были, какъ скрытный долгъ и возросъ до 460 милліоновъ. Неспособный Флери присовокупилъ къ оному 200, а Ормесонъ, человѣкъ расточительный, 73 милліона. Калонь, въ философскомъ мечтаніи, обѣщалъ по крайней мѣрѣ уравновѣсить приходъ съ расходомъ, и три года его министерства стоили еще истощенному государству 275 милліоновъ. Всѣ сіи количества, вмѣстѣ взятыя, составляли весь долгъ до 1840 милліоновъ. Между тѣмъ какъ Совѣтъ Людовика XVI вздумалъ пояснить сей непроницаемый хаосъ, Пруссія, у которой въ казнѣ было болѣе всѣхъ денегъ, замыслила испровергнуть Голландію. Версальскій кабинетъ при семъ покушеніи молчалъ.

Вторженіе въ Голландію войска Короля Прусскаго.

Уже давно крылись сѣмена междоусобнаго раздора въ Голландской республикѣ по причинѣ сопротивленія Штатовъ непрестанно возрастающему деспотизму Штатгалтеровъ. Тогда царствовалъ Вильгельмъ V и, управляемый великимъ честолюбіемъ жены своей, племянницы Фридерика II, старался всѣми силами, особливо посредствомъ вѣроломства, пріобрѣсть неограниченную власть надъ народомъ, который по природѣ, законамъ и воспоминанію древнихъ происшествій приверженъ къ независимости. Особенно порицали его за то великое злодѣйство противъ отечества, что онъ, по тайному согласію съ Королемъ Англинскимъ Георгомъ III, позволялъ быть въ недѣятельности въ Тексельскомъ устьѣ Голландскому флоту, который долженъ былъ, по договорамъ, совокупно съ эскадрами Французскою и Испанскою, защищать свободу морей отъ гордыхъ островитянъ Великобританіи. Сіе послабленіе было причиною разбитія Графа Грасса и подвергло рабству морскую торговлю въ обоихъ половинахъ земнаго шара.

Республиканскіе Соединенные Штаты не дремали при сей измѣнѣ: военная коммиссія разжаловала Адмирала Бассанда, и Герцогъ Брауншвейгскій, у котораго тайныя приказанія отъ Принца Оранскаго оковывали храбрость, лишенъ былъ всѣхъ должностей.

Въ сіе время Фридерикъ Великій умеръ. Преемникъ его, убѣжденный Штатгалте-

ромъ, собралъ войско въ герцогствахъ Клевскомъ и Юлихскомъ, и для большаго презрѣнія ревностныхъ защитниковъ Голландіи поручилъ надъ онымъ начальство Герцогу Брауншвейгскому. Республиканцы съ своей стороны отнеслись о семъ дѣлѣ къ Кабинету Версальскому. Вержень, видя честь Франціи въ опасности, обѣщалъ именемъ своего Государя золото и солдатъ для защищенія свободы; но золото осталось въ королевской казнѣ, а солдаты, коихъ собирали, какъ говорили, въ Живе и Валансьенѣ, образовались въ одной только Французской газетѣ. Сей Вержень не дождался послѣдствія отъ своего Махіавелизма; онъ умеръ до нападенія на Голландію, и его послѣдняя мысль не была помрачена негодованіемъ Европы. Молчаніе Франціи.

Между тѣмъ Герцогъ, увѣдомившись посредствомъ лазутчиковъ, что Франція не вооружалась для защищенія непріятелей Принца Оранскаго, приказалъ итти многими колоннами своему войску, состоявшему изъ 25 тысячъ. Республиканцы, не имѣвшіе другихъ силъ, кромѣ собственныхъ, защищались худо: долины, имѣвшія сообщеніе съ плотинами, были наводнены слабо. Утрехтъ, не будучи укрѣпленъ, принужденъ былъ здаться на договоръ, и Амстердамъ, многолюднѣйшій городъ, отворилъ ворота. Тогда возникло такое же гоненіе, какъ и во время Силлы и Марія, и первый начальникъ свободнаго народа сдѣлался по одному праву меча Султаномъ семи провинцій. Походъ Герцога Брауншвейгскаго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Собраніе Старѣйшинъ.

1787. Нападеніе на Голландію, покрывъ поношеніемъ Францію, поручительницу за ея свободу, заставило благоразумныхъ думать, что монархія Генриха IV и Лудовика XIV, лишенная, по разстройству государственныхъ доходовъ, послѣднихъ началъ своего существованія, должна допустить новый порядокъ вещей; но никто не могъ представить, что перемѣна, происшедшая въ Провинціяхъ Соединенныхъ, произведетъ революцію. Предполагали увидѣть въ Европѣ завоевателя; но вопреки догадокъ и заключеній, злоупотребленіе перваго блага существъ благородныхъ, злоупотребленіе независимости, долженствовало произвесть всѣ злодѣянія и всѣ нещастія. Потребенъ былъ столь пагубный опытъ для отвращенія навсегда политиковъ отъ учрежденія въ своемъ отечествѣ республикъ.

Начало собранія Старѣйшинъ. Невозможность покрыть посредствомъ необыкновенныхъ усилій бездну народнаго долга и опасеніе Министра Калонь взять на себя, въ случаѣ неудачи, ужаснѣйшую отвѣтственность, заставили сего правителя учредить собраніе Старѣйшинъ. Извѣстно, что съ того времени, какъ Некеръ успѣлъ поднять всѣ завѣсы касательно управленія государственными доходами, всякой зналъ, что государственный долгъ,

при изданіи послѣдняго его сочиненія, простиралея до 1840 милліоновъ, и что не смотря на видъ сего ужаснаго положенія, ежегодно расходъ королевской казны превышалъ приходъ 110 милліонами.

Калонь любилъ свое отечество, но еще болѣе любилъ свое мѣсто. Онъ полагалъ три только средства для спасенія государства: налоги, на кои Парламенты, орудія народнаго мнѣнія, не хотѣли соглашаться; займы, кои были причиною паденія Неккера, и великія преобразованія, отъ которыхъ пали Машольтъ, Тюрготъ и Сен-Жермень. Калонь, принужденный прибѣгать къ увертkамъ для сохраненія народнаго уваженія и своего министерства, заставилъ Короля посовѣтоваться съ первѣйшими изъ духовенства, дворянства и разночинцевъ. Монархъ, имѣвшій здравый разсудокъ и чистыя намѣренія, восхищался, что можетъ удовлетворить желанію народа безъ примѣси къ тому придворныхъ. Таково было начало собранія Старѣйшинъ.

Его составленіе.

Надобно признаться, что, не смотря на заблужденіе, слѣдствіе развращенныхъ нравовъ того времени, не было ничего чище, какъ первыя основанія сего великаго собранія, коего засѣданія открылись 22 Февраля 1787 года. Оно составилось изъ Принцевъ Крови, изъ нѣкоторой части Перовъ, изъ членовъ Государственнаго Совѣта, изъ главнѣйшихъ начальниковъ духовенства, дворянства и Градоначальниковъ. Въ него допу-

сшили даже депутатовъ отъ провинцій, и повѣренныхъ отъ главныхъ гражданскихъ сословій. Всѣ желали гражданской свободы, основанной на благонравіи и законахъ; всѣ заботились объ отечествѣ; всѣ говорили объ ономъ; не было еще ни аристократовъ, ни демагоговъ, и Короля единодушно признавали отцемъ семейства 25 милліоновъ человѣкъ.

Коренной порокъ собранія.

Одинъ только недостатокъ повредилъ сіи начала. Сіи Старѣйшины не были собраны въ первые вѣки монархіи. Пустая выгода вскорѣ испровергла энтузіазмъ членовъ. Почти всѣ они пользовались правами дворянства; и коль скоро внушили имъ, что единственное средство, остающееся для спасенія государства, состоитъ въ томъ, чтобъ каждый человѣкъ несъ равно его тягости, соразмѣрно съ имуществомъ, получаемымъ съ земель или отъ промышленности, они, почитая долговременное злоупотребленіе владѣній древнею собственностію, отъ сего отказались. Съ сего времени изчезла истинная ревность; начали искать пустыхъ пособій въ наружностяхъ; и государство отъ того погибало, отъ чего бы оно должно было возраждаться.

Калонъ испортилъ лучшее дѣло своимъ обвиненіемъ справедливаго Неккера, оклеветавъ, что *въ данномъ его отчетѣ* сдѣланъ пропускъ государственныхъ доходовъ. Неккеръ достойно оправдался и испросилъ у Короля позволеніе объясниться въ справедливости своихъ ращетовъ собранію Старѣй-

шинѣ, Лудовикѣ XVI, обманутый тогда придворными, подобенъ былъ мягкой глинѣ, изъ которой любимецъ дѣлалъ все по своему произволенію. Такъ сему послѣднему легко было уничтожить всѣ возраженія, руководствуясь болѣе милостію, нежели наступчивостію, и не представляя затрудненія въ разсужденіи настоящаго, ни безпокойства касательно будущаго; такъ легковѣрный Монархъ защищалъ его нѣсколько времени, и при томъ съ силою, ему несвойственною, отъ общаго мнѣнія, для него ненавистнаго; и Некеръ, показавшій нѣкоторую твердость въ ссорѣ своей съ Калонемъ, былъ изгнанъ.

Отставка Калоня. Новые Министры.

Между тѣмъ туча непрестанно возрастала на любимца. Парламентъ, ненавидѣвшій его, объявлялъ тайно, что указы его не будутъ приняты. Министръ гвардіи Бретвиль представлялъ Королевѣ о маломъ успѣхѣ дѣйствій Старѣйшинъ, не столько для критики на предположенныя нововведенія, сколько для показанія слѣдствій народнаго на нее неудовольствія по причинѣ ненависти онаго къ учредителю нововведеній. Хранитель печатей Миромезниль, еще болѣе пріобыкшій къ придворнымъ интригамъ, во время коихъ сражаются тайно, доставилъ скрытнымъ образомъ ругательныя сочиненія на Калоня, оправдывая его съ такимъ вѣроломнымъ коварствомъ, которое представляло его еще ненавистнѣе. Наконецъ Монархъ уступилъ: отставилъ государственнаго Казна-

чея и приказалъ ему требовать ордена, но, сверхъ общаго чаянія, повелѣлъ прежде оправдаться въ двухъ дѣлахъ. Калонь отправленъ былъ въ ссылку 8 Апрѣля. На другой день, 9 числа, Миромезниль, радовавшійся его паденію, потерялъ печати, кои отданы были Предсѣдателю Ломоаньону.

Сколько Калонь ни показывалъ себя легкомысленнымъ, сколько ни былъ честолюбивъ; однако имѣлъ обширные виды, и казалось трудно замѣнить его. И при дворѣ и въ собраніи Старѣйшинъ каждая сторона старалась по себѣ представить преемника. Людовикъ XVI, не совѣтуясь ни съ кѣмъ, избралъ въ своемъ Совѣтѣ чиновника скромнаго и добродѣтельнаго, прежняго Прокурора счетной палаты Фурке. Сей человѣкъ превосходный, но не имѣющій обширныхъ дарованій, и по великодушію не скрывающійся въ томъ, долго противился министру иностранныхъ дѣлъ Монтморину, принесшему къ нему указъ о опредѣленіи: однакожъ наконецъ согласился пожертвовать собою государству. Но онъ оставался на мѣстѣ только нѣсколько недѣль, и безпритворная радость, оказанная имъ при отставкѣ отъ должности, превосходящей силы его, озарила его въ нещастіи нѣкоторыми лучами славы.

Возвышеніе Кардинала Ломени.

Въ сіе время, какъ увѣряютъ въ томъ достовѣрныя записки, Министръ Монтморинъ, совокупившись съ хранителемъ печатей Ломоаньономъ, убѣждалъ Короля вызвать къ управленію государственными дохо-

дами Неккера, послѣднюю надежду народа. И сей справедливый поступокъ, одобряемый большею частію Старѣйшинъ и сдѣланный во время, могъ весьма отдалить Генеральные Штаты, кои потеряли изъ вида своего и Монарха и монархію. Но, казалось, Небо произнесло смертный приговоръ Франціи, и глупое пронырство придворныхъ и философовъ, доселѣ несовмѣстное, пособствовало Кардиналу Ломени занять департаментъ Графа Верженя, который уже не существовалъ, Сей Епископъ получилъ тогда не титулъ, но мѣсто перваго министра.

Ломени, человѣкъ гибкаго, но поверхностнаго ума, вмѣсто великихъ политическихъ видовъ представляющій однѣ только догадки, мечтающій о себѣ, что онъ знаетъ людей, потому только, что научился подражать тѣмъ, кои пресмыкаются при дворахъ, ни мало не былъ, занимая важнѣйшее мѣсто, главою великой монархіи, стремившейся къ разрушенію. Въ сіе время и дѣятельному уму Кардинала Реца и Ришелье трудно́бъ было удержать ее отъ паденія: почему Ломени во время своего министерства показывалъ одно только самовластіе безъ основанія, и гордость безъ средствъ. Онъ, ежели бы окруженъ былъ хорошими людьми, могъ бы опереться на довѣріе Старѣйшинъ, кои расположены были видѣть въ немъ духа покровителя, потому что онъ заступилъ мѣсто Калоня; но онъ не сдѣлалъ ничего для пріобрѣтенія отъ нихъ благоволенія,

и коль скоро примѣтилъ, что они увидѣли его неспособность, распустилъ собраніе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Министерство Кардинала Ломени. Бріенъ. Предосудительная глупость въ его дѣйствіяхъ и его паденіе.

1788. Слабость средствъ Ломени.

Ломени, опорочивая управленіе Калоня, привелъ его въ немилость, и какъ скоро заступилъ его мѣсто, о томъ только началъ заботиться, чтобъ обломки, оставшіеся отъ его кораблекрушенія, обратить себѣ въ честь. Онъ принялся за два его указа о налогѣ поземельномъ и поголовномъ, кои производили великое возмущеніе въ народѣ. Но вмѣсто того чтобъ поставить ихъ въ силѣ по согласію со Старѣйшинами, онъ хотѣлъ принудить Парламенты принять оные въ число законовъ посредствомъ Верхняго Парламента и королевскихъ указовъ. Съ сего времени Франція, управляемая неспособнымъ Великимъ Визиремъ, увидѣла себя между двумя крайностями: надлежало прибѣгнуть къ Генеральнымъ Штатамъ, или избрать банкротство.

Прежде нежели Ломени рѣшительно опредѣлилъ свой образъ устроенія блага пагубными средствами, навлекающими на него ненависть, вознамѣрился ненавистное изъ оныхъ сложить на двухъ избранныхъ имъ управителей, Вилледевиля и Ламберта, коимъ онъ попеременно поручалъ должность

государственнаго Казначея: но сіи два человѣка хотя и неспособны были къ исполненію ничтожныхъ средствъ его, но какъ не имѣли при томъ злобныхъ намѣреній, то и не подверглись народной ненависти и доставили ему наконецъ нѣкоторую славу. Тогда Ломени рѣшился одинъ спасти то, что онъ на дурномъ своемъ философскомъ нарѣчіи называлъ отечествомъ, и послалъ свои два указа въ Парламентъ для записанія ихъ въ число законовъ.

Возмущеніе Парламента. Изгнаніе онаго въ Труа.

Сіе правительство, подстрѣкаемое нѣкоторыми вспыльчивыми людьми, каковъ былъ Эпрезмениль, изорвало нѣсколько листковъ кореннаго договора, соединяющаго народы съ Государями. Раздраженный Бріенъ склонилъ Короля сославить Парламентъ въ Версаліи, гдѣ указы о поголовномъ и поземельномъ налогахъ были записаны. На другой день Парламентъ объявилъ недѣйствительнымъ сіе противузаконное записаніе въ его реэстры, и былъ изгнанъ въ Труа. Сіе изгнаніе было непродолжительно. Кардиналъ приказалъ вступить съ Парламентомъ въ переговоры о включеніи двадцатыхъ частей. Парламентъ на сіе согласился съ тайнымъ условіемъ, чтобы хранитель печатей Ломоаньонъ, для него ненавистный по причинѣ мудрыхъ преобразованій, которыя онъ хотѣлъ ввести въ святилище законовъ, будетъ отрѣшенъ. Тогда Парламентъ возвратился въ Парижъ; но, вопреки договора, Ломоаньонъ остался на своемъ мѣстѣ.

Парламентъ.

Отсрочка нѣсколькихъ двадцатыхъ частей была слабымъ пособіемъ, которое только открыло глубокую рану государства. Бріенъ сверхъ того вздумалъ присоединить заемъ въ пять сотъ милліоновъ, съ платою по десяти процентовъ на сто по жизнь, такъ что въ пять лѣтъ надлежало собрать данныя деньги. Онъ, по неосторожности своей, еще прибѣгнулъ для вписанія сего въ протоколъ Парламента, продолжавшагося только семь часовъ; потому что Король, желая пользоваться чужими совѣтами, далъ членамъ совершенную свободу во мнѣніяхъ. Сіи правители, зараженные гибельнымъ духомъ возмущенія, начинавшаго въ нихъ вкрадываться, употребили оную во зло: они начали говорить противъ министровъ и даже противъ престола съ нѣкоторою ядовитостію, которую называли силою. Тогда Бріенъ, видя борьбу неравную въ силахъ, прекратилъ оную: записаніе указовъ сдѣлано было въ реэстры безъ отобранія голосовъ, и присовокупили къ тому такое объявленіе, по которому всѣ Парламенты должны быть праздны. Герцогъ Орлеанскій, уже склонившійся къ народной сторонѣ, долженствовавшей его наконецъ возвести на эшафотъ, объявилъ свое неудовольствіе противъ сего послѣдняго постановленія, какъ самовластнаго. На другой день онъ былъ сосланъ въ Виллер-Котеретъ; а два буйнѣйшіе изъ Парламентскихъ членовъ, Фрето и Саббатьеръ, заключены въ темницу,

одинъ въ замокъ Гамъ, а другой въ Монъ Сень-Мишель.

Бріенъ вскорѣ потомъ услышалъ, что всѣ Парламенты соединились противъ министерства; а какъ онъ умѣлъ только испровергать, когда ему сопротивлялись, потому и вознамѣрился учредить полное собраніе на развалинахъ верховнаго Парламента. Кардиналъ, упоенный мщеніемъ, явился въ Совѣтъ съ двумя злонамѣренными планами. Благоразумные люди усмотрѣли въ сихъ нелѣпыхъ замыслахъ однѣ только безпорядочныя понятія ума стѣсненнаго, идущаго рабски по слѣдамъ Мопу. Впрочемъ открыто было полное собраніе. Что же касается до уничтоженія Парламентовъ, хранитель печати Ломоаньонъ предупредилъ оное весьма искуснымъ образомъ; онъ предложилъ учредить многихъ областныхъ судей, особливо въ вѣдомствѣ Парижскаго Парламента, кои бы ослабляли силу его сопротивленія. Сей вторый планъ былъ одобренъ; потому что Лудовику XVI внушили, будто оный тѣмъ пріятнѣе будетъ для народа, что старается ограничить хищенія крючкотворства и сократить судопроизводство. Учрежденіе полнаго собранія.

2 Маія назначена была палата для открытія полнаго собранія; но одно происшествіе, гораздо ненавистнѣйшее, нежели сей ударъ, должно было случиться прежде. Полагаютъ, что пылкій Эпрезмениль, подкупивъ въ Королевской типографіи, досталъ Осада дворца.

отпечатки новыхъ королевскихъ указовъ, и вооружившись оными противъ слѣпаго самовластія Ломени, бросился въ Парламентъ. Произошло крайнее негодованіе, и чрезъ строгое постановленіе палатъ донесено было Королю на перваго его министра, какъ изобличеннаго въ злодѣяніи, что онъ хотѣлъ испровергнуть монархію. Ломени, увѣдомившись о семъ чрезъ перемѣтчика, поразилъ Королевскимъ указомъ Эпрезмениля, который скрылся въ кругу своихъ товарищей. Сіи послѣдніе защитили его закономъ, и сами по себѣ вступили въ дѣйствительную должность. Тогда оскорбленный Кардиналъ вздумалъ послать сильное войско противъ блюстителей правосудія. Около полуночи многіе баталіоны линейныхъ войскъ, предшествуемые артилеріею и подкопщиками, пришли для осады Парламентской палаты и объявили, что имъ приказано выломить ворота. Въ первый разъ еще послѣ Карла Великаго осмѣлились учинить такое насиліе безоружному Парламенту. Члены онаго ожидали спокойно въ своей осадѣ, чтобъ прочитали имъ опредѣленіе о изгнаніи, и, по совѣту нѣкоторыхъ искусныхъ умовъ, не хотѣвшихъ испортить справедливаго дѣла даже малѣйшимъ сопротивленіемъ, приказали отворить ворота. Чиновники по вступленіи своемъ потребовали, чтобъ имъ выдали Эпрезмениля и другаго парламентскаго Совѣтника, который пламеннымъ краснорѣ-

чѣмъ производилъ подозрѣніе въ первомъ министрѣ; но какъ въ собраніи царствовало нѣкоторое угрюмое молчаніе, то осужденные на изгнаніе предались сами. Прочитали имъ королевскіе указы, по коимъ одинъ ссылался въ Пьеръ-Энсисъ, а другой на острова Св. Маргариты. Осада Парламента продолжалась двѣнадцать часовъ. Потомъ приказали статскимъ чиновникамъ выбираться къ солдатамъ, а предводитель войска представилъ ключи отъ святилища правосудія Ломени, который въ семъ ненавистномъ торжествѣ не видѣлъ опредѣленія о своей погибели.

Полное собраніе должно было составиться изъ главныхъ коронныхъ чиновниковъ, изъ военныхъ Генераловъ, изъ Перовъ, изъ Градоначальниковъ, избранныхъ Королемъ въ своемъ Совѣтѣ, и верхней палаты Парламента, преданной двору по причинѣ милостей, коихъ она имѣла право ожидать отъ него. Безъ сомнѣнія, такое собраніе было очаровательно; но оно заражено было мыслію, что верховная власть не будетъ уже имѣть перевѣсу. Сверхъ того мысль о семъ представлена была человѣкомъ, по справедливости ненавистнымъ, и судилище, невѣдущее общественнаго благонравія, начало производить судъ объ ономъ.

Различныя возмущенія въ сто-

Впрочемъ скромное возмущеніе Парижскаго Парламента произвело множество другихъ пагубнѣйшихъ. Народъ и законовѣдцы,

лицѣ и провинціяхъ.

коимъ онъ по слабости своей отдалъ себя въ покровительство, окружилъ палату правосудія, опустошилъ общественныя мѣста, началъ угрожать начальникамъ благочинія; и ихъ ненаказанная дерзость, усилившаяся отъ кротости и бездѣйствія Короля противъ сихъ возмущеній, предуготовила изъ отдаленности взятіе Бастиліи и убійство Флесселя и Интенданта Бершье.

Вскорѣ возмущеніе изъ Парижа перешло въ провинціи. Въ Дофинѣ поднялись первыя знамена вольности. Тамъ сдѣлали болѣе: опредѣлили для себя особенное постановленіе въ разсужденіи чиновъ своихъ, между которыми третіе состояніе имѣло половину голосовъ. Бріенъ, не имѣя достаточной силы разрушить сіе постановленія, дѣлавшагося возмутительнымъ, до того унизилъ свою гордость, что одобрилъ оное.

Движенія въ Бретани причинили болѣе безпокойства. Двѣнадцать депутатовъ отъ дворянства отправились отъ имени своего сословія объявить Королю несправедливость его судилища. Они, по прибытіи своемъ, были посажены въ Бастилію. Бретанскіе дворяне не только потребовали ихъ возвращенія, но и послали опять пятдесятъ четырехъ депутатовъ. По непонятной глупости, которую можно изъяснить одною только непостоянною системою, принятою дворомъ, и по которой, для сохраненія останковъ престола, надлежало сокрушить его, 54 мятежника были допущены на аудіен-

цію къ Лудовику XVI, и 12 узниковъ были освобождены.

Послѣдній поступокъ Бріена во время министерства обнаружилъ всю глупость его. Явилось опредѣленіе, коимъ объявлено было, что государственными билетами уплачены будутъ двѣ пятыя доли долговъ на Королевскую казну. Въ сіе время всеобщая довѣренность совершенно уничтожилась; жалованья войскамъ, процентовъ, положенныхъ на городъ, всего вдругъ скоро бы недостало. Въ государственной казнѣ было не болѣе четырехъ сотъ тысячъ ливровъ. Никогда при Валуа и Бурбонахъ не видали таковаго недостатка. Наконецъ Бріенъ видя, что вскорѣ всеобщее проклятіе изліется на главу его, въ первый разъ показался справедливымъ. Онъ потребовалъ, чтобъ вызвали Неккера, коего слава, подобно яду, долго отправляла удовольствія его самолюбія. Старый министръ не согласился участвовать съ нимъ въ правленіи. Сей отказъ, сказалъ Ломени хранителю печати, значитъ мой приговоръ, и 13 Августа 1788 года подалъ въ отставку. Никто не пожалѣлъ о немъ, ниже самые развращенные люди, кои поклялись нѣкогда возвести его на верхъ могущества. Отставка Кардинала Ломени.

Бріенъ при упадкѣ своемъ усмотрѣлъ, что ни одно изъ его учрежденій не было успѣшно. Въ большихъ уѣздахъ не находилось ни одного столь безстыднаго человѣка, который бы согласился занимать мѣста въ

судахъ. Полное собраніе изчезло прежде, нежели началось; и самъ онъ, сдѣлавшись предметомъ всеобщей ненависти, не видѣлъ во Франціи никакого убѣжища, гдѣ бы могъ приклонить главу свою, отправился для сокрытія своего поношенія во внутренность Италіи.

Вскорѣ послѣ его паденія постигли бѣдствія и хранителя печатей Ломоаньона, человѣка справедливаго и умнаго, который любилъ свое отечество и Короля, и котораго, не смотря на ненависть современниковъ, потомство никогда не будетъ упрекать, развѣ только за то, что онъ хотѣлъ поддержать умомъ своимъ великое преобразованіе въ судебномъ управленіи, которое Бріенъ приводилъ въ исполненіе посредствомъ однихъ изгнаній и Королевскихъ указовъ. Скорбь, что народъ столь худо судилъ о немъ, снѣдала его въ уединеніи, и Ломоаньонъ утромъ убилъ себя изъ пистолета, оставивъ по смерти своей такихъ друзей, кои изъ любви къ честности отмстили за его оскорбленіе.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Второе министерство Неккера. Новое собраніе Старѣйшинъ.

1788 Благотворныя дѣйствія Неккера

Неккеръ, по прибытіи своемъ въ Версалію, показался духомъ покровителемъ. Парламенты были возстановлены; изгнанники возвращились; правосудіе воспріяло свое тече-

ніе, а полиція свою дѣятельность. Къ вящшему благоденствію, довѣренность возобновилась; государственная казна открылась, и не осталось уже слѣдовъ банкротства Бріенева, имѣвшаго послѣдовать отъ введенія государственныхъ билетовъ въ королевскую казну. Всѣ сіи чудные обороты произошли безъ займу и безъ новаго налога. Всемъ симъ одолжены были одному имени министра, имѣвшему всеобщее довѣріе, и всегда бы сохранившему оное, ежели бы не произошло народнаго возмущенія. во второе министерство.

Сіе возмущеніе вскорѣ оказалось пагубнѣйшимъ, и было начало ошибокъ Неккера и долговременнаго нещастія Франціи.

Съ того времени, какъ Парижскій народъ началъ предаваться, почти всегда безъ наказанія, крайнимъ угрозамъ противъ власти, начиная съ возмущенія по случаю хлѣба при Турготѣ, до мщенія за осаду Парламента, когда сожгли изображенія Ломени и Ломоаньона, въ сей столицѣ царствовало скрытное смятеніе, предуготовлявшее путь ко всѣмъ злодѣйствамъ.

Провинціи, дѣлая видъ, что занимаются правилами порядка и питаютъ священный огнь свободы, предавались тому же безумію. При дворѣ знали, что три сословія Дофинскія, собравшись въ Визелѣ, производили разсужденія при громѣ артиллеріи, направленной противъ того зданія, въ которомъ они имѣли засѣданіе. Позволительно было произносить съ энтузіазмомъ возмутительное

слово *равенство* въ Бургоніи, въ Виварѣ, Лангедокѣ, а особливо въ Бретани. Неккеръ не умѣлъ благоразумными пожертвованіями погасить начала раздоровъ: онъ полагался на народное благонравіе, которое почти уже около вѣка погребено было въ гробѣ Людовика XII, и почитая поврежденныхъ людей старой монархіи героями Аѳинскими и Лакедемонскими, по невѣдѣнію, положилъ, основанія республики, которая должна была употребить свою силу только для собственнаго истребленія.

Положеніе Неккера сдѣлалось еще затруднительнѣе, когда Парижскій Парламентъ объявилъ, что онъ не имѣетъ права согласиться на налоги новаго рода, хотя они и нужны для поправленія государственныхъ доходовъ, когда у всѣхъ въ ушахъ раздавалось значительное слово: *государственные Чины*, когда самъ Монархъ далъ вѣрное слово созвать ихъ весною 1789 года; почему министръ, скованный сими невидимыми цѣпями, не довольно старался о спасеніи Франціи, хотя, можетъ быть, успѣлъ бы въ томъ своими дарованіями, уваженіемъ къ Людовику XVI и желаніемъ сдѣлаться безсмертнымъ.

Кардиналъ Ломени, человѣкъ безъ добродѣтели и способностей, отъ того палъ, что слишкомъ полагался на свое самовластіе. Неккеръ, человѣкъ честный и весьма способный, погибъ, вмѣстѣ въ государствомъ, отъ того, что недовѣрялъ собственнымъ познаніямъ. Сей министръ, среди

бури, начинавшей окрестъ его свирѣпствовать, видя, что сторона возмутителей поноситъ его и за самое благо, имъ сдѣланное, не смѣлъ принять на себя великой отвѣтственности. Онъ поѣхалъ къ Королю и склонилъ его, чтобъ, прежде нежели отдастъ свою корону въ опеку государственныхъ Чиновъ отъ правинцій, окружилъ себя паки тѣми Старѣйшинами, кои распущены были 1787 года, такъ что не оставили слѣда прежняго своего засѣданія; потребовалъ бы нихъ совѣтовъ и потомъ бы уже, какъ природный законодатель своей монархіи, объявилъ свое мнѣніе о злѣ и средствахъ противъ онаго. Сей совѣтъ принялъ свою силу, и новое собраніе Старѣйшинъ составилось въ Версаліи 3 Ноября 1788 года.

Новое собраніе Старѣйшинъ.

Лудовикъ XVI поступилъ далѣе, нежели его министръ, и не предвидя того, что, возвышая соперническую власть, которой не имѣлъ никогда смѣлости уничтожить, подписывалъ себѣ смертный приговоръ, хотѣлъ, чтобъ собраніе Старѣйшинъ занялось единственно первоначальнымъ образованіемъ государственныхъ чиновъ. Собраніе, по приказанію Короля, раздѣлилось на шесть отдѣленій, изъ коихъ каждое находилось подъ предсѣдательствомъ какого нибудь Принца. Оно ознаменовало себя важнымъ поступкомъ, хотя онъ и мало имѣлъ дѣйствія; ибо возмнили, что духъ собранія внушилъ оный, и что Старѣйшины не столько старались

о спасеніи государства, сколько о сохраненіи собственныхъ преимуществъ.

Между тѣмъ, взирая на всеобщее расположеніе умовъ во Франціи и непримѣтное движеніе, стремящееся цѣлые тридцать лѣтъ превратить монархію въ республику, не льзя не приписать отважности большой части Старѣйшинъ, которые отвергли пагубную мысль удвоить представителей отъ простаго народа. Извѣстно, что Неккеръ, рожденный въ небольшомъ народномъ правленіи, судя о великихъ государствахъ по сему образцу, почиталъ благосостояніе государства соединеннымъ съ тѣмъ, чтобъ духовенство и дворянство своимъ ужаснымъ вліяніемъ не подавляло третьяго состоянія, у котораго находились всѣ богатства Франціи, ея торговля, промышленность и земледѣліе. Къ нещастію, онъ не предусмотрѣлъ, что по причинѣ духа новизны, вскружившаго головы, найдутся переметчики въ обоихъ первыхъ состояніяхъ, и тогда третіе сословіе, пріобрѣвъ перевѣсъ, испровергнетъ престолъ.

Каковы бы сіи замѣчанія ни были, однако первое отдѣленіе, состоявшее подъ предсѣдательствомъ королевскаго брата, желавшаго притти въ любовь у народа своею величайшею благосклонностію къ оному; рѣшило, по большинству 30 голосовъ противъ 12, что каждое посольство къ государственнымъ Чинамъ будетъ состоять изъ 4 членовъ, изъ

коихъ два отъ третьяго сословія и по одному отъ духовенства и дворянства. Прочія же пять отдѣленій, держась болѣе коренныхъ правилъ монархіи, почти единодушно потребовали стариннаго образа при совѣщаніяхъ, по которому предоставлялся одинъ только голосъ каждому изъ сословій.

Какъ скоро Старѣйшины объявили свои мнѣнія о маломъ числѣ предметовъ, заставившихъ собрать ихъ, надлежало Лудовику XVI представить о послѣдствіяхъ оныхъ. Сей Государь созываетъ для сего Совѣтъ свой 27 Декабря 1788 года. Неккеръ сдѣлалъ докладъ: онъ изобралъ всѣ мнѣнія и, сверхъ чаянія Старѣйшинъ, заключилъ: недопускать ни подъ какимъ видомъ разсужденій безъ равнаго числа отъ третьяго сословія противъ духовенства и дворянъ вмѣстѣ. Вотъ новая ошибка министра, вредная и государству и самому ему. Ежели онъ хотѣлъ управлять по собственнымъ сужденіямъ, то не для чего было совѣтоваться съ собраніемъ Старѣйшинъ. Впрочемъ Совѣтъ присталъ къ мнѣнію отважнаго нововводителя, и согласились, что мѣщане равенствомъ голосовъ своихъ будутъ держать въ равновѣсіи два первыя сословія

Неккеръ поступилъ справедливѣе, когда потребовалъ поручительства въ гражданской свободѣ, точнаго отношенія между приходами и расходами государства, равнаго раздѣленія налоговъ, казны для благотворенія и ясной системы законодательства.

Старѣйшинамъ осталось разсмотрѣть другой запросъ, то есть: повѣренные отъ монархіи по порядку или поголовно будутъ разсуждать сіе, какъ дѣло, относящееся до внутренняго благочинія; отослали его къ государственнымъ чинамъ, и Король назначилъ открытіе ихъ засѣданій съ Мая мѣсяца 1789 года.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Государственные Чины и конституціонное собраніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Исторія государственныхъ Чиновъ, раздѣленныхъ по палатамъ.

Наконецъ престолъ сдѣлался во власти повѣренныхъ отъ двадцати милліоновъ человѣкъ, изъ коихъ каждый тайно желалъ сдѣлаться самовластнымъ. Престолъ, гордящійся своею древностію, простирающеюся до тысячи трехъ сотъ лѣтъ, не представлялъ себѣ никакой опасности и не приготовился ни къ какому перевороту. Его непріятели, испытая свои силы и способы, являются на поприщѣ съ планомъ нападенія, перемѣняемымъ по обстоятельствамъ; хотятъ уважать все, въ чемъ найдутъ сопротивленіе и сокрушать все слабое. При таковыхъ обстоятельствахъ прѣніе долженствовало быть весьма неравное, и престолу, ничего не предпріемлющему противъ величайшей наглости народнаго возмущенія, надлежало испровергнуться. 1789.

5 Мая собраніе, состоящее изъ трехъ сословій, съ великою пышностію вступило въ палату, устроенную для сего въ Версаліи. Король явился тамъ на престолѣ, окружаемый Королевою, Принцами Крови, Перами Открытіе государственныхъ Чиновъ.

Франціи и главными чиновниками короны. Трудно найти очаровательнѣе сего великолѣпія. Лудовикъ XVI открылъ засѣданіе рѣчью, исполненною важности, а болѣе откровенности, гдѣ онъ объявилъ себя *первымъ другомъ народа своего*, и благодарилъ духовенство и дворянство за отреченіе отъ правъ своихъ на доходы для погашенія государственнаго долга. Рѣчь сію слушали съ благоговѣйнымъ молчаніемъ, и по окончаніи загремѣли искреннія рукоплесканія, извлекшія слезы у всѣхъ добрыхъ. Лудовикъ XVI, сложивъ съ себя корону для совѣтованія съ подданными, казался величественнѣе въ королевскомъ достоинствѣ, нежели Карлъ Великій и Лудовикъ XIV.

Хранитель печати Барентенъ и министръ государственныхъ доходовъ начали потомъ говорить, и рѣчь послѣдняго, продолжавшаяся три часа, заключила засѣданіе.

На другой день начались раздѣленія. Когда духовенство и дворянство, по древнему обыкновенію, собрались всѣ въ залу, особенно для нихъ приготовленную, третіе сословіе, засѣдавшее въ обыкновенной залѣ, пригласило оба сіи сословія соединиться съ нимъ для разбора властей. Это было первое яблоко раздора, брошенное въ средину собранія. Неоспоримо, что сіе долженствовало быть еще прежде сего славнаго засѣданія, случившагося 5 числа, и, по древнимъ обрядамъ, законное свидѣтельство властей всѣхъ

депутатовъ принадлежитъ хранителю печати. Ежели чины будутъ законно назначены, то третіе сословіе не значило ничего, не могло ничего требовать ни отъ духовенства, ни отъ дворянства.

Графъ Мирабо былъ главный и упорный производитель сихъ непріязненныхъ дѣйствій. Никто съ такою силою не защищалъ худыхъ правилъ, и никто не имѣлъ толикой степени духа злобы. Онъ сочинилъ тогда противъ престола столь ядовитый журналъ, что Совѣтъ принужденъ былъ опредѣленіемъ уничтожить оный. Третіе сословіе вооружилось опредѣленіемъ, подписаннымъ всѣми членами, противъ сего закона, исполненнаго мудрости, почитая его оскорбительнымъ для свободы книгопечатанія, составляющей основаніе новаго законодательства чиновъ. Престолъ уступилъ; онъ не уничтожилъ своего постановленія, но оставилъ его безъ исполненія, что самое и побудило Мирабо къ новымъ дерзостямъ: ибо все увѣряло его въ ненаказанности.

Между тѣмъ разногласіе во мнѣніяхъ остановило дѣла. Король для пресѣченія сихъ раздоровъ въ самомъ началѣ рѣшился учредить между повѣренными трехъ сословій примирительныя засѣданія. Оныя собрались у хранителя печати въ присутствіи министровъ, и ничего не произвели; толико ожесточены были умы! Наконецъ 14 Іюня опредѣлены были власти всѣхъ депутатовъ. И такъ государственные Чины, созван-

ные для совокуннаго съ Королемъ устроенія Франціи, занимались пять недѣль собственнымъ разпредѣленіемъ. Сей великій промежутокъ времени, употребленный третьимъ сословіемъ для измѣренія силъ съ прочими состояніями, неимѣющими твердыхъ правилъ, и съ безсильнымъ престоломъ, предуготовилъ разрушеніе монархіи.

17 Іюня третіе сословіе, ободренное слабостію своихъ противниковъ, подало имъ поводъ къ распрѣ опредѣленіемъ, по нещастію, знаменитымъ. По разчисленію Аббата Сейя, повѣренные онаго составляли сто девяносто шестую долю народа. Оно составилось, безъ приказанія Короля и безъ согласія первыхъ двухъ сословій, подъ именемъ *Національнаго собранія*, и клятва въ разсужденіи исполненія должностей сего собранія, къ которой побудилъ Таргетъ, была единственнымъ правомъ на присвоеніе верховной власти.

Совѣтъ Короля, всѣ министры, кромѣ Неккера, и всѣ благомыслящіе во Франціи усмотрѣли въ семъ мятежническомъ поступкѣ новый порядокъ вещей. Ежели бы Густавъ Адольфъ Шведскій и Фридерикъ II Прусскій были на престолѣ Лудовика XVI, третіе сословіе тотчасъ было бы уничтожено. Корона и оба первыя сословія продолжали вести съ нимъ переговоры. Съ того времени оное было верховный повелитель, потому что исполняло дѣла онаго безпрекословно.

Впрочемъ сей новый повелитель употребилъ великую хитрость для привлеченія къ себѣ народа, коего онъ представлялъ лице безъ его согласія. Давно уже употреблялось во зло право собирать подати, прикрывая недостатокъ записываніемъ оныхъ ненавистнымъ образомъ въ Парламентахъ. Преемникъ Королей, принявъ новый титулъ, объявилъ, что налоги, вновь собираемые безъ согласія народа, суть незаконные; между тѣмъ одобрялъ обыкновенное собираніе оныхъ. Но какъ правила всеобщаго преобразованія могли встревожить множество государственныхъ заимодавцевъ; то онъ, по благоразумію своему, и защитилъ всѣхъ ихъ честію и вѣрностію Французскаго народа.

Но вотъ что совершенно всѣхъ обмануло. Лазутчики, искусно разсѣявшись по залѣ собранія и даже по галлереѣ Версальской, одобряли сіе опредѣленіе восклицаніями: *да здравствуетъ Король;* отъ чего произошли два послѣдствія: и слабый Людовикъ XVI обманулся, и народъ представилъ, что говорятъ именемъ Монарха, коего начинали свергать съ престола.

Духовенство и дворянство, равно какъ и престолъ, тогда только усмотрѣли наносимый имъ ударъ, когда уже рана, сдѣлавшись весьма глубокою, не могла быть залечена Впрочемъ министерство еще употребило насильственную мѣру: оно противупоставило засѣданію начальниковъ парціи народной королевскому засѣданію. По не-

щастію, оное имѣло видъ Парламента, и небольшіе успѣхи, полученные, по видимому, во всеобщемъ мнѣніи, сдѣлали дерзость похитителей законною.

Клятва, данная въ Жедепомѣ.

Для королевскаго засѣданія нужно было сдѣлать особенныя приготовленія въ трехъ залахъ, и Король приказалъ предварительно извѣстить государственные Чины о нашковременномъ ихъ распущеніи. Не смотря на то, третіе сословіе явилось въ обыкновенное мѣсто своихъ собраній, и когда стража не хотѣла отворить оному дверей, оно пошло толпою играть *въ жедепомъ;* и тамъ Мулье предложилъ славную клятву, чтобы не разлучаться другъ съ другомъ до возстановленія общественнаго порядка, требуя сверхъ того, чтобъ вездѣ, гдѣ ни соберется палата мѣщанъ, *было Національное собраніе.* Сіе предложеніе было принято съ глупыми рукоплесканіями. Бальи, Предсѣдатель третьяго сословія, первый далъ клятву, потомъ всѣ Депутаты, исключая одного Мартына д'Ошъ, котораго почли безумнымъ, но которому по смерти, чрезъ десять лѣтъ народнаго безначалія, воздали почести.

Королевское засѣданіе.

23 Іюня учинено было королевское засѣданіе, которое сдѣлалось уже безполезно по причинѣ дерзкой клятвы въ Жедепомѣ. На письмѣ, увѣдомляющемъ о собраніи, была слѣдующая надпись: *Предсѣдателю третьяго сословія;* что самое и показывало скрытно, что учрежденіе Національнаго Собранія

было неправильное присвоеніе власти; но, по худому примѣру Монку и Ломени, имѣли сіе засѣданіе, ограждаясь войскомъ, а не законами. По окрестностямъ залы и большой дороги въ Версалію поставлены были солдаты отдѣленіями; что самое, вливая безпокойство въ миролюбиваго человѣка, производило недовѣрчивость къ предполагаемому дѣлу.

Другая неосторожность двора состояла въ томъ, что онъ не приказалъ всѣмъ министрамъ явиться въ сіе засѣданіе. Неккера тамъ не было; и какъ почитали его еще весьма справедливымъ, то отсутствіе его и приняли за явное опорачиваніе сей мѣры, что самое и нанесло смертельный ударъ королевскому засѣданію, прежде нежели оное открылось. Людовикъ XVI произнесъ въ ономъ три рѣчи, отличающіяся превосходнымъ умомъ, ему свойственнымъ. Онъ показалъ себя въ нихъ *общимъ отцемъ своихъ подданныхъ и защитникомъ монархіи*. Онъ присовокупилъ, что *никогда Король ни для какого народа не сдѣлалъ столько, сколько онъ*, и заключилъ сими словами, изображающими нѣкоторое мужество: „Если вы, сверхъ моего чаянія, по „какому нибудь роковому случаю оставите „меня въ столь превосходномъ предпріятіи, „я одинъ буду почитаться истиннымъ ихъ „повѣреннымъ.“ Сколь ни сильно было сіе предложеніе, однакожъ не дѣйствительно;

и когда монархъ, повторивши кратко слова сіи, приказавъ тремъ сословіямъ разсуждать отдѣльно въ залахъ, для нихъ назначенныхъ; то подумали, что *государственные Чины* будутъ распущены, и угрюмое молчаніе доказало, что, при великихъ потрясеніяхъ Имперіи, благо, неосторожно производимое, имѣетъ послѣдствія плачевнѣе, нежели зло, учиненное съ силою.

Какъ скоро Король удалился, то Духовенство и дворянство, изъ повиновенія къ Государю, разошлись для разсужденія по своимъ заламъ; но третіе сословіе осталось въ общей залѣ, или лучше сказать Мирабо, управляющій онымъ. Онъ сказалъ самую ядовитую рѣчь противъ королевскаго засѣданія. „Что „бы значило, говорилъ онъ, сіе оскорбитель„ное Диктаторство? Приготовленіе оружій, „осквернение Національнаго храма для того, „чтобъ заставить васъ быть щастливыми. „Кто вамъ дастъ повелительные законы? „Вашъ стряпчій, тотъ, который долженъ „принимать ихъ отъ насъ,—отъ насъ, укра„шенныхъ саномъ священства, не терпя„щаго насилія; отъ насъ, отъ которыхъ за„виситъ благоденствіе двадцати пяти мил„ліоновъ человѣкъ.... Но для чего воен„ная сила окружаетъ Чины? Гдѣ непрія„тели народа? — Катилина у нашихъ во„ротъ!... Прошу васъ, оградитесь свято„стію вашей клятвы. Вамъ не позволено „разходиться до возстановленія государ„ства.“ Сказать столь мятежническую

рѣчь въ монархіи, значитъ ее изпровергнуть или истребить на эшафотѣ.

Оберъ-Гофмейстеръ вошелъ и именемъ Короля объявилъ третьему сословію, чтобы оно разошлось; а Мирабо отвѣчалъ ему именемъ собранія, увѣнчавшаго его похвалами, что собраніе не разойдется, развѣ принудятъ къ тому штыками.

Къ сему поступку, противному для престола, Камъ присовокупилъ свое подтвержденіе: приказаніе, теперь намъ объявленное, должно почитать опредѣленіемъ Совѣта, которому не повиноваться никто за грѣхъ не поставитъ. Сіе засѣданіе кончилось опредѣленіемъ, предложеннымъ отъ Мирабо, что особу каждаго Депутата должно почитать неприкосновенною. Вотъ узда, сказалъ онъ, противъ насильственныхъ совѣтовъ, окружающихъ престолъ или истекающихъ отъ онаго. Опредѣленіе сіе подтверждено было большинствомъ голосовъ 443 противъ 34. Король по слабости молчалъ, и съ сего времени онъ самъ себя приговорилъ болѣе не царствовать.

Откло-нение части духо-венства и дворян-ства.

Слабость престола уменьшила ревность двухъ первыхъ сословій. Въ слѣдующій день явилось между духовенствомъ 150 перемѣтчиковъ, кои и присоединились къ третьему сословію. Изъ числа ихъ былъ и Архіепископъ Парижскій, добродѣтельный Жюанье; но это были такіе камни, о кои многократно претыкались и кои были причиною сей сла-

бости. Онъ могъ еще сдѣлать нѣкоторое благо, но не умѣлъ умереть.

Между дворянствомъ осталось только 25 человѣкъ; 44 изъ нихъ перешли къ мяшежническимъ депутатамъ. Первой изъ нихъ былъ Герцогъ Орлеанскій: Президентъ Бальи назвалъ его *Великимъ Принцемъ*. Извѣстно, что во время революціи прославился онъ своими злодѣяніями, доведшими его до эшафота.

Утвержденіе новаго порядка вещей.

Между тѣмъ Король, видя всеобщее волненіе умовъ, и предчувствуя, можетъ быть, отклоненіе извѣстныхъ людей, рѣшился жертвовать всѣмъ, и сказавъ всенародно, что онъ желаетъ, дабы ни одинъ человѣкъ не погибъ за него, заставилъ симъ духовенство и дворянство присоединиться къ третьему сословію и стараться о возстановленіи новаго порядка. Оба сіи сословія согласились на то. Съ сего времени осталось одно только третіе сословіе. Присвоеніе титула Народнаго Собранія было признано законнымъ, и Лудовикъ XVI, кажется, подписалъ отреченіе отъ своей короны.

Извѣстно, что ежели бы государственные Чины, столько прозорливые, сколько и просвѣщенные, учредили въ началѣ своемъ Верховный Совѣтъ монархіи, который желалъ общественнаго блага, но не умѣлъ его сдѣлать; ежели бы они постарались о томъ, чтобъ свобода книгопечатанія, ограниченная благоразумными предѣлами, не содѣлалась неизсякаемымъ источникомъ возмущенія; если бы три сословія вмѣсто между-

усобной распри принялись за исправленіе великаго разстройства государственныхъ доходовъ посредствомъ равенства пожертвованій: то престолъ не былъ бы испровергнутъ, и Франція не погрузились бы въ долговременное безначаліе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Возмущеніе въ Парижѣ.

Предполагать, чтобъ такая революція, какова Французская, вмекала въ планы преобразованія благороднаго и великодушнаго народа, простиравшаго любовь свою къ Королямъ до обожанія, означало бы великое заблужденіе. Сія ужасная мысль разстроить міръ для того, чтобъ сдѣлать его свободнымъ, входила только постепенно въ нѣкоторые умы, старающіеся о собственномъ возвышеніи. Цѣлый почти годъ старались произвесть въ Парижѣ возмущеніе тайные заводчики народныхъ раздоровъ, кои не имѣя законнаго существованія, могли все приобрѣсть посредствомъ новаго порядка вещей. Мирабо, Герцогъ Орлеанскій и другіе мятежники изъ втораго сословія привязывали къ себѣ сіи злодѣйскія орудія и содѣлались чрезъ то могущественнѣе; но чернь, даже та самая, которая участвовала въ явныхъ злодѣйствахъ, помогала начальникамъ народной партіи посредствомъ одного ужаса; и для возвращенія людей полупросвѣщенныхъ къ прежнимъ правиламъ и для

принужденія буйныхъ возмутителей повиноваться Лудовику XVI потребна была престолу одна только побѣда.

Темница въ Лабе взята.

Сіе возмущеніе произошло отъ безпорядка между военными. Гвардейскіе солдаты, кои жили болѣе въ Пале-Ройяль, служившемъ тогда вертепомъ злодѣянія, нежели въ своихъ казармахъ, начали составлять въ кофейномъ домѣ заговоръ. Герцогъ Шателье, ихъ Полковникъ, приказалъ взять двухъ изъ нихъ подъ стражу въ непозволенный часъ и отвести въ темницу Лабе. Буйное юношество предварено было о семъ начальниками народной партіи. Вдругъ оное выходитъ во всемъ вооруженіи изъ Пале-Ройяль, усиливается всѣми затѣйщиками, встрѣчающимися на пути, и приходитъ въ числѣ слишкомъ четырехъ тысячь человѣкъ для осады Лабе. Въ минуту были выломлены ворота, и всѣ плѣнники, и даже самые убійцы, освободившись, пошли съ ними въ торжествѣ по улицамъ столицы. Національное Собраніе унизилось до того, что начало просить у Короля прощенія виновнымъ, который по системѣ молодушія, принятой правленіемъ, немедленно на то согласился.

Впрочемъ благомыслящіе между министрами и главнѣйшими чиновниками короны покусились оживить духъ монархіи, по крайней мѣрѣ наружною силою, состоящею въ покровительствѣ государственныхъ Чиновъ безъ нравственности. Въ Версальскомъ замкѣ не думали избавиться отъ оскорбле-

нія, а Бастилію освободить отъ осады. Повелѣно было приближиться къ Парижу линейнымъ войскамъ: три полка оныхъ поставили на Марсовомъ полѣ, а прочіе размѣстили въ Пасси, Севрѣ и Сен-Дени. Генералиссимусомъ надъ симъ короннымъ войскомъ былъ Маршалъ Брогліи. Онъ имѣлъ тайныя повелѣнія совершенно не дѣйствовать, и ничего не дѣлалъ. Мятежники Пале-Ройяльскіе, будучи дѣятельнѣе, потому что они надѣялись на народъ, проголковали въ самую худую сторону сіи воинскія движенія. Ежели вѣрить имъ въ томъ, то не другое что хотѣли сдѣлать, какъ палить ядрами по Парижу и взорвать на воздухъ, посредствомъ бочекъ съ порохомъ, залу собранія. Національное собраніе не вѣрило симъ баснямъ начальниковъ народной партіи, а менѣе всѣхъ Мирабо. Но сей запальчивый народный Трибунъ далъ новый полетъ своему пламенному краснорѣчію: онъ написалъ къ Королю письмо хитрое и дерзкое, чтобъ онъ выслалъ войска; письмо, одобренное собраніемъ, имъ управляемымъ, съ энтузіазмомъ, которое и было причиною неосторожнаго со стороны Короля поступка, ускорившаго его погибель.

Отставка Некера и плачевныя послѣдствія оной.

Неккеръ при всѣхъ сихъ произшествіяхъ молчалъ, что и побудило представить его подозрительнымъ. Его изобразили тайнымъ виновникомъ возмущеній, которыя бы долженъ онъ пресѣкать своимъ могуществомъ. 11 Іюля Графъ Монтморинъ пришелъ

къ нему объявить отъ имени Короля о его нещастіи и съ приказаніемъ выѣхать изъ королевства. Для избѣжанія новыхъ возмущеній онъ согласился съ симъ министромъ, чтобы тайна его изгнанія осталась между ими. Сія тайна была свято соблюдаема, что самое и заставляло очернить сего добраго человѣка всякимъ вѣроломствомъ; ибо ежели бы онъ былъ въ связи съ начальниками партіи, то слѣдовало бы ему сказать одно только слово своимъ соумышленникамъ, и онъ былъ бы Вице-Королемъ. Неккеръ далъ великолѣпный столъ, и никогда не былъ столько веселъ. Въ вечеру онъ отъѣхалъ въ повозку подъ видомъ, будто бы хотѣлъ посѣтить Принцессу Бово въ Сен-Жерменѣ, и уѣхалъ на почтовыхъ въ Бриссель.— Того же дня въ одиннадцать часовъ вечера бунтовщики, по приказанію Мирабо, разошлись по предмѣстіямъ Парижа и сожгли укрѣпленія.

На другой день извѣстіе объ отставкѣ Неккера дошло въ Пале-Ройяль. Камиллъ-Мулень объявилъ, что сіе произшествіе было знакомъ для праздника Св. Вороѳоломея противъ друзей отечества, и съ пистолетами въ рукѣ взбунтовалъ всѣхъ встрѣчающихся съ нимъ бѣснуемыхъ. Такимъ образомъ началась междоусобная война. Въ сіе время королевскій Совѣтъ былъ въ такомъ разстройствѣ, что обвинилъ трехъ министровъ, Люцерна, С. Пріеста и Монтморина, будто бы они защищали Неккера, и они подверглись равному съ нимъ нещастію.

Между тѣмъ возмущеніе усилилось. Шайка, состоящая изъ 4000 бунтовщиковъ въ рубищахъ, но довольно хорошо вооруженная, сразилась съ строевымъ войскомъ, и хотя защищаема была Французскими гвардейцами, однако понесла потерю. Полкъ королевско-Нѣмецкой, построившійся въ Тюльерійскомъ саду, подъ начальствомъ Принца Ламбеска, не смотря на бросаемые въ него камни, долго сохранялъ грозное оборонительное положеніе; но когда вздумали отрѣзать ему путь со стороны моста Турнанъ, онъ отразилъ силу силою и расположился на площади Лудовика XV.

Въ сіе время били въ набатъ во всѣхъ церквахъ Парижскихъ; поставили пушки на мостахъ Севрѣ и Сен-Клу, и пресѣчено было всякое сообщеніе между Версаліею и столицею.

Парижъ, созывая мятежниковъ для своего защищенія и вручая государственную силу развращеннымъ людямъ, скоро раскаялся въ своемъ пагубномъ неблагоразуміи. 13 Іюля въ три часа сіи мятежники, подъ видомъ недостатка въ сѣстныхъ припасахъ, дѣйствительнаго или ложнаго, разграбили монастырь С. Лазаря и зажгли оный. Къ щастію, 400 Французскихъ гвардейцевъ потушили пожаръ; иначе бы все предмѣстіе превратилось въ пепелъ. Потомъ мятежники пошли въ оружейную палату и похитили всѣ богатыя и рѣдкія оружія, собранныя въ сіе царское хранилище въ теченіи многихъ вѣковъ;

освободили плѣнниковъ изъ Форсъ и заключали въ ихъ узилища воровъ и убійцъ изъ Шателе, стыдясь, если должно въ томъ вѣрить, смѣшивать дѣло отечества съ разбойничествами.

Впрочемъ чрезмѣрное зло послужило къ пользѣ; избирательное собраніе сдѣлалось верховнымъ, округи Парижскіе также; забытъ былъ только одинъ законный Государь. Національное Собраніе, которое давно уже было самодержавнымъ, хотя и не называлось таковымъ, назначило Парижскую милицію до 40,000 человѣкъ.

Сіе самое собраніе сколько ни старалось о удержаніи политическаго равновѣсія, непрестанно покровительствовало возмутителей, и торжественнымъ опредѣленіемъ объявило, что не только Неккеръ и три другіе министра, лишенные милости, достойны его уваженія и сожалѣнія, но и настоящіе министры (Баронъ Бретвиль былъ ихъ главою) обязаны отчетомъ въ нещастіяхъ, угрожавшихъ столицѣ.

Въ тотъ же день буйные люди изъ Пале-Ройяль, называвшіеся друзьями отечества, собиравшіеся для злоумышленій въ кофейной домъ Фуа, составили дѣйствительное присутствіе.

Нападеніе на инвалидовъ.

Гражданская милиція, состоящая изъ мѣщанъ, долженствовала въ нѣсколько дней тайно составиться; но она была безъ оружій, и избирательное собраніе не спѣшило снабдить ее онымъ. Сія милиція узнала,

что много оружій находится въ госпиталяхъ инвалидовъ, и тотчасъ пошла туда. Почтенный Сомбревиль былъ правителемъ оной, и ему велѣно было отражать силу силою; но между тѣмъ какъ онъ терялъ время въ совѣтахъ съ главными своими чиновниками, осаждающіе дѣйствовали. Они спустились въ рвы, пролѣзли въ рѣшетки и опустились на дворъ. Тогда всякое сопротивленіе казалось безполезно; отняли пушки, взяли оружіе и не оставили даже ни одной шпаги у караульныхъ.

Взятіе Бастиліи и начальникъ оной убитъ.

За сею маловажною побѣдою послѣдовала важнѣйшая. Мятежники давно уже хотѣли разрушить Бастилію, какъ древнюю темницу и единственную крѣпость, могущую служить убѣжищемъ для послѣднихъ защитниковъ короны. Начальникомъ сей крѣпости былъ Маркизъ Лоней. Онъ рѣшился защищать оную по примѣру древняго рыцарства; но къ нещастію не имѣлъ ни сколько Махіавелизма, который прикрываютъ именемъ военной хитрости. Когда посланные отъ городской гвардіи пришли къ нему, онъ объявилъ, что не имѣетъ никакого непріятельскаго намѣренія, и доказалъ сіе тѣмъ, что у него пушки безъ зарядовъ и не въ амбразурахъ. Мятежники, узнавъ о сихъ мирныхъ мѣрахъ, и увидѣвъ, что гарнизонъ ушелъ въ замокъ, тотчасъ изрубили топорами подъемный мостъ и пришли въ домъ начальника. Сей послѣдній могъ бы разбить совершенно осаждающихъ, приказавъ стрѣ-

лять въ нихъ; но, подобно своему Государю, не любилъ проливать крови, и вздумалъ устрашить Парижкую милицію холостыми зарядами изъ пушекъ, которые послужили только къ ускоренію бѣдствія. Сто четырнадцать человѣкъ, составлявшихъ гарнизонъ крѣпости, принуждены были уступить войску необученому и неопытному, но состоящему почти изъ тридцати тысячъ человѣкъ. Они объявили, что ежели не здадутся на договоръ, то зажгутъ 200,000 пудъ пороху, находящагося въ Арсеналѣ, и взорвутъ Бастилію съ предмѣстіемъ Сен-Антоань. Осаждающіе обѣщали согласиться на все, и какъ обыкновенно случается во время междоусобной брани, ни въ чемъ не устояли. Нещастный отведенъ въ Ратушу при воплахъ бѣшеной черни. При вступленіи на площадь Гревъ его убили, и голову на пикѣ принесли въ столицу. Не смотря на краснорѣчивыя рѣчи Мирабо противъ первой въ государствѣ темницы, нашлось въ заклѣпахъ Бастиліи только семь человѣкъ, изъ которыхъ двое было сумасшедшихъ, Графъ Солажъ, заключенный по прозьбамъ своего семейства и четыре поддѣльщика векселей. Симъ малымъ количествомъ плѣнниковъ безъ сомнѣнія одолжены человѣколюбію знаменитаго Мальгерга. Бастилія была безполезна для заговорщиковъ; впрочемъ взирали на нее съ ужасомъ и разрушили ее до основанія. Вотъ единственная истинная услуга, которою обязаны возмущенію 14 Іюля.

Купеческій Голова Флесселъ покусился въ тотъ день въ Ратушѣ примирить умы. Убійство Лоне, при немъ совершившееся, тронуло его до крайности. Намѣреніе его доказало, что во время междоусобныхъ браней не столько опасно быть непріятелемъ господствующей стороны, сколько примирителемъ. Членъ избирательнаго общества, въ которомъ онъ присутствовалъ, усмотрѣвъ слезы на глазахъ его, обвинилъ его безъ всякой причины въ измѣнѣ. Другой, будучи еще жесточе, сказалъ ему: *ты измѣнилъ отечеству, и отечество тебя оставляетъ. Вижу ясно*, отвѣчалъ нещастный со вздохомъ, *что я здѣсь сдѣлался противенъ, и я удаляюсь.* Едва онъ перешелъ аркаду Сен-Жанъ, какъ одинъ злодѣй выстрѣлилъ изъ пистолета сзади и убилъ его. Голову его на пикѣ торжественно отнесли въ Пале-Ройяль. Убійство Флесселя.

Народъ, предавшійся своеволію, особливо въ государствѣ, потерявшемъ нравственность и стремящійся къ Демократіи, не доволенъ бываетъ ни множествомъ, ни выборомъ жертвъ своихъ.

Не много спустя, народъ обратилъ свое неистовство на опытнаго Министра, составѣвшагося въ дѣлахъ и котораго все преступленіе состояло въ томъ, что согласился быть министромъ государственныхъ доходовъ въ непродолжительное время сего политическаго разстройства. Когда Лудовикъ XVI, не имѣя ни силы, ни средствъ, намѣревался отдать свою корону подъ защиту Нещастная кончина Фулона и Бертье.

Мирабо, мятежники, для которыхъ Некеръ, пришедшій въ милость, былъ вторымъ отечествомъ, обвинили старца, что заступилъ намалое время мѣсто его: они взяли его, заставили претерпѣть поношеніе, муки и наконецъ повѣсили.

Сей нещастный выдалъ дочь свою за Парижскаго Интенданта Бертье. Быть зятемъ министра, содѣлавшагося жертвою народной ненависти, и Интендантомъ, значило подавать двойное право на гоненіе. На другой же день начальники партіи приказали солдатамъ взять его подъ стражу въ его помѣстьѣ; заставили поцѣловать окровавленную голову шестя, воткнутую на копье, и по отобраніи отъ него ненавистнаго допроса въ избирательномъ обществѣ, занимавшемъ главное мѣсто въ Ратушѣ, умертвили хладнокровно подъ окнами судилища, у котораго онъ искалъ убѣжища. Сердце его разтерзано было свирѣпою чернію, и куски онаго отнесены были къ начальникамъ возмущенія, кои не имѣли мужества ни наказать сихъ изверговъ, ни усмирять.

Преданность Лудовика XVI.

Въ семъ ужасномъ положеніи Лудовикъ XVI предался на волю Божію. Сей государь, когда ни мало его не ожидали, пришелъ въ Національное Собраніе. Главные члены, развращенные бунтовщиками, возстали противъ него, и сіе оставленіе, тронувши до крайности чуствительную и добродѣтельную его душу, заставило, такъ сказать, отдать подъ сохраненіе свою корону. «Я

„нахожусь съ моими подданными, сказалъ онъ. „Я, полагаясь совершенно на повѣренныхъ „ихъ; прошу совокупно со мною стараться„ся о благосостояніи государства; объявляю „имъ, что дано приказаніе войскамъ удалиться изъ Парижа и Версалія.„

Сей превосходный поступокъ возымѣлъ свое дѣйствіе на тѣхъ членовъ Собранія, которые еще не развратились отъ злоупотребленія власти. Предсѣдатель, поблагодаривъ Короля, просилъ, чтобъ онъ позволилъ всегда имѣть свободное и непосредственное сообщеніе съ его особою. Потомъ какъ Монархъ удалился и далъ время на размышленіе, все Собраніе безъ приказанія пошло за нимъ и проводило въ замокъ, въ залу Чиновъ. Всѣ были въ крайнемъ восхищеніи, когда по приближеніи къ двору увидѣли на балконѣ Королеву, обнимающую молодаго Дофина, показывающую его безчисленному народу, и отдающую, такъ сказать, подъ его покровительство; но сіе минутное торжество превосходнѣйшаго дѣла подало только поводъ къ новымъ злодѣяніямъ и убійствамъ.

Возмущеніе въ Парижѣ принимаетъ новый видъ.

Король и Предсѣдатель Собранія опредѣлили, чтобъ многочисленное посольство немедленно отправилось въ Парижъ извѣстить оный о возстановленіи согласія между двумя властями. Въ самомъ дѣлѣ, посольство было отправлено и принято на заставѣ войскомъ, состоящимъ изъ ста тысячь человѣкъ полунагихъ, незнающихъ воинскаго

порядка, гордящихся взятіемъ Бастиліи и убійствомъ Лоне и Флесселя и нежелающихъ перемѣнять своихъ странныхъ вооруженій и прекращать вражды. Ратуши казались болѣе расположены къ будущему порядку. Тогда Избирательное Общество, желая показать власть, которой никакой законъ не давалъ ему, сдѣлало Бальи Меромъ Парижскимъ и поручило главное начальство надъ войсками Маркизу Файетъ.

Бунтовщики Народнаго Собранія, управляемаго Мирабо, показали злобную радость, видя совершенную преданность Лудовика XVI. Они потребовали отъ Государя новыхъ пожертвованій, и безъ труда получили оныя. Баронъ Бретвиль не согласился быть первымъ министромъ, и преемники тѣхъ особъ, коихъ должности были всѣми уважаемы, подали въ отставку. Открылся важный случай вызвать Неккера и министровъ, лишившихся милости. Всеобщая надежда исполнилась, и Дюфретъ Сен-Леонъ отправился къ знаменитому Женевцу въ Бриссель съ почтительнымъ письмомъ отъ Короля.

Вступленіе въ Парижъ Лудвика XVI.

Въ сихъ обстоятельствахъ господствующая сторона склонила Короля отправиться въ сопровожденіи ста депутатовъ для довершенія своего примиренія съ мятежниками столицы. И такъ Лудовикъ XVI, обманываемый возмутителями и своимъ добродушіемъ, 17 Іюля отдалъ торжествующимъ своимъ непріятелямъ и послѣдніе остатки своей короны. Онъ отправился

изъ Версаліи безъ пышности и безъ тѣлохранителей; предъ нимъ везли пушки, взятыя у инвалидовъ и въ Бастиліи, и онъ принужденъ былъ продолжать путь свой медленнѣе и не скрываться ни отъ одного свирѣпаго взора возмутителей. Онъ проѣхалъ чрезъ тройную шеренгу, состоящую изъ двухъ сотъ тысячь человѣкъ, вооруженныхъ пиками, копьями, косами и ружьями, и старой Королевской гвардіи — ружьями со штыками, растянутыхъ по набережнымъ отъ заставы Пасси до Ратуши, и не слыхалъ ни одного радостнаго восклицанія, ни одного благословенія въ признательность отъ народа, который бы долженствовалъ его боготворить. Онъ перенесъ сію обиду въ молчаніи, и скрытная скорбь, замѣченная изъ слезъ, выкатившихся у него, доставила врагамъ его новое удовольствіе. Нещастный Монархъ, пріѣхавъ въ Гревъ, еще обагренный кровію Лоне и Флесселя, пошелъ въ Ратушу, гдѣ Бальи ожидалъ его для показанія, что онъ считалъ себя не столько Парижскимъ Меромъ, сколько первымъ министромъ.

Онъ, принявъ Короля на заставѣ, сказалъ ему совсѣмъ не къ стати сіе Академическое выраженіе: «ежели Генрихъ IV покорилъ »оружіемъ свою столицу, то сія самая сто»лица на оборотъ плѣнила своего Короля.« Сей искусный и мужественный начальникъ мятежниковъ безъ намѣренія увѣнчалъ торжество злодѣянія, заставивъ Лудовика XVI принять всенародно національную кокарду,

которая была тогда отличительнымъ знакомъ возмутителей. Нещастный принялъ оную безъ сопротивленія; потому что примиреніе его со всѣми подданными было чистосердечное, и, какъ бы съ сей минуты только, онъ содѣлался Королемъ Французскимъ. Начальники бунтовщиковъ думали, что сіе народное дѣйствіе возбудитъ чернь къ плескамъ.

Лудовикъ XVI, выѣжжая изъ Версаліи, ожидалъ нещастной кончины, и не смотря на то, поѣхалъ. Одинъ изъ придворныхъ, ободряя его, сказалъ, что ручается за него своею жизнію. Государь отвѣчалъ: *Генрихъ IV былъ лучше меня, однако они и его убили.*

Между тѣмъ Парижское возмущеніе нечувствительно распространилось по всѣмъ провинціямъ. Повсюду посылали возмутителей, которые, подъ именемъ гражданъ-воиновъ, возбуждали къ бунту чернь противъ поставленныхъ властей; зажигали замки и умерщвляли защитниковъ монархіи.

Торжественное возвращеніе Неккера

Во время сего всеобщаго волненія умовъ Неккеръ письмомъ извѣстилъ Собраніе о прибытіи своемъ въ столицу. Онъ былъ принятъ въ Версаліи съ осторожностію, смѣшанною со страхомъ. Начальники Народнаго Собранія вмѣсто благодарности употребили лесть, и торжественное принятіе въ Ратушѣ исполнило жизнь его горестію.

Сперва согласились по его неотступнымъ прозьбамъ освободить Барона Безенвиля и

простить вообще все, что ни случилось съ ними съ начала возмущенія. Потомъ главные бунтовщики разсудили, что возвращеніе порядка должно погрузить ихъ паки въ прежнюю ничтожность. Они для своихъ видовъ непрестанно возмущали страсти народныя. Подъ домственнымъ мѣстамъ велѣно было уничтожить единодушное опредѣленіе Ратуши, и Народное Собраніе, убѣжденное коварнымъ краснорѣчіемъ Мирабо, вступилось за оныя.

Вліяніе Неккера на составленіе новаго министерства было нѣсколько замѣтнѣе. Онъ помѣстилъ друзей своихъ, или по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ почиталъ таковыми. Письмо Короля обнаружило, что онъ сдѣлалъ выборъ по внушенію другихъ; и какъ производства были учинены въ томъ же Народномъ Собраній, то страннымъ образомъ оное было тамъ принято. „И я, сказалъ Государь, вручаю печати Архіепископу Бурдовскому, Архіепископу Віенскому списокъ „доходныхъ духовныхъ мѣстъ, а департаменту военный Графу Торъ дю Пень. Назначаю въ моемъ Совѣтѣ Маршаломъ Бове. „Сіи выборы, сдѣланные мною въ вашемъ „Собраніи, доказываютъ, что я хочу быть „съ ними въ величайшемъ согласіи.„

Извѣстно, что Неккеръ присовѣтовалъ Королю избирать въ Министры повѣренныхъ народа, или по крайней мѣрѣ отдавать свое избраніе на ихъ подтвержденіе, по видимому, увѣрилъ его въ собственной не-

отрѣшимости; но во время политическихъ бурь не можно дѣйствовать какъ по благорасположенію обществъ, такъ и по благопріятству народному.

Въ сіе время Народное Собраніе раздиралось внутренними раздорами, которые отнимали единство у сихъ произшествій. 1 Августа назначили Турета Предсѣдателемъ Собранія. Бунтовщики, почитая его не на своей сторонѣ, грозили убить въ собственномъ домѣ, и онъ отказался отъ должности до вступленія въ оную. Съ того времени страхъ началъ управлять мнѣніемъ слабыхъ людей, и сіе самое погубило Короля прежде, нежели члены Собранія успѣли сами себя наказать отъ девяти десятаго.

Ночь 4 Августа. Впрочемъ сіе Собраніе, въ которомъ Старѣйшины двухъ первыхъ сословій не имѣли другаго порока, кромѣ слабости, показало истинную ревность къ отечеству и что оно достойно было содѣйствовать преобразованію монархіи. До сей минуты было всегда скрытное соперничество между тремя сословіями, не смотря на то, что они смѣшались въ мѣстѣ своихъ засѣданій. 4 Августа, во время вечерняго засѣданія, начавшагося въ 8 часовъ, сіе соперничество, происшекающее отъ доходовъ или почестей, по видимому, совершенно уничтожилось. Викомтъ Ноаль, изъ числа любимцевъ, предложилъ первыя пожертвованія. Онъ потребовалъ, чтобъ налоги несли равно всѣ вообще Французы; чтобъ платили пошлины за

права дворянскія, и первые удары нанесены были ленными владѣніями.

Сіе движеніе, подобно электрической силѣ, сообщилось каждому. Великодушныя дѣйствія быстро послѣдовали въ мысляхъ одно за другимъ. Одинъ Баронъ отказался отъ своего лена. Нѣсколько молодыхъ людей, что было еще труднѣе, отреклись отъ дворянства, ими купленнаго. Потомки древняго Французскаго рыцарства, содѣлавшись вдругъ гражданами, и славясь однимъ только симъ названіемъ, испросили уничтожить изключительныя права въ разсужденіи охоты, сей награды за военную службу храброму человѣку, не имѣвшему предковъ, и разрушить помѣщичьи расправы.

Духовенство, столько же великодушное, желало, чтобъ уничтожено было ненавистное право на *аннаты* (*); чтобы уничтожить множество доходныхъ мѣстъ, одному данныхъ, и (что доказываетъ распространеніе общественнаго духа въ семъ сословіи, которое, по видимому, весьма мало было способно къ принятію онаго) излишество монашеской свободы въ разсужденіи всего, что не заключало въ себѣ чистой Христіанской нравственности.

Самые Парламенты, до сего времени показывавшіе себя столь удаленными отъ духа своего вѣка, чрезъ своихъ членовъ, которые

(*) Аннатъ значитъ Папской зборъ или доходъ за посвященіе въ Епископы или Аббаты.

были повѣренными отъ народа, согласились на уничтоженіе наслѣдственныхъ должностей и (что всего противнѣе истиннымъ правиламъ судебнаго порядка) на продажу оныхъ.

Таковъ былъ плодъ сей достопамятной ночи, которую можно назвать *ночью пожертвованій*. Пяти часовъ изступленія довольно было для испроверженія положеній четырнадцати вѣковъ. Въ концѣ сего засѣданія Лудовикъ XVI, открывавшій путь къ сему превосходному пожертвованію, получилъ за то награжденіе; ему приписали торжественно названіе *возстановителя Французской свободы*.

Надобно замѣтить, что отъ ночи 4 Августа до 5 Октября, ночи ужасной и примѣчательной по пріуготовленіямъ къ цареубійству, протекутъ только два мѣсяца. Въ первое время Лудовикъ XVI представляется полубогомъ; во второе почитаютъ его достойнымъ смерти или эшафота. Отсюда можно извлечь ужасное политическое замѣчаніе въ разсужденіи всѣхъ преобразованныхъ системъ, изобрѣтаемыхъ людьми, кои не достойны преобразованія. Порывъ Франціи къ добродѣтельной независимости, находящейся въ сердцахъ всѣхъ добрыхъ людей, поелику не имѣлъ основанія, потому и остался безплоденъ. Будутъ называть себя свободными, и покушаться на всякую свободу; примутъ пожертвованія отъ двухъ первыхъ сословій въ государствѣ, и похи-

пятъ ихъ собственность; назовутъ Людовика XVI начальникомъ перемѣны, и лишатъ его короны. Когда же всѣ политическія злодѣянія будутъ истощены, народъ, увидѣвъ окрестъ себя однѣ только развалины, паки обратится къ первому своему правленію.

Крайнее оскудѣніе государственной казны.

Между тѣмъ государственная казна была въ крайнемъ оскудѣніи. Непостоянство правленія, усыпленіе государственной силы и раздоръ въ провинціяхъ уничтожили довѣренность и сократили обращеніе денегъ. Неккеръ прибѣгъ къ обыкновенному и нещастному средству: къ займамъ; но безъ успѣха. Первый заемъ на 30 милліоновъ, по истеченіи 20 дней, оказался недостаточнымъ двумя милліонами пятью стами тысячь ливровъ. Другой на 24 милліона, половина деньгами, а другая векселями, не болѣе соотвѣтствовалъ ожиданію министра, предложившаго оный, и Народнаго Собранія, на то согласившагося. Тогда прибѣгли къ способамъ, которые, представляя недостатокъ предполагаемаго количества денегъ, послужили только къ увеличенію онаго. Король отправилъ свою посуду на монетный дворъ, а нѣкоторые члены духовенства церковное серебро. Наконецъ опредѣлили добровольный сборъ для отечества. И когда всѣ сіи средства были истощены, приступили къ оцѣнкѣ недвижимаго имѣнія, что постепенно приводило монархію въ упадокъ, уравнивало собственности и умно-

жало банкротства. Съ 4 Августа до 25, Народное Собраніе производило свои засѣданія въ долговременныхъ и возмутительныхъ распряхъ о изъясненіи *правъ человѣка*, тогда какъ забывали свои должности, и объ основаніяхъ конституціи, не имѣющей единства, которая долженствовала изчезнуть въ самомъ началѣ, хотя начальники народной партіи и думали сдѣлать ее вѣчною.

Новыя возмущенія, произведенныя бунтовщиками

Между тѣмъ какъ въ Народномъ Собраніи разсуждали, мнимые друзья отечества дѣйствовали въ Пале-Ройяль. 30 Августа Предсѣдатель отъ сего патріотическаго общества получилъ одно письмо, въ которомъ увѣдомляли о томъ, что ежели согласятся съ Королемъ на самовластное постановленіе опредѣленій, то Аристократы изъ духовенства и дворянства, равно какъ и сто двадцать человѣкъ изъ мѣщанства, или непросвѣщенныхъ, или подкупленныхъ, подвергнутся мщенію патріотовъ, присовокупляя, что пятнадцать тысячь человѣкъ готовы наказать ихъ, сожечь ихъ домы и замки. Собраніе кончило свои разсужденія.

Сей славный споръ въ разсужденіи *правъ Короля* продолжался до 11 Сентября. Тогда было узаконеніе, что Король можетъ отказаться отъ утвержденія актовъ Законодательнаго Собранія; что сей отказъ будетъ только на опредѣленное время, и что сіе будетъ относиться только до двухъ законодательныхъ палатъ.

Какъ волненіе умовъ еще продолжалось, и начальники партіи, стѣсненные тѣнію государственной силы, по видимому, еще болѣе ожесточились; то благомыслящіе въ Собраніи воспользовались симъ минутнымъ случаемъ и хотѣли привязать народъ паки къ прежней монархіи. Тогда было опредѣлено: 1) Королевская особа неприкосновенна; 2) престолъ нераздѣлимъ; 3) Французская корона наслѣдственна для мужескаго пола и по порядку первородства.

Въ половинѣ Сентября, тайные враги монархіи, для испытанія неизвѣстнаго узаконенія, послали къ Королю главное опредѣленіе 4 Августа. Какъ предполагали, такъ и случилось: по причинѣ Махіавелизма, Король, обманываемый своимъ Совѣтомъ, представилъ, что совершенное равенство уничтожало монархію въ самомъ основаніи, и въ письмѣ своемъ весьма скромно потребовалъ, чтобъ ему дали время для приведенія въ совершенство ея соединенія и цѣлости. Тотъ духъ благоразумія, который долженствовалъ бы отвратить тучу, собиравшуюся въ Парижѣ, заставилъ ее грянуть.

Съ 14 Сентября предварены были въ Парижѣ, что замыслили перевесть въ сію столицу Народное Собраніе и принудить Государя къ утвержденію всѣхъ народныхъ законовъ. Знали даже, что для исполненія сего замысла назначена ночь 5 Октября, и не нашли другаго средства для разрушенія сего заговора, какъ вызвать полкъ

изъ Фландріи въ Версалію, дабы оный служилъ защитою Королевской фамиліи и охраненіемъ монархіи.

Нещастная ночь 5 Октяб. ря.

Сей вызовъ Фландрскаго полка сдѣланъ былъ подъ предлогомъ, дабы бунтующей сторонѣ имѣть аманатомъ *возстановителя Французской свободы.* 1 Числа Октября данъ былъ столъ лейб-гвардіею Офицерамъ какъ сего полка, такъ и народной Версальской милиціи. Число угощаемыхъ простиралось до 240 человѣкъ. Король позволилъ дѣлать сіе торжество въ театральной залѣ замка. Къ закускѣ пришелъ Король съ Королевою и съ Дофиномъ. Тогда показали благоговѣніе къ потомку 63 Королей съ нѣкоторымъ упоеніемъ, и музыка заиграла славную арію *Ричарда Львиное Сердце,* изображающую оставленіе того Монарха, который столь много сдѣлалъ для своихъ подданныхъ и который столько жаловался на ихъ неблагодарность. Вотъ точныя произшествія во время сего достопамятнаго празднества: все, что современная клевета присовокупила къ онымъ, недостойно быть помѣщено въ Исторіи.

Протекли три дня отъ сего Лейб-гвардейскаго праздника до кровопролитнаго пиршества, сдѣланнаго для заглажденія онаго. Въ сей промежутокъ въ Парижѣ пустили ругательныя сочиненія; весьма дорого купили грозную стапую, изображавшую голодъ, и поручили государство людямъ изъ Пале-Ройяль, кровожаднымъ и развращеннымъ.

По утру 5 Октября вдругъ выбѣжали изъ своихъ вертеповъ начальники партіи съ толпою подлыхъ женщинъ, подъ управленіемъ Санкюлотовъ, которые съ ругательствомъ разлились по улицамъ столицы. Трудно найти зрѣлище противнѣе сего: тогда злодѣяніе соединялось съ безславіемъ; первый ихъ подвигъ состоялъ во взятіи беззащитной Ратуши, которая и отдана была на расхищеніе.

Главноначальствующій Парижскими войсками Маркизъ Файетъ явился въ сіе время съ нѣсколькими баталіонами для возстановленія порядка, и ужасное войско приказало ему повелительнымъ образомъ вести его въ Версалію, если не хочетъ потерпѣть наказанія. Въ сіе время въ Парижѣ ударили въ набатъ и били походъ во всѣ барабаны для собранія всѣхъ заводчиковъ революціи. Совѣтъ Народный отступилъ отъ своихъ правилъ и подписалъ приказаніе Генералу итти съ своимъ малымъ войскомъ въ Варсалію.

Фаланга сихъ безчестныхъ женщинъ, прибывшая въ Версалію въ три часа по полудни, хотѣла вся вообще вступить въ палату Народнаго Собранія, угрожая, въ случаѣ сопротивленія, збить стражу. Вороша отворились для пятнадцати изъ нихъ, у коихъ былъ толмачемъ патріотъ Маліардъ. Онъ откровенно сказалъ, что они хотятъ вызвать Короля въ Парижъ для смотрѣнія за своими гражданами и имѣютъ важныя

средства къ тому принудить. Тогда добрые люди, желая спасти честь короны и защитить жизнь столь достойнаго Государя, предложили Собранію итти всемъ обществомъ въ замокъ для прекращенія великаго злодѣянія; но Мирабо съ дерзостію отвергнулъ сіе предложеніе, сказавъ, что перехожденіе на другое мѣсто несообразно съ достоинствомъ Французскаго народа. Предсѣдатель Муніеръ, не имѣвшій сообщенія съ главными соумышленниками, съ прискорбіемъ, изображающимъ величіе, отправился съ посольствомъ, состоящимъ изъ 15 членовъ, къ которымъ присоединилось 12 героинь народной шайки для переговоровъ о здачѣ Короля, не смотря на собственное чувство и безславіе монархіи.

Лудовикъ XVI имѣлъ еще время удалиться со своимъ домомъ. Гвардія ожидала его у рѣшетки оранжереи; но робкіе придворные, ужасающіеся собственной опасности, ставъ на колѣни, заклинали его не оставлять ихъ. Генералъ Файетъ сказалъ Королю, что онъ ручается за все своею головою; и Лудовикъ, увлекаемый рокомъ, остался въ Версаліи.

Съ другой стороны сей Государь, которому кровь своихъ подданныхъ была дороже собственной жизни, запрешилъ лейб-гвардіи стрѣлять по нападающимъ. Разбойники, узнавъ о семъ геройскомъ поступкѣ, усугубили свою дерзость: они постарались усилить эскадроны, отшибли руку у хра-

браго Савонніера и направили противъ сего великодушнаго войска три пушки, заряженныя картечами. Непоколебимое постоянство гвардіи разстроило наконецъ начальниковъ бунта, и мало по малу войска разошлись.

Въ четыре часа утра Народное Собраніе, почитая, по словамъ начальниковъ партіи, все успокоеннымъ, окончило свое засѣданіе; но враги престола, оставшись съ шайкою цареубійцъ въ залѣ послѣ отправленія своихъ товарищей, и между прочими Петіонъ, Варнава и Мирабо, подали великое подозрѣніе въ своемъ злоумышленіи.

Къ ночи открылись злодѣянія: въ пять часовъ съ половиною бунтовщики нападаютъ снова на лейб-гвардію, для сокрушенія послѣдней преграды, защищающей Короля отъ убійцъ; убили двухъ человѣкъ. Предводитель бунтовщиковъ представлялъ родъ Антропофага, одѣтаго подобно островитянамъ Новой Зеландіи, имѣющаго всю ихъ жестокость. Онъ приказалъ стащить бію-щіеся трупы своихъ нещастныхъ жертвъ подъ окна королевскихъ покоевъ и жалуясь съ горестію, что для того только заставили его притти въ Версалію, чтобъ срубить двѣ головы.

Сіе ненаказанное торжество послужило поводомъ къ величайшимъ ужасамъ. Убійцы гвардіи, приставивъ лѣстницы къ замку, влѣзли по онымъ съ шумомъ, убили караульныхъ и потребовали съ дикими воплями головы Королевы. Уже двери къ покоямъ, гдѣ она

спала, были выломлены, какъ одинъ неустрашимый гвардейскій солдатъ, безсмертный Варекуртъ, отдалъ себя на жертву. Онъ, по добродѣтели своей, не смотря на запрещеніе защищаться, вооружился саблею противъ нападающихъ и отражалъ ихъ съ неустрашимостію до послѣдняго издыханія. Между тѣмъ Марія Антоанетта успѣла скрыться отъ убійцъ. Она бросилась съ постели полунагая и убѣжала чрезъ коридоръ въ покои Короля, котораго наставили ежели не царствовать, по крайней мѣрѣ умереть.

Когда гнусная шайка бунтовщиковъ обозрѣла оставленное жилище Королевы; когда начальники оной, открывъ окровавленными своими пиками священное ложе, на которомъ родился чаемый наслѣдникъ короны, увѣрились, что жертва отъ нихъ скрылась: то устремились въ покои Лудовика XVI, безъ сомнѣнія для того, чтобъ поразить однимъ ударомъ Монарха и монархію. Здѣсь Ангелъ разрушенія, казалось, на минуту остановился, и сіе надобно приписать мужеству Маркиза Файета.

Сей Генералъ, занятый мечтою о законномъ возрожденіи мятежей, безпечно предался сну въ то время, когда пламень возмущенія крылся еще подъ пепломъ. Онъ при первомъ шумѣ втораго нападенія на замокъ бросился на плацъ-парадъ. Тамъ онъ открываетъ грудь свою начальникамъ Парижской милиціи, и взывая именемъ Французскаго великодушія къ старымъ гренаде-

рамъ гвардейскаго полка, находящимся въ оной, предлагаетъ имъ или умертвить своего Генерала, или исторгнуть Королевскій домъ отъ убійцъ. Сей великодушный поступокъ вдругъ произвелъ при сіи героевъ. Они освобождаютъ 15 лейбъ-гвардейцевъ, заключенныхъ за рѣшетки и приготовляемыхъ на казнь; и мало по малу, при ихъ неустрашимости, всѣ посты замка, кои могли прикрывать начальниковъ народа, заняты были *честію* (слово сіе во Франціи принимается за одно съ словомъ *мужество*.)

Въ сіе время Министры, видя Лудовика XVI въ опасности, пришли въ кабинетъ Короля, куда собралась вся фамилія нещастнаго. Большая часть сохраняли угрюмое молчаніе. Неккеръ, удалившись въ уголъ сего покоя, и закрывъ руками лице свое, забылъ прежнюю свою силу. Одинъ Луцернъ, Министръ морскихъ силъ, показалъ себя достойнымъ мѣста своего.

Королева, по своимъ великимъ качествамъ, презирающая всѣ опасности, приближилась къ окну, и пуля изъ ружья просвистѣла на нѣсколько дюймовъ отъ стекола. Неустрашимый министръ подскочилъ къ окошку и сталъ между Государынею и смертію. Сей поступокъ замѣтила Королева; она посмотрѣвъ на него съ нѣжностію, приказала удалиться, примолвивъ, что Король имѣетъ нужду въ жизни столь вѣрнаго служителя.

Когда опасность миновалась и совершенно увѣрились въ спасеніи Королевскаго дома, то покусились исторгнуть изъ рукъ шайки бѣшеныхъ женщинъ нѣкоторыхъ гвардейцевъ, которыхъ онѣ, схвативъ, тащили за волосы подъ окна замка, гдѣ безъ сомнѣнія ихъ умертвили бы, ибо національная гвардія не оказала должнаго сопротивленія. Можетъ быть остатки стыда не позволили совершить сего злодѣянія въ глазахъ Короля, который изъ своихъ покоевъ смотрѣлъ на сіе позорище, и выскочивъ на балконъ, униженно, такъ сказать, просилъ у Фурій милости для нещастныхъ.

Не смотря на то, явилась тишина, столь желаемая для всѣхъ тѣхъ, кои противъ воли уѣхавъ изъ Парижа въ Версалію, находились въ совершенномъ невѣденіи о вѣроломныхъ намѣреніяхъ бунтовщиковъ. Тогда національный характеръ возблисталъ во всей чистотѣ; Парижскіе солдаты примирились съ Королевскою гвардіею; и тѣ и другіе покорились Королю. Съ сей минуты единогласно и отъ сердца слова *да здравствуетъ Король!* были повторяемы. Съ восклицаніями приняли Монарха и его супругу, и радость показалась на всѣхъ лицахъ.

Среди сего шумнаго и безпорядочнаго позорища услышали слова сіи: *Король въ Парижѣ.* Сего желали всѣ вообще Французы; почему съ нѣкоторымъ энтузіазмомъ и повторены онѣ были нѣсколько разъ. Король видя, что народъ при вступленіи его въ сей

добрый городъ (какъ называлъ его) принимаетъ его съ удовольствіемъ, объявилъ, что не иначе поѣдетъ въ Парижъ, какъ съ своею супругою и дѣтьми. Тогда всѣ предались восторгамъ. Офицеры, солдаты, Королевская и національная гвардія и всѣ граждане восхищались, поздравляли другъ друга и цѣловались. Королевская гвардія перемѣнила кокарду, сбросила свои перевязи національнымъ гвардейцамъ, а сіи приняли ихъ; перемѣнили шляпы и шпаги, и довѣренность возродилась. Вопреки увѣренію, ничто лучше сего не доказываетъ, что не національные Парижскіе гвардейцы такимъ образомъ хотѣли поступить съ Королевскою гвардіею, и что оная обманулась въ насильственномъ народномъ презрѣніи, въ которомъ однако же такъ называемая *здравая часть* народа нисколько не участвовала. Впрочемъ сіе нещастное приключеніе произвело множество догадокъ, болѣе или менѣе правдоподобныхъ, хотя и не могли узнать въ точности истиной причины онаго, а и того менѣе виновниковъ. Правда, сей неожиданный переворотъ приписывали тогда Графу Мирабо и Герцогу Орлеанскому. Путешествіе сего послѣдняго въ Англію, путешествіе, которое почитали нѣкою ссылкою, долженствовало подать поводъ къ подозрѣніямъ въ разсужденіи его; но по справедливости въ разсужденіи сего были одни только догадки.

Нѣкоторые можетъ быть справедливѣе думали, что сей родъ заговора имѣлъ цѣлію

устрашить Короля и представленіемъ опасностей какъ ему, такъ Королевскому дому, отдашься въ руки тѣхъ, коихъ выгоды были противны новому порядку вещей, долженствующему, по видимому, возстановиться. Люди сіи до сего времени жили одними злоупотребленіями: почему съ горестію видѣли, что разрушается источникъ безпорядковъ, для нихъ полезныхъ, и чтобъ утвердить оные, намѣревались увезти Королевскую фамилію въ отдаленное мѣсто отъ Версаліи и Парижа, и объявить наконецъ отъ своего имени войну народу. Извѣстно, что въ сіе время партіи не были столь свирѣпы, каковы сдѣлались послѣ; что Парижемъ мятежники еще не овладѣли, и не было дано знака къ составленію злоумышленія.

Каковы ни были сіи догадки, однако Народное Собраніе, узнавъ о всѣхъ опасностяхъ, которымъ подвергался Король, и о его намѣреніи, опредѣлила, чтобы сто человѣкъ депутатовъ изъ его членовъ проводили Лудовика въ Парижъ и служили бы ему защитою. Мирабо внесъ имя свое въ сей списокъ; но Предсѣдатель Муніеръ изключилъ оное. Мирабо, изумившись, сказалъ, что онъ для того только домогается сей чести, чтобъ въ случаѣ возмущенія успокоить народъ. „Кто можетъ, отвѣчалъ Муніеръ, удобно „укротить народное бѣшенство, тотъ легко „можетъ и взбунтовать народъ“.

Лудовикъ XVI отправился изъ Версаліи, въ сопровожденіи ста членовъ Народнаго Собранія и съ большею частію гражданъ, которые находились еще въ Версаліи въ то время, какъ онъ выѣхалъ изъ замка. Парижское войско пошло маршемъ и охраняло карету, въ которой находилась Королевская фамилія.

Въ нѣкоторомъ разстояніи увидѣли пробирающійся чрезъ узкой проходъ полкъ женщинъ, которыя недавно приступили къ осадѣ замка, и которыя надѣялись, что присутствіе Короля въ столицѣ уничтожитъ недостатокъ въ припасахъ, произведенный для вида врагами государства. Нѣкоторыя изъ нихъ сидѣли на лафетахъ. Не въ дальнемъ разстояніи отъ нихъ шли Офицеры, у которыхъ Лудовикъ XVI купилъ милость съ безчестіемъ своей короны. Среди сихъ шаекъ, состоящихъ изъ бунтовщиковъ и тюремщиковъ, два палача съ голыми окровавленными руками несли на копьяхъ головы двухъ гвардейцевъ, кои, стоя на часахъ, вмѣсто защищенія, умертвили себя со славою. Небольшой промежутокъ находился между ними и ста членами Народнаго Собранія, изъ коихъ нѣкоторые начальники партіи, составлявшіе часть оныхъ, нагло поносили добрыхъ людей за обѣявшій ихъ ужасъ.

Меръ Бальи пріѣхалъ на заставу для принятія Короля. Сердце сего добраго человѣка обливалось кровію, когда велѣно было ему

помѣстишь въ рѣчи своей слова сіи: *прекрасный день*, для изображенія удовольствія Парижанъ при пріятіи Государя. Вотъ жестокая насмѣшка, называть такимъ образомъ тотъ день, въ который Монархъ, исторгнутый изъ своего дворца бунтовщиками, пріѣхалъ для утвержденія своего плѣна въ столицу, предшествуемый головами своихъ тѣлохранителей, обагренными кровію, между тѣмъ какъ самаго его влекли убійцы въ королевскую темницу.

Король, пришедшій въ Ратушу, поговорилъ со всѣми весело, и отправился въ плѣнъ, въ Тюльерійскій дворецъ. Онъ кончилъ сіе унизительное позорище вызовомъ Народнаго Собранія въ столицу, содѣлавшуюся тогда вертепомъ всѣхъ злодѣяній и источникомъ всѣхъ возмущеній.

Уголовной судъ надъ главными бунтовщиками 5 и 6 Октября.

Между тѣмъ всеобщее мнѣніе сильнѣе, нежели революціонные журналы и вопли начальниковъ партіи, требовало мщенія за злодѣйства 5 и 6 Октября. Суду Шателета поручено было произвесть слѣдствіе. Его приговоръ, и до нынѣ существующій, основанный на самыхъ достовѣрныхъ доказательствахъ, свидѣтельствуетъ всему свѣту, что честь Французская во всей силѣ существовала въ градоначальникахъ.

Судьи обратили первые взоры на Герцога Орлеанскаго, который былъ тайною пружиною всѣхъ мятежническихъ движеній. Генералъ Файетъ, почитая неприличнымъ въ столь щекотливыхъ обстоятельствахъ по-

губить важнаго человѣка, предложилъ Людовику XVI удалить Герцога изъ государства. Государь согласился на мнѣніе его; Герцогу дали нѣкоторое тайное препорученіе, и онъ отправился въ Англію для сокрытія своего поношенія.

Сей судъ былъ весьма продолжителенъ; потому что сильные люди, участвовавшіе въ злоумышленіи, старались всѣми способами затмить истину. 1 Декабря Оберъ-Прокуроръ Народнаго Суда, по опредѣленію Слѣдственнаго Комитета, объявилъ судебнымъ порядкомъ о семъ великомъ злодѣяніи, однако онъ упомянулъ только о утрѣ 6 Октября, думая, что общественный порядокъ не потерпѣлъ ни мало вреда отъ буйнаго собранія женщинъ и ихъ ненаказанной дерзости ночью 5 Октября.

Наконецъ 7 Августа слѣдующаго года посланные отъ Шателета объявили о окончаніи уголовнаго суда Народному Собранію. „Мы пришли, сказалъ посланный, снять „завѣсу, скрывающую злодѣйства, къ нещастію, слишкомъ явныя. Сіи ужасныя „тайны скоро должны быть извѣстны. . . . „Вы скажете намъ, законодатели, какія „злодѣйства должны поражать законы; ка„кихъ виновниковъ должно наказывать „ Сіе строгое вступленіе не понравилось мятежникамъ, управлявшимъ Членами Собранія. Они еще болѣе взволновались, когда объявили, что два изъ великихъ преступниковъ находятся въ самомъ Собраніи. Впро-

чемъ всеобщее мнѣніе было, чтобъ въ другое засѣданіе разсмотрѣть донесеніе Шателета и позвать на судъ тѣхъ членовъ Народнаго Собранія, кои прикрывали себя своею неприкосновенностію.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда начальники партіи возмнили, что чувства народа охладѣли къ бѣдствіямъ Короля, депутатъ Шабрудъ прочиталъ Собранію защищеніе Герцога Орлеанскаго, одного изъ двухъ повѣренныхъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ у Шателета. Симъ защищеніемъ, исполненнымъ лжи и хитросплѣтеній, занимались по два засѣданія, иОраторъ заключилъ, что 1) обвинять за поступки 5 Октября значитъ винить революцію; 2) должно освободить отъ всякаго обвиненія Герцога Орлеанскаго и Мирабо. По сему Собраніе опредѣлило: оставить безъ дальняго разсмотрѣнія донесеніе Шателета. Во время судопроизводства случилось одно произшествіе, которое величайшую честь приноситъ великодушію Королевы. Когда Слѣдственный Комитетъ отправилъ посольство къ сей Государынѣ для освѣдомленія о ненаказанныхъ злодѣйствахъ 6 Октября, она сказала: «я «совсѣмъ не умѣю доносить на подданныхъ «Короля; я все видѣла, все знала, и все за«была.»

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Исторія Народнаго Собранія съ перенесенія онаго въ Парижъ до казни Фавра.

По перемѣщеніи Короля и Собранія въ Парижъ, происшествія происходили съ ужасною скоростію одни за другими. Все доказывало умножающіяся насилія повѣренныхъ народа противу Монаршей власти. Бунтовщики сперва сдѣлали подозрительною для третьяго сословія глубокую преданность къ Монарху тѣлохранителей; и Государь, чтобъ не увеличить тяжести своихъ оковъ, принужденъ былъ согласиться, дабы внутри дворца исправляла должность національная гвардія. Посягания Конституціоннаго собранія на корону.

Когда усмотрѣли, что власть, называемая исполнительною, была не въ состояніи защищаться, представили ее виновницею тѣхъ возмущеній, которыхъ она была первою жертвою. Канцлеру велѣно было явиться въ Народное Собраніе съ отчетомъ о своемъ поведеніи, и опредѣлено, дабы министры пришли для изъясненія своихъ поступій въ разсужденіи продовольствія государства, а особливо столицы. Постоянное молчаніе Государя навлекло другія бѣдствія, столько же вредныя для Королевства.

Духовенство во всякое время показывало себя защитникомъ престола, коль скоро престолъ не былъ въ распрѣ съ олтаремъ. Для испроверженія сей главной подпоры

государства начали принимать мѣры и объявили, что имущество духовенства состоитъ во власти народа. Сей первоначальный шагъ сперва послужилъ къ похищенію у онаго собственности, а потомъ доставилъ средство предать священство всѣмъ ужасамъ дня С. Варѳоломея. Сей жестокій ударъ, нанесенный Французскому духовенству, подалъ поводъ къ другому противъ Парламентовъ. Сіи древніе хранители законовъ съ негодованіемъ взирали на все, что мятежники ни замышляли тайно для распространенія системы безначалія. Страшились ихъ сопротивленія. Александръ Лометъ предложилъ погребсти ихъ всѣхъ живыхъ, то есть, лишить ихъ должностей до новаго возстановленія судейской власти. Опредѣленіе вышло 3 Ноября, и нѣсколько строкъ достаточно было къ уничтоженію Парламентовъ, сего оплота древней монархіи.

Возмущеніе въ Тулонѣ.

Всѣ сіи возмутительныя мѣры, принятыя заговорщиками въ столицѣ, не столь легко принимаемы были въ провинціяхъ. Вездѣ являлись возмущенія. Лангедокъ, Бретань и Провансъ были жертвою смятеній, ведущихъ къ междоусобной войнѣ. Возмущеніе, вспыхнувшее въ Тулонской пристани, подало нещастнѣйшія предзнаменованія; потому что оно составлено было Парижскими бунтовщиками. Когда тамошній начальникъ Графъ Альбертъ Ріомсъ объявилъ, что онъ не можетъ служить вдругъ и въ при-

стани и въ Національной гвардіи, то и вспыхнуло возмущеніе. Чиновники арсенала, угрожаемые бунтовщиками, объявили военный законъ, постановленный не давно Народнымъ Собраніемъ. Гражданство не повиновалось. Смятеніе усилилось: домъ Коменданта былъ взятъ, и его самаго потащили съ главными чиновниками въ судъ среди крика и ругательствъ черни. Спустя нѣсколько времени, указомъ Короля, за подписаніемъ Сен-Пріеста, велѣно было въ Тулонѣ освободить Графа Альберта и прочихъ морскихъ чиновниковъ, которые, оставивъ службу, отправились въ Марсель.

Отставка Неккера.

Съ того времени, какъ Неккеръ вступилъ торжественно въ министерскую должность, потерялъ свою славу. Онъ, колеблясь въ своихъ планахъ и приставая то къ Государю, котораго онъ любилъ, то къ бунтовщикамъ, коихъ правила одобрялъ, не участвуя въ ихъ злодѣяніяхъ, не сдѣлалъ въ управленіи ни одного шага, который бы не показывалъ его ошибки или слабости. Онъ назначилъ доходы съ недвижимаго имѣнія; отъ чего казна совершенно истощилась и произошло пагубное банкротство. Наконецъ сложивъ съ себя тайно ту власть, которой не могъ иначе удержать, какъ посредствомъ Махіавелизма Мазаринова, или жестокаго, но сильнаго самовластія Ришелье.

Казнь Фавра.

Послѣднее достопамятное произшествіе сего 1789 года есть небольшой и худо обдуманной планъ спасти Короля противъ

воли его. Сей планъ, по причинѣ слабыхъ средствъ, кончился погибелью одного изъ виновниковъ онаго, то есть, Маркиза Фавра. Ежели вѣрить слѣдственному Комитету, то цѣль сего знаменитаго заговора была та, чтобъ ввести въ Парижъ вооруженныхъ Ройялистовъ, похитить государственную печать и заставить Лудовика XVI искать убѣжища въ Перонѣ, доколѣ вѣрное дворянство, собравшись подъ его знамена, не освободитъ короны отъ зависимости Народнаго Собранія.

Какъ бы то ни было, Фаврь взятъ былъ подъ стражу. Братъ Короля, подозрѣваемый съ нимъ въ согласіи, нашелся принужденнымъ оправдаться предъ третьимъ сословіемъ. Между свидѣтелями, возставшими противъ сего нещастнаго, кои были орудіями господствующей стороны, Морель болѣе всѣхъ, кажется, рѣшилъ мнѣніе судей. Сей Морель показалъ, что онъ участвовалъ въ намѣреніи заговорщиковъ убить Неккера, Файета и Бальи, и что ему самому поручено было взять подъ стражу и умертвить Файета. Шателетскій судъ, показывавшій себя столь великимъ въ дѣлѣ 5 Октября, унизился въ семъ случаѣ, потому ли, что онъ почиталъ себя невольникомъ судебнаго порядка, или уже страшился воплей черни, которая требовала и виновнаго и судей къ оправданію. Оный осудилъ на смерть Фавра. Фаврь, гордясь своею невинностію, сохраненною до послѣдней мину-

шы, погибъ мужественный Римлянинъ. Чтобъ сдѣлать казнь свою почтенною, ему стоило, можетъ быть, признаться только откровенно, что замышлялъ возвратить Королю самодержавную власть безъ кровопролитія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ (*).

Кратков обозрѣніе произшествій съ начала 1790 года до праздника Федерации 14 Іюля.

1790. Засѣданіе 4 Февраля. Соединеніе двухъ властей

Сей 1790 годъ начался щастливыми предзнаменованіями. Лудовикъ XVI, узнавъ изъ произшедшихъ обстоятельствъ, что его корона виситъ уже на волоскѣ, рѣшился добровольно итти и предложить побѣдителямъ миръ, со всѣми пожертвованіями. 4 Февраля Государь сей явился съ своими министрами въ залѣ Собранія, не для того, чтобъ жаловаться на оскорбленія, причиненныя ему 6 Октября, не для того, чтобъ возстать противу договора, исторгнутаго изъ его рукъ начальниками партіи, но чтобъ примиреніемъ всѣхъ сторонъ доставить благоденствіе подданнымъ и учинить всеобщую перемѣну. Вотъ содержаніе рѣчи, произне-

(*) Надобно признаться, что Шателетъ скоро возвратился къ прежнимъ своимъ правиламъ, примирился со всеобщимъ мнѣніемъ, оправдавъ отъ всѣхъ доносовъ людей, назначенныхъ къ изгнанію ненавистнымъ Слѣдственнымъ Комитетомъ, какъ-то: хранителя печати Барентена, Маршала Брогли, и роялистовъ Беценваля, Пюйзегюра и Отишама.

сенной имъ и увѣнчанной отъ всѣхъ похвалами.

„Я предохранялъ моихъ подданныхъ отъ „собственныхъ ихъ раздоровъ; соблюдалъ „миръ съ Европейскими державами. Теперь „наступила минута принять мнѣ большее „участіе въ вашихъ трудахъ. Вы раздѣлені„емъ провинцій на великое число департа„ментовъ, равныхъ по своему пространству, „возстановили всеобщую и полную систему „равновѣсія. Для усовершенствованія сей ве„ликой мысли я употреблю всю власть мою. „Что касается до блага, происшекающаго „отъ перемѣны законовъ, оно еще неизвѣ„стно, доколѣ будетъ одно разрушеніе безъ „возстановленія; доколѣ не воцарится совер„шеннѣйшее согласіе между престоломъ и „собраніемъ законодателей. И такъ я на„дѣюсь на вашу приверженность къ госу„дарству, что вы въ продолженіи трудовъ „своихъ ничего другаго не будете имѣть „въ виду, кромѣ блага; истребите сѣмена „нашихъ раздоровъ, будете споспѣшество„вать общественной свободѣ, упрощать без„покойства толикаго числа гражданъ, ищу„щихъ внѣ своего отечества страны го„степріимнѣйшей, не будете поражать из„гнаніемъ служителей олтаря, бдящихъ о „благоустройствѣ и нравственности, и уни„чтожать въ дворянствѣ преемство правъ „и памятниковъ, сего прекраснѣйшаго на„слѣдства, какое только можно предать „своему потомству. Что касается до меня,

»я буду сохранять Конституціонную сво-
»боду; предуготовлю сердце сына моего къ
»новому порядку вещей; пріучу его быть
»щастливымъ по причинѣ благоденствія
»Франціи. Да будетъ день сей, въ который
»Монархъ вашъ соединяется съ вами откро-
»венно и чистосердечно, достопамятною
»эпохою въ исторіи сей Имперіи. Пусть
»удалявшіеся отъ него до сего времяни
»по причинѣ духа раздора, содѣлавшагося
»столь необходимымъ, простятъ мнѣ во
»всѣхъ оскорбленіяхъ; я заплачу имъ за то
»моею любовію и признательностію.«

Сія рѣчь была принята съ рукоплесканіями, простиравшимися до безумія. Едва Лудовикъ XVI вышелъ изъ залы, какъ опредѣлено было учинить присягу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *Клянусь быть вѣрнымъ народу, закону и Королю; соблюдать всевозможно конституцію, учиненную Народнымъ Собраніемъ и принятую Королемъ.*

Къ нещастію, изъ сего достопамятнаго засѣданія никакой не извлекли пользы, потому что Король не хотѣлъ обратить вниманія на истинныя раны государства; назначить уничтоженія клубовъ, уже желавшихъ, по видимому, управлять дѣлами повѣренныхъ; возвратить свободу книгопечатанія на такихъ правилахъ, коихъ ни мало не стѣсняя оной, недопустили обратиться въ своеволіе; наконецъ возстановить въ строевыхъ войскахъ порядокъ, безъ котораго они опасны для тишины государ-

ства. Ежели бы Народное Собраніе было согласно въ своихъ видахъ и поведеніи, то бы оно безъ труда возстановило въ государствѣ порядокъ и тишину; но въ немъ были двѣ стороны, кои непрестанно сражаясь между собою, по необходимости нарушали общественное благо.

Въ сіе время Собраніе для прекращенія смятеній, непрестанно возникающихъ, издало законъ, клонящійся къ укрощенію бунтовъ. Но законъ сей былъ пустой и подавалъ тысячу средствъ избѣгнуть отвѣтственности. Можно было думать, что Народное Собраніе, угрожаемое всегда разрушеніемъ отъ враговъ новаго порядка вещей, не смѣло вдругъ поступить строго съ тою частію народа, которой оно одолжено своимъ сохраненіемъ во время переворота, и опасалось, дабы за утѣсненіе они не оставили его въ подобныхъ обстоятельствахъ. Безъ сомнѣнія, сія слабость, подавшая поводъ къ непрестаннымъ возмущеніямъ, была причиною того бѣдствія, что виновники оныхъ, для прикрытія видомъ справедливости, назвали ихъ вооруженіями за свободу (insurrections.) Но самое свойство вещей, кажется, непрестанно усугубляло число недовольныхъ, и слѣдовательно надлежало страшиться величайшаго множества непріятелей. Чтобы отвратить бѣдствія, причинившія революцію, трудно было соблюсти выгоды тѣхъ и другихъ. Такимъ образомъ, когда для уменьшенія госу-

дарственныхъ долговъ Народное Собраніе назначило въ продажу церковныя и коронныя имущества, цѣною до четырехъ сотъ милліоновъ; то не разсуждали о употребленіи, а видѣли въ семъ случаѣ одно только похищеніе владѣній у духовенства. Не смотря на то, за сіе гораздо менѣе порицали, нежели за уничтоженіе Индѣйскаго торговаго общества, и за опредѣленіе, что торговля была свободна для Французскаго флага по мысъ Доброй Надежды. Сіе опредѣленіе, безразсудное и злонамѣренное, подорвало Французскія колоніи.

Главное положеніе дворянства осталось еще предметомъ попеченій Лудовика XVI, какъ скоро онъ примирилъ выгоды престола съ неправильнымъ присвоеніемъ правъ Народнаго Собранія. Сіе Собраніе, раскаявшись въ минутной справедливости, тотчасъ обратилось къ прежнимъ поступкамъ и начало гнать дворянство. Оно воспользовалось *Красною книгою*, которую выпросило у Министра Неккера, увѣряя чрезъ посредство Камуса, что не обнародуетъ оной; но увидя, что оная была опасна для Короля, поспѣшило напечатать и разпустить ее. Отсюда произошло, что почли за грабительство и государственныя издержки, и необходимыя по нуждамъ королевства пособія, даваемыя нещастнымъ, и пенсіи, жалованныя военнымъ людямъ, оказавшимъ отличныя услуги отечеству, хотя они жили при дворѣ и по революціонной системѣ на-

Красная книга.

ходились въ милости; имъ уменьшили пенсіи, а наконецъ и совсѣмъ оныя уничтожили. Между тѣмъ наступилъ мѣсяцъ Май, срокъ для уничтоженія узаконеній большаго числа депутатовъ. Мирабо, имѣвшій нужду въ сихъ повѣренныхъ, коими онъ краснорѣчіемъ своимъ управлялъ по произволенію, потребовалъ, чтобъ срокъ былъ отложенъ, безъ всякаго сношенія съ избирательными обществами, отъ которыхъ зависѣли ихъ должности. Когда спросили у него, по какому праву онъ поступилъ противъ Народнаго правительства; то, подражая славной въ древности клятвѣ, поклялся, что старается о спасеніи республики.

Опредѣніе о правѣ объявлять войну и заключать миръ.

Около того же времени Король отнесся Собранію о наступающемъ разрывѣ между Франціею и Испаніею. Члены Совѣта въ отвѣтъ на таковую довѣренность начали изслѣдывать метафизическое начало: »народъ, имѣющій верховную власть, долженъ »ли поручать Королю право объявлять »войну и заключать миръ?« Главные начальники партіи, какъ то оба Ломени и Селлери, держали противную сторону и своими хитросплетеніями увлекали большую часть членовъ; но Мирабо, отдалившись на минуту отъ толпы простонародныхъ ораторовъ, далъ своимъ плѣнительнымъ краснорѣчіемъ всѣмъ злонамѣреннымъ мнѣніямъ новое направленіе. Онъ потребовалъ опредѣленія, по которому бы Король могъ объявлять войну, или заключать миръ, но съ

тѣмъ, чтобъ война не была продолжительна, а миръ заключался бы съ согласія Законодательнаго Собранія. Въ первый разъ еще сей народный ораторъ поступилъ сообразно съ правилами, и народъ мгновенно испровергъ своего идола. Имя его поносили какъ имя подлаго злоумышленника. »Мнѣ »не нужно сіе великое наставленіе, сказалъ онъ съ каѳедры: я знаю безъ него, что »не велико разстояніе отъ Капитоліи до »горы Тарпейской.« Впрочемъ его совѣтъ, поддерживаемый Файетомъ, одобренъ былъ большинствомъ голосовъ: правда, исправили его, объявивъ, какъ Конституціонный законъ, что право мира и войны принадлежало народу. Сей народъ по 4 члену отказался отъ всякаго права на завоеваніе.

Между тѣмъ, не смотря на примиреніе двухъ властей 4 Октября, не смотря на законъ противу возмущеній, раздоръ въ Маіѣ мѣсяцѣ потрясалъ всѣ провинціи. Въ Марселѣ національная гвардія умертвила Плацъ-Маіора кавалера Боссета, какъ аристократа. Взбунтовавшаяся чернь также поступила въ Валансѣ съ Виконтомъ Боазень за то, что онъ посадилъ въ тюрьму одного солдата бунтовщика. Въ Монтобанѣ народное возмущеніе открылось съ фанатизмомъ междоусобной войны между Католиками и Протестантами. Народъ въ Парижѣ признался себя виновнымъ и повѣсилъ зачинщиковъ. Слабый Монархъ, какъ глава исполнительной власти, не смѣлъ иначе отвра-

Возмущеніе въ Парижѣ между депутатами.

щать сихъ насилій, какъ посредствомъ повелѣнія, даннаго всѣмъ своимъ подданнымъ, выставить національную кокарду.

Въ государствѣ, разстроенномъ насиліемъ, по необходимости успѣхи сего послѣдняго должны причинять непрестанно новыя несчастія. Два противные народной сторонѣ депутаты, Графъ Лотрекъ и Викомтъ Мирабо, находились въ отсутствіи. Первый, не смотря на неприкосновенность свою, былъ въ Тулузѣ взятъ подъ стражу, какъ виновникъ антигражданскихъ возмущеній противъ Федераціи. Второй, Полковникъ Туренскаго полка, находившагося тогда въ Перпиньянскомъ гарнизонѣ, хотѣлъ истребить въ немъ духъ неподчиненности и возмущенія; но, не смотря на все свое мужество, былъ оскорбленъ возмутившимися солдатами, и будучи принужденъ, для избѣжанія кровопролитія, возвратиться въ Парижъ, увезъ съ собою знамена сего полка. Тотчасъ послали за нимъ погоню, и онъ былъ задержанъ въ Кастельнодари. Народное Собраніе приказало освободить обоихъ депутатовъ. Ихъ оправдали; но не смѣли поступить строго съ начальниками возмущенія.

Таковыя возмущенія были всѣхъ пагубнѣе въ Авиніонѣ. Сей городъ принадлежалъ еще Папѣ; но Французскіе начальники партіи, желая овладѣть онымъ, такъ взбѣсили жителей своими правилами безначалія, что произошло кровопролитіе между людьми, не имѣющими собственности, и аристократами.

Мгновенно Римскія войска были разбиты, и при вопляхъ, безпрестанно повторяемыхъ, *да здравствуетъ народъ, законъ и Король!* выставили торжественно Французской гербъ.

Всѣ подпоры престола сокрушились; остался одинъ только призракъ дворянства: ибо ночью 4 Августа 1789 года оно отказалось отъ всѣхъ своихъ преимуществъ. Народное Собраніе, слишкомъ усилившееся по слабости Конституціоннаго Короля, вознамѣрилось совершенно истребить сей пустой призракъ. Одинъ неизвѣстный депутатъ, по имени Ламбель, добровольно отдался на жертву. Онъ, замѣтивъ, что въ блистательныхъ засѣданіяхъ повѣренныхъ народа дворянскія отличія ничего не значили, потребовалъ, чтобъ званія Пера, Герцога и Графа были уничтожены, и не было бы наслѣдственнаго дворянства. Карлъ Лометъ поддержалъ Ламбеля, а Файетъ поступилъ еще злѣе. Онъ назначилъ Принцовъ крови къ изгнанію, подъ предлогомъ, что въ свободномъ государствѣ должны быть одни граждане и правители, и что самое королевство, разсматриваемое въ философскомъ смыслѣ, означаетъ одно только наслѣдственное правительство. Хотя всѣ сіи умствованія опровергнуты были ораторами, преданными престолу; однако они показались неоспоримыми для Собранія, состоящаго изъ людей, не имѣющихъ достоинства, или изъ переметчи-

Совершенное истребленіе дворянства.

ковъ отъ духовенства и дворянства; и по большенству голосовъ опредѣлено было: 1) чтобъ наслѣдственное дворянство навсегда было уничтожено; 2) чтобъ никто не назывался другимъ именемъ, кромѣ своего проименованія, не носилъ мундира и не имѣлъ гербовъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Обряды Федераціи 14 Іюля.

Избрать особенною эрою правленія, которое хотѣли представить образцемъ для всѣхъ народовъ, эпоху весьма злополучную по заблужденіямъ и злодѣйствамъ, значило установленіе весьма противное благонравію; ту эпоху, когда истребили въ гвардейскомъ полкѣ любовь къ Монарху, отцу своего народа, отняли укрѣпленія инвалидовъ и Бастилію; когда носили на копьяхъ, обагренныхъ кровію, головы Лоне и Флесселя. Но правители, предавшіеся страстямъ, не разсуждаютъ. Они дѣлаютъ усильно добро или зло, и тогда только признаются въ своихъ заблужденіяхъ, когда содѣлаются жертвами оныхъ.

Приготовленія къ празднику Федераціи.

Давно уже въ Парижѣ и во всѣхъ департаментахъ дѣлали приготовленія къ сему празднику, который въ добрыхъ людяхъ возбуждалъ однѣ плачевныя воспоминанія. Видимая цѣль состояла въ томъ, чтобъ депутаты отъ всѣхъ военныхъ корпусовъ и Національной милиціи, разсѣявшихся по

всѣмъ важнымъ мѣстамъ Монархіи, дали новую гражданскую присягу на жертвенникѣ отечества. Но скрытное намѣреніе бунтовщиковъ было испытать народную силу, безъ которой не производится революція, дабы чрезъ то узнать, наступило ли время для оставленія метафизической мечты о равенствѣ, и по испроверженіи престола положить основаніе республикѣ. Уже Парижскіе граждане сдѣлали отношеніе къ Французамъ за подписаніемъ Бальи и Файета въ слѣдующихъ словахъ: »14 Іюля 1789, »во время завоеванія Баспиліи, поднялся въ »государствѣ нечаянной крикъ: *Французы, »мы свободны!* Въ тотъ же день, 1790 года, »былъ слышанъ еще поразительнѣе вопль: »*Французы, мы братья!*«

19 Іюня Народное Собраніе, собравшись, предалось для пріобрѣтенія народной любви, по случаю сего празднества, такому безумію, котораго не можно было бы ожидать отъ общества людей просвѣщенныхъ, почитавшагося первымъ изъ Ареопаговъ. Оно приняло къ себѣ посольство отъ главныхъ виновниковъ раздора въ предмѣстіи Сен-Антоань, кои именовали себя *людьми 14 Іюля*, хвалились завоеваніемъ Баспиліи, что здали имъ сію крѣпость безъ защищенія, и что умертвили тамъ множество людей. По донесенію Оратора Камуса, Народное Собраніе, *приведенное въ удивленіе героическою храбростію завоевателей Бастиліи*, опредѣлило выдать имъ униформу и вооруженіе.

За симъ явленіемъ послѣдовало комическое зрѣлище, которое болѣе прилично играмъ Ѳеспійскимъ, нежели почтенному собранію, намѣревавшемуся преобразовать цѣлый свѣтъ. Президентъ увѣдомилъ о посольствѣ Прусаковъ, Англичанъ, Россіянъ, Африканцевъ, Халдеевъ, Индѣйцевъ и Турокъ, пришедшихъ изъявить свое удивленіе благодѣтелямъ свѣта. Анахарсисъ Клоцъ, Ораторъ сего сонма комедіантовъ, почитая себя на каѳедрѣ въ Клубѣ, объявилъ, что торжество Федераціи долженствуетъ быть торжествомъ рода человѣческаго; что звукъ трубы, возвѣщающей воскресеніе великаго народа, раздается въ четырехъ краяхъ земнаго шара, и что хоръ, состоящій изъ 25 милліоновъ человѣкъ, составилъ отъ того пріятное пѣніе. Начальники партіи казались увѣренными, что въ теченіи одного мѣсяца прибыли посланники изъ Индіи и Халдеи; поздравили Народное Собраніе съ удачною смѣлостію, и Предсѣдатель Мену допустилъ ихъ въ засѣданіе. Наконецъ наступилъ 14 день Іюля, толико вожделѣнный для преобразователей. Торжество должно было совершаться на Марсовомъ полѣ. Постановлено опредѣленіе, чтобъ Предсѣдатель Народнаго Собранія сѣлъ по правую руку Короля, и непосредственно симъ же опредѣленіемъ учрежденъ образъ присяги, которую Монархъ долженъ дать націи въ званіи конституціоннаго Короля. Сей обрядъ, весьма важный по стеченію

трехъ сотъ тысячь зрителей, начался около половины дня при нещастномъ предзнаменованіи отъ случившагося сильнаго съ бурею дождя, потопившаго Марсово поле. Среди долины, на которой обучаютъ войска, воздвигнутъ былъ четырехсторонній памятникъ, названный *жертвенникомъ Отечества*, на которомъ Епископъ освятилъ знамена и привелъ къ присягѣ. Лудовикъ XVI пріобрѣлъ великое вліяніе во время сего торжества своею постоянною кротостію и отмѣнною снисходительностію; но мало по малу обратили сіе вліяніе въ злодѣяніе 10 Августа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Успѣхи мятежническаго духа въ Парижѣ и департаментахъ.

Возмущеніе гарнизона въ Нанси.

Праздникъ Федераціонный столь мало послужилъ къ возстановленію согласія во Франціи, что она болѣе прежняго сдѣлалась позорищемъ возмущеній. Первое возмущеніе вспыхнуло въ Нанси. Тамошній гарнизонъ состоялъ изъ трехъ полковъ, кои всѣ почти заражены были новыми правилами. Они взяли арсеналъ и пороховой магазеинъ и похитили военную казну. Генералъ Мальсень пріѣхалъ отъ имени Народнаго Собранія для укрощенія бунта, но не получивъ успѣха въ своихъ предпріятіяхъ, и видя въ опасности жизнь свою, долженъ былъ искать убѣжища

у карабинеровъ Люневильскихъ, которые сперва защищали его, а потомъ вступили въ переговоры съ мятежниками. Въ семъ опасномъ обстоятельствѣ надобно замѣтить, что Маркизъ Буйлье, главный начальникъ сей провинціи, отправился изъ Меца съ тремя тысячами вѣрныхъ солдатъ и пошелъ на Нанси, гдѣ гарнизонъ, подкрѣпленный Національною гвардіею, простирался до 10 тысячъ человѣкъ. Онъ такъ обманулъ своимъ нападеніемъ, что одинъ изъ мятежническихъ полковъ здался; прочіе не хотѣли подвергнуться законамъ военнаго порядка. Тогда Буйлье двинулся къ воротамъ и произвелъ въ городѣ кровопролитное сраженіе, продолжавшееся три часа, въ которомъ полкъ Шатовье почти весь остался на мѣстѣ. Въ началѣ дѣйствій молодой Дезиль усмотрѣвъ, что хотѣли палить изъ пушки, бросился на оную для удержанія отъ кровопролитія, и не прежде былъ отторгнутъ отъ своего почтеннаго мѣста, какъ по четвертомъ ружейномъ въ него выстрѣлѣ. Порядокъ былъ возстановленъ въ городѣ, и собраніе, совокупно съ Королемъ, возблагодарило спасителя Лотарингіи.

Возмущеніе въ Брестѣ.

Возмущеніе въ Брестѣ вскорѣ послѣдовало за Нанскимъ и причинило великія безпокойства, потому что поймали четырехъ колодниковъ, которымъ приказано было зажечь арсеналъ. Корабль Леопардъ, везущій во Францію собраніе, бѣжавшее изъ Сенп-Доминга, присталъ къ берегу и сообщилъ всей эскадрѣ

правила неподчиненности и возмущенія. Поставили висѣлицу въ военной пристани и хотѣли утопить въ морѣ лодку съ храбрымъ Албертомъ Ріолсомъ, начальникомъ морскихъ войскъ въ Брестѣ. Жалобы дошли до Народнаго Собранія, у котораго все было во власти, и до Короля, который ничего не могъ дѣлать. Приняли пустыя мѣры для прекращенія безпорядка. Тогда огорченный Албертъ подалъ въ отставку и вышелъ изъ службы.

Жальской станѣ.

Къ крайнему бѣдствію государства національныя гвардіи департаментовъ Ардешскаго, Эрольтскаго и Жальскаго, расположившіеся въ замкѣ Жале для возобновленія Федераціонной клятвы, получили повелительныя постановленія, чтобы вывесть изъ Нима Гіенской полкъ, составлявшій гарнизонъ сего города, и возвратить Католикамъ департамента Гардъ право гражданъ Французскихъ. Они учредили для сего полный Комитетъ, который и объявилъ себя дѣйствительнымъ. Якобинцы, находившіеся въ Народномъ Собраніи и домогавшіеся уже неограниченной власти, съ негодованіемъ взирали на соперническую власть въ семъ Федераціонномъ Комитетѣ; почему объявили его недѣйствительнымъ, посягающимъ на Конституцію и законы монархіи.

Мятежническія правила такъ были извѣстны во Франціи, что въ Парижѣ составили изъ оныхъ книгу. Дюпонтъ Немюръ объявилъ Собранію, въ засѣданіи 7 Сентября,

ухищренія виновниковъ раздора. Они сперва испытывали мнѣнія напріотовъ, превозносимыхъ въ революціонныхъ журналахъ; потомъ прибивали тайно на деревахъ въ садахъ и предмѣстіяхъ ругательныя сочиненія. Сей отважный депутатъ прочиталъ своимъ товарищамъ одно изъ оныхъ слѣдующаго содержанія: *Наступитъ такой день ..... въ ..... славной грабежъ, смертоубійства ..... съ поручнымъ раздѣломъ для надежныхъ людей и проч.....* Собраніе приказало только судилищамъ розыскать виновниковъ сихъ вызововъ на разбойничество; но сіи судилища были преданы бунтовщикамъ, или, когда, по примѣру Шателета, хотѣли употребить мужество, Мирабо обвинялъ ихъ на каѳедрѣ, будто они осуждали революцію.

Опустошеніе дома Кастри.

Поединокъ, предложенный Карлу Ламетъ, и представленный симъ членомъ Собранія новымъ законодателямъ, произвелъ, по слѣдствіямъ своимъ въ Парижѣ, особеннаго рода возмущеніе. Карла Ламетъ не любило первостепенное дворянство; и онъ по неосторожности разгласилъ въ Собраніи, что дѣло, въ которое онъ завязался, было слѣдствіемъ происковъ его товарища Герцога Кастри. Сей послѣдній, досадуя на клевету, предложилъ начальнику партіи такой вызовъ на поединокъ, отъ котораго невозможно было отказаться. Сраженіе произошло на другой день на Марсовомъ полѣ, и Карлъ Ламетъ былъ раненъ. О семъ произшествіи

разнесся слухъ въ третьемъ сословіи, въ клубахъ и шайкахъ Пале-Ройяль. Безмѣрное множество черни, въ утѣшеніе своему начальнику, стеклось къ дому Кастри, разломало ворота, изломало уборы, выбросало въ окна и напослѣдокъ удалилось съ звѣрскимъ спокойствіемъ. Въ журналахъ того же дня назвали сіе произшествіе священнымъ долгомъ народнаго мщенія.

Ненаказанность всѣхъ сихъ возмущеній подала поводъ къ другому ненавистнѣйшему, учиненному въ окрестностяхъ Сен-Жанъ д'Анжели. Повѣренные одного округа взяли подъ стражу одного виновника общественныхъ безпорядковъ; крестьяне ударили въ набатъ и вооружились копьями для освобожденія его. Повѣренные, видя въ опасности жизнь свою, приказали палить въ толпу, и семеро изъ мятежниковъ были убиты. Пламень возмущенія вспыхнулъ отъ сего еще болѣе. Извѣстились, что 10,000 человѣкъ шли для осады Сен-Жанъ д'Анжели. Тогда государственная сила струсила, и принуждены были освободить перваго заводчика возмущеній, который торжественно увезенъ былъ, увѣнчанный лаврами.

убійство Мера Варецъ.

Меръ Варецъ болѣе всѣхъ прочихъ показалъ въ семъ дѣлѣ приверженности къ правиламъ и мужеству. Бунтовщики заключили сего начальника въ темницу и хладнокровно умертвили.

Время окончить сію плачевную картину ужасныхъ заблужденій Французовъ по дѣлу

дѣло о возму-

щеніи въ Нанси.

Маркиза Буйье, освободителя Нанси, котораго начальники партіи почитали бичемъ возмутителей. Когда онъ благоразуміемъ своимъ и мужествомъ возвратилъ миръ Лотарингіи, Якобинцы заставили изслѣдовать начальныя причины возмущенія полковъ въ Нанси. Все дѣло отослано было въ Слѣдственный Комитетъ, и Силлери въ концѣ Декабря донесъ объ ономъ Собранію. Сіе донесеніе, написанное въ духѣ новыхъ правилъ, имѣло своею цѣлію представить бунтовщиковъ менѣе виновными. Въ ономъ сказано было, что пролитая кровь можетъ служить удовлетвореніемъ за проступки, въ кои впали объ стороны, и не было упомянуто даже имени Генерала Буйье, который въ семъ важномъ обстоятельствѣ покрылъ себя славою. Послѣ сильныхъ споровъ между ораторами, друзьями правилъ, и старающимися о разрушеніи оныхъ, послѣдніе превозмогли: опредѣлено было гражданъ и солдатъ, заключенныхъ въ тюрму по дѣлу въ Нанси, освободить, а полки Королевскіе и начальниковъ уволить отъ службы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Послѣднія произшествія 1790 года.

Опредѣленія праздной палаты Тулузскаго Парла-

Для престола не оставалось противъ нападеній Народнаго Собранія другой преграды, кромѣ древняго правительства; но и сей оплотъ былъ весьма слабъ, потому что успѣли Парламенты обратить въ про-

стыя праздныя палаты. Палата, представлявшая Тулузской Парламентъ, не взирая на угрожавшую ей опасность, извѣстила о всеобщемъ духѣ двумя сильными опредѣленіями, кои достойны быть помѣщены въ Исторіи:

мента противъ новаго порядка вещей.

» Палата, имѣющая засѣданіе въ свободные » дни, разсуждала, что Французская монар- » хія клонится къ разрушенію; разсуждая, » что депутаты всеобщихъ чиновъ не могли » перемѣнить Французской конституціи, и » разрушить правительства безъ нарушенія » своихъ указовъ.

» Разсуждая, что духовенство лишено та- » кихъ имѣній, кои по долговременному вла- » дѣнію должны бы, кажется, на всегда за » нимъ остаться; что у дворянства отня- » ты права противу всѣхъ законныхъ пра- » вилъ истинной монархіи; что новый су- » дебный Кодексъ можетъ только увеличить » для народа бремя налоговъ.

» Сія палата, истинно приверженная къ » священной особѣ Короля и къ древнимъ » законамъ, объявляетъ свое несогласіе на » испроверженіе государства, уничтоженіе » сословій и похищеніе собственностей. »

Спустя два дни по представленіи сего опредѣленія, уничтожившаго всѣ ваканшныя палаты, Тулузская постановила другое опредѣленіе, въ которомъ она, основываясь на невозможности самой по себѣ разрушиться, объявляла, что она не можетъ просить о внесеніи въ протоколъ граммотъ, ее уничтожающихъ.

5 Октября Канцлерѣ предложилъ сіи два опредѣленія Народному Собранію. Робеспіерѣ тогда началъ представлять лице пылкаго Трибуна. «Вотъ, сказалъ онъ, оста»токъ сумазбродства, достойнаго презрѣ»нія; опредѣлимъ, что позволяется чле»намъ Парламента Тулузскаго называться »*дурными гражданами*.«

При разсмотрѣніи спора, сторона начальниковъ партіи одержала верхъ и постановила слѣдующее опредѣленіе: «что члены Парламента, подписавшіе два постановленія, будутъ преданы суду, вскорѣ имѣющему учредиться для произведенія слѣдствія о преступленіи въ оскорбленіи народа, какъ обвиненныхъ въ бунтѣ и злодѣйствѣ.« Сей вызовъ къ лютѣйшей тираніи былъ началомъ судебной власти Революціоннаго Трибунала, который въ Іюнѣ 1793 года истребилъ достопочтенные останки Тулузскаго Парламента, приказалъ въ одно время 26 Предсѣдателей онаго или Совѣтниковъ умертвить на эшафотѣ.

Перемѣна министерства.

Министерство, противъ воли своей, снисходило всѣмъ симъ покушеніямъ на власть Государя, сдѣлавшагося Конституціоннымъ. Господствующая сторона въ Собраніи, безпокоясь тѣмъ, что министерство сіе не находилось въ ея власти, вознамѣрилась перемѣнить его, и не получивъ успѣха въ своемъ предпріятіи, возбудила третіе сословіе и 48 отдѣленій, которые имѣя Ораторомъ знаменитѣйшаго Дантона,

потребовали, чтобъ отставили всѣхъ министровъ, потому что ихъ отвращеніе къ гражданству кажется имъ подозрительно. Большая часть не захотѣли причинить насилія слабому Лудовику XVI, и для предохраненія престола отъ новаго униженія подали въ отставку. Военный министръ Ла Туръ-дю Пень и Канцлеръ здали свои должности, первый Дюпорталю, а другой Дюпорту-дю-Тертръ. Министръ морскихъ силъ Люцернъ сложилъ санъ свой за нѣсколько дней прежде, и департаментъ свой поручилъ Флерье. Вскорѣ послѣ сего, Государственный казначей Ламбертъ, преемникъ Неккера, добровольно оставилъ свою должность, которая въ то же время и была поручена докладчику Лезарту. Лезартъ присоединилъ вскорѣ къ сему департаменту министерство Внутреннихъ дѣлъ, которое Сен-Пріестъ оставилъ послѣ себя празднымъ.

Различные планы для свободы Монарха и возстановленія монархіи.

Между тѣмъ какъ надменные умы замышляли о превращеніи Франціи въ республику, благомыслящіе занимались возвращеніемъ свободы Монарху и всеобщаго мира монархіи. Простѣйшій планъ и въ то же время благороднѣйшій былъ тотъ, чтобъ собрать корпусъ линейныхъ войскъ, остающихся еще вѣрными, и отвести къ онымъ Короля, объявленнаго по конституціи верховнымъ повелителемъ всѣхъ военныхъ силъ своего государства, будто бы для учрежденія порядка и военнаго благочинія: такова была система Маркиза Буйльи. По сему плану

Лудовикъ XVI долженъ ѣхать явно съ своимъ домомъ и останками дворянства въ крѣпость Монтмеди.

Вторый планъ предложенъ былъ Барономъ Брешевиль. Монарха съ своимъ домомъ надлежало вывесть тайно изъ Парижа, проводить въ какое нибудь укрѣпленное мѣсто на границѣ и употребить сперва всѣ кротків средства къ примиренію, потомъ вооруженную силу, а наконецъ посредство союзныхъ Государей, чтобъ возвратить всѣ права престолу Лудовика IX, Лудовика XIV и Карла Великаго.

Баронъ Брешевиль поручилъ Епископу Памьерскому переговорить о семъ планѣ какъ съ Королемъ, такъ и съ Маркизомъ Буйлье. Государь, всегда гнушающійся пролитіемъ человѣческой крови, сколько бы она ни была нечиста, тотчасъ согласился на предложеніе своего министра. Комменданть Лотарингскій, пріобыкшій болѣе къ великимъ мѣрамъ, а сверхъ того будучи увѣренъ, что тайное путешествіе Короля посрамитъ его дѣло, представивъ его перемѣтчикомъ, твердо настаивалъ въ своемъ собственномъ планѣ. Впрочемъ, по видимому, онъ уступилъ, когда Епископъ Памьерскій объявилъ увѣрительно, что Императоръ и союзныя державы рѣшились не предпринимать ничего относительно Лудовика XVI, развѣ только Государь будетъ свободенъ и Королемъ, по крайней мѣрѣ въ какой нибудь крѣпости. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ

сей способъ, выдуманный неискуснымъ человѣкомъ и слабо производимый въ дѣйство, преобразитъ мало по малу монархію въ разстроеннѣйшую республику.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Гоненіе на духовенство.

Духовенство, лишенное древнихъ владѣній и предвидящее только бѣдность и изгнаніе, вопіяло противъ власти, его угнетавшей. По временамъ внимали его воплямъ. Собраніе почло за нужное истребить сіе сѣмя сопротивленія. Оно сдѣлало гражданское постановленіе для сего перваго сословія, уже несуществовавшаго, предписавъ взять съ членовъ его, кои исправляли государственныя должности, присягу въ преданности къ новымъ законамъ. Епископъ Нантскій протестовалъ противъ сего постановенія, и былъ взятъ подъ стражу. 1791 гражданская конституція духовенства.

Что касается до присяги, она произвела въ Собраніи сильный ропотъ со стороны первостепеннаго духовенства. Епископъ Клермонтскій объявилъ, что присяги требовать могутъ отъ вступающаго въ должность, потому что таковой воленъ принять оную или отвергнуть; но весьма несправедливо отъ человѣка, состарѣвшагося на своемъ мѣстѣ, требовать новой клятвы, кромѣ прежде данной. Попомъ предложилъ для примиренія гражданства съ совѣстію одну, но сія клятва была отвергнута. Требованіе присяги съ должностнаго духовенства.

4 Генваря, когда каждый членъ духовенства долженъ быть позванъ для принятія присяги, на перекресткахъ Парижскихъ улицъ прибили подложное опредѣленіе, въ которомъ назывались ослушники изъ духовенста возмутителями. Каѳедры наполнились патріотами изъ клубовъ, кои угрожали Епископамъ-аристократамъ башнею.

Епископъ Ажанскій былъ позванъ первый и подалъ въ отставку. »Я ни сколько, сказалъ онъ, не жалѣю о моемъ мѣстѣ, потому что не жалѣю о моемъ состояніи; но пожалѣлъ бы о потерѣ вашего уваженія, ежели бы, давши присягу, пересталъ быть достойнымъ онаго.«

»Мнѣ уже семьдесятъ лѣтъ, сказалъ Епископъ Пуатьерскій, и 35 лѣтъ провелъ я на Епископствѣ: не приму присяги, долженствующей посрамить мою старость.«

Сіе мужественное сопротивленіе возымѣло свое дѣйствіе: Предсѣдатель призывалъ каждаго духовнаго, исправляющаго общественную должность, для принятія присяги; но не являлись ни Епископы, ни Священники, и всѣ съ благоговѣйнымъ веселіемъ выслушали опредѣленіе, долженствовавшее лишить ихъ мѣстъ.

»Чтожъ! сказалъ Монлозіеръ, ежели вы изгоните первосвященниковъ изъ Епископскихъ домовъ, они удалятся въ хижину бѣднаго, коего питали. Ежели вы отнимете у нихъ золотой крестъ, они возмутъ

»деревянный. Сей деревянный крестъ спасъ »міръ.«

Епископъ Отинскій Таллейрандъ Перигоръ увѣдомился о гоненіи на духовенство, и наканунѣ того дня, въ который надлежало принять присягу, подалъ въ отставку. Его хотѣли прельстить Архіепископствомъ Парижскимъ, но онъ торжественно отказался отъ онаго. Опредѣленіе конституціонаго духовенства.

Избирательное Собраніе опредѣлило преемникомъ почтенному Архіепископу Жюинье Аббата Гобета, Епископа Лиддскаго, который для того, чтобъ значить что нибудь, сдѣлался Якобинцемъ, отступникомъ, и умеръ на эшафотѣ.

Кардиналъ Ломени, по принятіи присяги, опредѣленъ былъ въ Санъ и написалъ къ Папѣ оправданіе въ семъ расколѣ съ духовенствомъ. Святый отецъ отвѣчалъ, что онъ удивляется слабости, съ какою Кардиналъ произнесъ присягу противъ чувствій своего сердца. Тогда Кардиналъ послалъ въ Римъ свою шляпу и написалъ о томъ къ министру Монтморину, что онъ обязанъ, по Евангелію, заплатить дань Кесарю; но не клялся, чтобъ Кесарь имѣлъ причину оной отъ него требовать. Симъ хитросплетеніемъ Езуита Эскобара онъ думалъ успокоить мученіе совѣсти за отступничество.

Четыре только Епископа приняли гражданскую присягу; всѣ прочіе показали себя мучениками за благонравіе, и были замѣщены другими.

Глава девятая.

Возвращеніе Мирабо къ монархіи; исторія его предсѣдательства; смерть его.

1791 Мирабо обращается къ правиламъ.

Министръ Бертрандъ Моллевиль полагаетъ сближеніе Мирабо и дворянъ въ Іюнѣ 1790 года. Лудовику XIV внушили, что нужно преклонить на свою сторону сего начальника народной партіи для сохраненія престола и отвращенія бѣдствій междоусобной войны. Онъ согласился на сіе во время Сен-Клудскаго путешествія. Монархъ имѣлъ съ нимъ нѣкоторыя сношенія, кои возобновлены были, въ Февралѣ 1791 года, министромъ Монтмариномъ. Условились, что Мирабо будетъ держаться народной стороны для пользы короны, а Король со своей стороны будетъ пользоваться его свѣдѣніями, такъ чтобъ общественную свободу не подвергнуть опасности. Сей договоръ, съ обѣихъ сторонъ вѣрно выполняемый, ежели бы Мирабо остался живъ, прекратилъ бы революцію въ самомъ началѣ.

Онъ предсѣдателемъ Народнаго Собранія.

Въ семъ затруднительномъ положеніи Мирабо, съ которымъ въ началѣ собранія Чиновъ всякой, наблюдающій приличную благопристойность, стыдился сойтиться, привлекъ къ себѣ краснорѣчіемъ своимъ самыхъ злобныхъ враговъ, и великимъ большинствомъ голосовъ возведенъ былъ въ Предсѣдатели. Политики не обманулись въ своемъ чаяніи. Новый Предсѣдатель также

началъ отличаться въ креслахъ, какъ блисталъ и на каѳедрѣ. Величайшая мудрость явилась въ его разсужденіяхъ. Легкая краска революціоннаго патріотизма разливалась въ оныхъ; но престолъ и благонравіе, бывшее до образованія гражданства, были уважаемы. Во время его предсѣдательства разнесся слухъ что тетки Королевскія намѣревались оставить негостепріимную землю, пожиравшую своихъ жителей. Посольство отъ народа пришло для предупрежденія его о томъ и отправленія своимъ ядомъ. Искусный Предсѣдатель, для примиренія умовъ, началъ отвѣчать ядовитымъ разсужденіемъ противъ выходцевъ, потомъ непримѣтно возвращаясь къ чувствованіямъ скромнымъ, сказалъ: «Посмотрите на нашего »Короля. Сей Король дѣлами своими слу»житъ образцемъ для всѣхъ въ свѣтѣ госу»дарей. Онъ, изъ любви къ вашимъ опре»дѣленіямъ, и слѣдовательно къ свободѣ, не »почитаетъ для себя позволеннымъ удер»живать насильно своихъ любезныхъ род»ственниковъ. Уже ли вы хотите истор»гнуть у нѣжности собственность, и на»казаніемъ его сдѣлаться щастливы?»

Принцессы отправились; но *дѣти великаго заговора*, разлившіеся по монархіи, столько были внимательны, что тайна ихъ путешествія, исполнившаяся ночью, открылась прежде, нежели они отъѣхали 20 миль. Чернь, состоявшая на жалованье клубовъ, остановила ихъ въ Аріѣ и приста-

вила къ нимъ стражу до опредѣленія Народнаго Собранія. Мирабо управлялъ всѣми голосами. Онъ, не смотря на начальниковъ партій, поспановилъ опредѣленіе, что какъ никакой законъ изъ существующихъ не ограничиваетъ свободы путешествовать, то дѣло Принцессъ должно отослать къ исполнительной власти.

Новыя цѣпи хотятъ возложить на Монарха.

Путешеспвіе Принцессъ, совершившееся противъ воли начальниковъ возмущенія, заставило думать сихъ послѣднихъ, что рано или поздно Лудовикъ XVI, для укрытія отъ нихъ, прибѣгнетъ къ закону свободы. Вдругъ Комитеты, работающіе одни только опредѣленія по обстоятельствамъ, присовокупили къ Кодексу безначалія законъ, коимъ, давъ Монарху странное наименованіе *перваго должностнаго въ государствѣ человѣка*, утвердили пребываніе его и будущаго наслѣдника короны близъ Народнаго Собранія. Тщетно представляли имъ, что сіе значило сдѣлать перваго въ Европѣ Короля Венеціанскимъ Дожемъ и перемѣнить почтенное мѣсто его пребыванія въ вѣчное заточеніе. Опредѣленіе хотѣли уже утвердить, какъ Мирабо, къ силѣ краснорѣчія своего присовокупивъ всѣ обороты мыслей, и предложилъ на разсмотрѣніе, окончены ли совершенно Конституціонный Кодексъ.

Мирабо оказалъ столь же важную услугу монархіи и благонравію, когда онъ сильно вооружился противъ пагубнаго закона, вводимаго начальниками партіи въ разсужде-

ніи эмигрантовъ. Онъ доказалъ, что законодательная ширанія сего рода всегда и у всѣхъ народовъ заставляла только недовольныхъ переселяться противъ желанія природы, которое сильнѣе всего привязываетъ человѣка къ отечественной землѣ. Онъ особливо загремѣлъ противъ того члена комитетскаго начертанія, по которому тріумвиратству, долженствующему смотрѣть за исполненіемъ закона, давали власть правительственную, и наконецъ объявилъ, что ежели опредѣленіе будетъ принято, онъ клянется честію Француза, что не будетъ ему повиноваться.

Во время сего засѣданія 28 Февраля, когда Мирабо показалъ себя столь великимъ, случилось новое возмущеніе въ предмѣстіи Сен-Антоань. Мнимые завоеватели Бастиліи устремились съ безчисленнымъ множествомъ черни къ башнѣ Венсенской для изпроверженія оной. Генералъ Файетъ тотчасъ явился туда съ войсками и принудилъ мятежниковъ выйти изъ крѣпости. При возвращеніи своемъ въ Парижъ онъ увидѣлъ ворота запертыя, и недовольные готовились выдержать осаду въ предмѣстіи Сен-Антоань: но онъ, по непоколебимой своей скромности, удержался отъ кровопролитія и отдалъ 64 человѣкъ изъ башни подъ караулъ въ темницу. Мятежническія движенія.

Сіе происшествіе, посѣявшее ужасъ въ столицѣ, и заставившее жителей освѣтишь съ улицы домы, подало мысль въ замкѣ,

что наступаетъ вторая ночь 6 Октября. Дворянство въ одну минуту стеклось туда съ потаеннымъ оружіемъ, дабы не возбудить безпокойныхъ начальниковъ партіи; но тайна открылась, и народная гвардія, бывшая на караулѣ въ Тюльери, заставила своихъ чиновниковъ обезоружить аристократовъ. Какъ отказъ со стороны Короля послужилъ бы знакомъ къ умерщвленію трехъ сотъ дворянъ; то Лудовикъ XVI, съ великимъ прискорбіемъ и нѣжностію, началъ просить своихъ вѣрныхъ служителей, чтобъ они повѣрили ему свои оружія, кои завтра же будутъ возвращены. Генералъ Файетъ, въ сію минуту пришедши изъ похода Винсенскаго, приказалъ, говорятъ, раздѣлить сіи оружія своимъ солдатамъ и далъ повелѣніе народной гвардіи проводить изъ замка сіе дворянство, которое вышло въ безпорядкѣ и съ ругательствомъ. Сей насильственный поступокъ Файета, безъ сомнѣнія учиненный противъ желанія, возвратилъ ему на нѣсколько дней прежнюю любовь народа.

Съ сего времени Тюльерійскій замокъ обратился въ такую темницу, къ которой не можно было прикоснуться безъ тайнаго позволенія начальниковъ партіи. Лудовикъ XVI, согласившись противъ воли на внушеніе стороны всеразрушительной, безъ всякой жалобы переносилъ оскорбленія. Между тѣмъ желая нѣкогда испытать, наслаждался ли самъ мнимою свободою, ко-

торую въ самомъ дѣлѣ далъ своимъ подданнымъ, вознамѣрился ѣхать въ Сен-Клу и предварилъ о томъ Народное Собраніе. Едва карета его пріѣхала къ каруселі, какъ безчисленное множество бунтовщиковъ остановили лошадей и заперли дорогу. Государь приказалъ потребовать виду для проѣзда у Генерала Файета, который сказалъ къ народу рѣчь, но никто не хотѣлъ слушать его. Послѣ тягостнаго ожиданія, продолжавшагося часъ съ четвертью, нещастный Монархъ уступилъ насилію и возвратился въ Королевскую свою темницу.

Смерть Мирабо.

Одинъ только Мирабо, раскаявшійся въ своихъ долговременныхъ заблужденіяхъ и прилѣпившійся опять къ правиламъ, могъ возставить монархію, согбенную подъ тяжестію вѣковъ и долговременной безнравственности. Уже онъ, по согласію съ начальниками государственной силы, давалъ планы для побѣга въ Кампіень или Фонтенебло; но роковая судьба Лудовика XVI разстроила всѣ выкладки величайшаго благоразумія. Въ то время, какъ Государь хотѣлъ воспользоваться оными, Мирабо былъ нечаянно похищенъ у отечества, которое онъ хотѣлъ исправить. Сей необыкновенной человѣкъ съ великою силою краснорѣчія соединялъ пламенную душу, преданную удовольствіямъ и славѣ, желалъ успѣть въ томъ и другомъ, и содѣлался жертвою. Послѣ обѣда онъ истощился у актрисы Кабанисъ. Докторъ и другъ, обманувшись въ причинѣ

его болѣзни, разстроилъ кровопусканіемъ совершенно начала жизни, и послѣ неизъяснимыхъ мученій, происходящихъ не столько отъ болѣзни, сколько отъ безразсуднаго или слабаго леченія, Мирабо умеръ съ сугубою славою, довольно оправданною его способностями и злодѣяніями.

За нѣсколько минутъ до смерти, Мирабо, видя друзей своихъ въ уныніи, сказалъ: „Не о мнѣ должно плакать, но о монархіи, „сходящей со мною во гробъ.“ Тогда неизвѣстна была тайна его благороднаго замысла возвратить Лудовику XVI престолъ его; почему господствующая сторона начальниковъ партіи по смерти его воздала такія почести, коихъ не удостоились никогда истинные благодѣтели человѣчества, Сюлліи, Колберты, Катинаты и Монтеске. Всѣ клубы, всѣ правительственныя общества, военная сила и гвардія Лудовика XVI находились при его погребеніи. Народное Собраніе также приняло участіе въ энтузіазмѣ, опредѣливъ положить прахъ его въ Пантеонѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Побѣгъ Лудовика XVI въ Монтмеди. Новое униженіе короны.

1791. Соединеніе всѣхъ сторонъ

При смерти Мирабо вся власть находилась въ рукахъ начальниковъ партіи. Робеспьеръ, Петіонъ и Варнава начали оказывать свое мятежническое вліяніе на На-

роное Собраніе. Они, не довольствуясь тѣмъ, что держали Короля плѣнникомъ въ замкѣ, хотѣли еще принудить, чтобъ онъ принялъ въ свою домовую церковь конституціонныхъ священниковъ. Революціонные журналы терзали его ненаказанно ругательными сочиненіями; народная тиранія усилилась до крайности, и Лудовикъ, не имѣвшій силы для принятія важной мѣры, рѣшился наконецъ избѣгнуть злодѣйства своихъ непріятелей посредствомъ побѣга, по плану, который не приносилъ чести. Весьма трудно было опредѣлить сей планъ, потому что начальникъ каждой стороны предлагалъ свои мѣры. Мы видѣли, что Мирабо назначалъ Кампіень или Фонтенебло для перваго собранія Королевскаго дома, вѣрнаго дворянства и коронныхъ войскъ. Самый Генералъ Файетъ старался прекратить безначаліе, но онъ хотѣлъ поставить наровнѣ независимость Короля и свободу мнѣній начальниковъ партіи: вотъ политическая уродливость. Министръ Монтморинъ, будучи отважнѣе, желалъ, чтобъ чрезъ посредство Графа Мерса, имперскаго посланника, сдѣлано было тайное сношеніе и союзъ между господствующими въ Европѣ державами, для угроженія конституціонной Франціи войною, которой она не можетъ объявить. Тогда Лудовикъ XVI долженъ былъ отправиться въ Мецъ или Валансьень, подъ прикрытіемъ войскъ, кои станутъ только на границахъ въ угрожающемъ положеніи:

не державшихъ сянародной стороны для возвращенія Королю верховной власти.

тогда всеобщій мірѣ долженѣ произвесть внутренній миръ, и погаситъ въ самомъ началѣ плачевнѣйшую революцію.

Сколь ни былъ лестенъ сей планъ, однако Король, по благоразумію своему, опасался, чтобъ Европейскіе государи, которые не были ни Траяны, ни Марки Аврелій, видя беззащитную монархію, не пошли во Францію, не для возвращенія ее законному Королю, но для раздробленія. Ужасный примѣръ въ Исторіи вселилъ въ него недовѣрчивость, и онъ рѣшился лучше подвергнуть опасности честь Французскую, нежели бѣжавъ, здаться въ крѣпости Монтмеди. Сія мнимая рѣшимость Короля, къ нещастію, чрезъ нѣсколько дней перемѣнилась, по причинѣ славнаго письма, сочиненнаго Ламетомъ, подписаннаго слабымъ Монтморіномъ по принужденію, и посланнаго торжественно ко всѣмъ Европейскимъ посланникамъ. Государь объявлялся въ ономъ начальникомъ новаго порядка вещей, одобрившимъ во всѣхъ статьяхъ конституціонный Кодексъ безъ основанія и связи, который предлагали ему на утвержденіе, и одобреніемъ его сдѣлалъ законною революцію, лишавшую его короны. Сіе письмо было тѣмъ безразсуднѣе, что въ то же время Графъ Артуа велъ переговоры съ Императоромъ о наступательномъ союзѣ для возвращенія коронѣ Лудовика XVI всей ея цѣлости.

Побѣгъ Короля

Наконецъ планъ ѣхать чрезъ Валансьень въ Монтмеди былъ рѣшительно принятъ,

посланъ къ Маркизу Буйле, и для побѣга назначена ночь 20 Іюня. Сей побѣгъ сдѣланъ былъ въ назначенное время. Король съ Королевою и частію королевской фамиліи отправился въ Монтмеди чрезъ Шалонъ на Марнѣ, а братъ Короля съ супругою чрезъ Валансьень. Монархъ назвался чужимъ именемъ и путешествовалъ съ паспортомъ посланника. При немъ были только три тѣлохранителя, въ курьерскомъ платьѣ. Данныя Генераломъ Буйле приказанія въ разсужденіи прикрытія повозокъ худо были исполнены. Лудовикъ XVI, по прибытіи въ Сентъ-Менегульдъ былъ признанъ Почтмейстеромъ Друетомъ, который, поѣхавъ за нимъ въ Варень, приказалъ тамъ остановить его. Не прошло болѣе двухъ часовъ послѣ сего нещастнаго приключенія, какъ Генералъ Буйле прибылъ съ Королевско-Нѣмецкимъ полкомъ. Безъ сомнѣнія онъ ошибся въ своихъ расчетахъ, что не приказалъ полку сему ускорить ходъ свой для соединенія съ Лудовикомъ XVI, доколѣ народная гвардія, его провожавшая, не усилилась чрезъ присовокупленіе къ ней всѣхъ патріотическихъ баталіоновъ, встрѣчавшихся на пути. Престолъ долженствовалъ пасть, какъ по слабости Монарха, возсѣдавшаго на ономъ, такъ и по слабости чиновниковъ, обязанныхъ защищать его. Поелику революція была не что иное, какъ насиліе, заступившее мѣсто законовъ; то и нѣтъ сомнѣнія, что дерзость злодѣевъ

въ Монтмеди.

непремѣнно восторжествуетъ надъ робкою добродѣтелію.

Между тѣмъ извѣстіе о удаленіи Короля, дошедшее того же утра 20 Іюня въ Собраніе, привело въ уныніе тѣхъ членовъ, кои должны были всего опасаться отъ новаго порядка вещей. Мало по малу умы успокоились. Король, требующій бѣгствомъ верховной власти, у него похищенной, показался не опаснымъ для побѣдителей. Поручили министрамъ, стекшимся въ Собраніе, исполнительную власть, и постановлено было множество опредѣленій для отвращенія бѣдствій междоусобной войны, долженствовавшей возгорѣться въ департаментахъ. Однимъ изъ сихъ опредѣленій сняли съ Генерала Буйлье всѣ воинскія должности, запретили ему повиноваться и приказали взять его подъ стражу. Другимъ объявлены измѣнниками всѣ, кои совѣтовали или способствовали къ похищенію Короля, и въ то же время велѣно было всѣмъ начальникамъ государственной силы уважать Монарха и отражать всякаго возмутителя, который будетъ препятствовать его возвращенію въ столицу. Тогда же были посланы повѣренные въ Варень для защищенія Государя отъ злонамѣренныхъ людей. Сіи повѣренные были Петіонъ, Варнава и Латуръ-Мобургъ. Два первые защищали свободу ненавистнымъ образомъ, но не потеряли имени человѣковъ, и съ честію исполнили свое порученіе. Нещастіе лучшаго изъ Коро-

лей громче говорило ихъ сердцу, нежели народная сторона.

Возвращеніе Короля въ столицу.

Лудовикъ XVI отправился изъ Варенъ подъ прикрытіемъ почти шести тысячь народныхъ гвардейцевъ, или патріотовъ, собравшихся по набату. Одинъ дворянинъ, по имени Дампьеръ, безоружный, встрѣтившись на дорогѣ близъ Шалона, подошелъ съ боку къ каретѣ извѣстить Королю свое прискорбіе и вѣрность; и въ ту же минуту шайка санкюлотовъ умертвила его за сей благородный поступокъ.

Войско, прикрывавшее Короля, возросло на пути до 40,000 человѣкъ. По временамъ начальники шайки слышали около кареты печальные вопли. Когда Королева, чтобъ освѣжиться дѣтямъ чистымъ воздухомъ, открыла у кареты окно, то одинъ злодѣй началъ угрожать ей смертію. Но вообще Королевская фамилія, по дѣятельности Дюмаса, начальника военной силы, не подверглась никакой опасности. Она прибыла 25 Іюня, въ семь часовъ вечера, въ Тюльерійской замокъ. Чернь хотѣла повѣсить трехъ тѣлохранителей, одѣтыхъ курьерами; но ихъ спасли и отдали законнымъ порядкомъ въ темницу. Въ ту же минуту Народное Собраніе постановило опредѣленіе, по которому надлежало распустить четыре роты тѣлохранителей, подъ предлогомъ, что они болѣе преданы Королю, нежели отечеству.

Побѣдители Лудовика XVI въ торжествѣ своемъ не показали великодушія: они, по

силѣ опредѣленія, послали къ нему трехъ повѣренныхъ для отобранія объясненія въ разсужденіи цѣли побѣга. Нещастный мужественно отвѣчалъ, что онъ не обязанъ давать показанія; но написалъ объявленіе, которое было прежде составлено нѣкоторыми начальниками Конституціонной стороны, и могло сохранить на нѣсколько времени жизнь Короля, но не славу.

Строгое письмо Буйлье въ Народное Собраніе.

На другой день по возвращеніи Короля, Генералъ Буйлье, удалившись въ Люксенбургъ и размышляя о своей слабости, погубившей и Монарха и монархію, вздумалъ загладить свою погрѣшность письмомъ, болѣе, можетъ быть, возмутительнымъ, нежели мужественнымъ, къ Членамъ Собранія, вызывавшимъ его на судъ. Онъ обнаружилъ въ немъ прикрывавшіяся злоумышленія два года; объявлялъ, что одинъ онъ виноватъ въ планѣ увезти Короля въ крѣпость Монтмеди, и слѣдовательно его одного должно за то и наказывать. „Вы будете отвѣ„чать, писалъ онъ, всѣмъ Европейскимъ „Государямъ за жизнь Лудовика XVI, и „объявляю вамъ, что ежели погибнетъ „одинъ волосъ на головѣ его, то вскорѣ „не останется въ вашей столицѣ камня „на камени.“ Сіе письмо, придцать разъ прочитанное въ Собраніи, возбудило болѣе презрѣнія, нежели негодованія. Разрушители Франціи восхищались еще своею побѣдою. Уже начали говорить о довершеніи оной. Въ тотъ самый день, когда читали

сіе слабое письмо, пасквиль, сочиненный Кондорсетомъ и Викомтомъ Шателетомъ, въ первый разъ побудилъ Парижъ перемѣнить монархію въ республику.

Между тѣмъ начали явно говорить о преданіи Короля суду. Петіонъ на сей случай подалъ въ Собраніи самое вольное мнѣніе, и когда представили ему неприкосновенность Государя по конституціи, запальчивый софистъ сказалъ: „Неприкосновенность относится только до дѣйствій королевской власти, а не до особы Короля; иначе бы и Нерона нужно было почитать неприкосновеннымъ.“ Всеобщее негодованіе доказало Петіону, что дѣло шло не о Неронѣ, но о Людовикѣ XVI.

Крикъ безпокойныхъ людей, объявленія черни и рѣчи клубовъ кончились опредѣленіемъ, по которому Короля надлежало почитать лишеннымъ сана, ежели онъ отречется отъ данной клятвы конституціи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Различныя происшествія до окончанія конституціи.

Трудно было среди такихъ прѣній между двумя властями сохранить министерству единодушіе, безъ котораго великая монархія существовать не можетъ. Благомыслящіе люди отказывались отъ должностей, а прочіе, кои хотѣли только держаться на своихъ мѣстахъ, будучи безъ

Перемѣна въ министерствѣ.

характера, а часто и безъ средствъ, для наставленія Короля совѣтовались съ однимъ всеобщимъ мнѣніемъ. Добрый Флерье отказался отъ управленія морскими силами, и замѣщенъ былъ Тевенардомъ; департаментъ государственныхъ податей былъ отнятъ у Легарта для здачи онаго повѣренному Тарбе. Монтморинъ въ тотъ самый день, въ который подписалъ неблагопристойное письмо къ посламъ, гдѣ Государя начальники народа называли Вице-Королемъ, сложилъ свою должность; но уже по истеченіи многихъ мѣсяцовъ она была замѣщена. Весьма удивительно, что въ то время, когда всѣ могли быть министрами, а никто не могъ дѣлать добра, явилось нѣсколько благоразумныхъ людей для управленія министерствомъ.

Принятіе въ Пантеонъ Вольтера.

Въ сіе время былъ воздвигнутъ Пантеонъ, съ слѣдующею надписью: *великимъ мужамъ признательное отечество.* Мирабо занялъ въ немъ первое мѣсто, и по принятіи политическаго героя, опредѣлено было принимать въ Пантеонъ героевъ, отличившихся на поприщѣ словесности. Почему прахъ Вольтера въ урнѣ былъ перевезенъ 11 Іюля съ пышностію, на колесницѣ, заложенной двенадцатью лошадями. Провожатые состояли изъ властей конституціонныхъ, изъ воинской силы, изъ Академій, тогда еще существовавшихъ, и странной смѣси побѣдителей Бастиліи, клуба Якобинцевъ и дерзскихъ патріотовъ, остановившихъ Королев-

скую фамилію въ Варенѣ. Вольтеръ, сорокъ лѣтъ управлявшій всеобщимъ мнѣніемъ, безъ сомнѣнія достоинъ былъ сихъ почестей, кои отмстили за него фанатикамъ, отказавшимъ въ погребеніи; но замѣтимъ, что онъ былъ почтенъ не какъ безсмертный творецъ Генріады, Альзиры, Меропы и вѣка Лудовика XIV, котораго законодатели хотѣли увѣнчать; но какъ смѣлый писатель, который, нападая на господствующее богослуженіе, поддерживалъ своимъ геніемъ безнравственную эпическую поэму и проложилъ путь къ безпорядкамъ народнаго своеволія.

Возмущеніе на Марсовомъ полѣ.

Сіе своеволіе весьма усилилось послѣ ненаказанности за ненавистную побѣду, одержанную надъ Королемъ въ Варенѣ. Главные заводчики клубовъ, не довольные опредѣленіемъ, связывавшимъ у нихъ руки, собрались на Марсовомъ полѣ для подписанія мятежнической бумаги. Начальствующій національною гвардіею Файетъ тотчасъ явился туда съ вооруженною силою для прекращенія мятежа, который онъ во время панріотической грозы дерзалъ именовать *священнѣйшею изъ обязанностей*. Едва не убили его изъ пистолета; но онъ великодушно простилъ убійцѣ. Какъ бунтъ ежеминутно началъ усиливаться, то Меръ Бальи отправился ихъ Рашуши съ краснымъ знаменемъ и тремя пушками, и провозгласилъ законъ воинскій. Въ государственныя войска бросили множество камней. Тогда солдаты сдѣлали первый выстрѣлъ на воздухъ; но онъ не

произвелъ никакого успѣха, потому что никого не убилъ. Раздраженные новыми оскорбленіями ударили по толпамъ, кои представлялись главными въ бунтѣ; двадцать четыре мятежника погибли, и тотчасъ возмущеніе прекратилось.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Объявленіе конституціоннаго Кодекса. Принятіе онаго Королемъ. Распущеніе Конституціоннаго Собранія.

Окончаніе конституціоннаго Кодекса.

Среди оскорбленій, причиняемыхъ Королю, среди возмущеній и бѣдствій въ Парижѣ, поражавшихъ Францію по причинѣ подложнаго недостатка въ припасахъ и деньгахъ, Народное Собраніе спокойно совершало свою конституцію. 3 Сентября объявлено опредѣленіемъ, что она окончана; что не можетъ уже быть въ оной перемѣнъ, и что представлена будетъ Королю на утвержденіе шестидесятью членами. Въ самомъ дѣлѣ Кодексъ представленъ былъ Монарху въ девять часовъ вечера. Король показалъ видъ, что приметъ оный, и на слѣдующій день снята была стража въ замкѣ, перемѣнившая его въ темницу, и Тюльери, стоявшій запертымъ два мѣсяца, отворился для народа.

Согласіе на оный Короля.

Лудовикъ XVI долго колебался въ разсужденіи принятіи во всецѣлости конституціи, сдѣланной среди бурь и долженствующей возбудить другія; но все министерство,

кромѣ Монтморина, начало склонять его къ тому. Князь Кауницъ, оракулъ Императора Леопольда и врагъ Французскаго своеволія, взирая на положеніе Короля какъ политикъ, подалъ то же мнѣніе. Самый знаменитый Мальгербъ думалъ, что гораздо лучше осторожность, допускающая въ судебныхъ мѣстахъ новый порядокъ вещей, нежели неумѣстное мужество, долженствующее произвесть междоусобную войну. Король, никогда съ нимъ несоглашавшійся, коль скоро было то противно его добродѣтели и разуму, согласился тогда для блага мира раздѣлить съ Народнымъ Собраніемъ верховную власть, и объявилъ чрезъ Канцлера, что онъ принимаетъ Конституціонный Кодексъ во всецѣлости и прикажетъ чинить по оному исполненіе. На другой день самъ пришелъ въ Собраніе для подписанія. Его приняли съ рукоплесканіями, кои заставили его забыть горести долговременнаго плѣна. Всѣ члены проводили его въ замокъ, и съ сего времени начали думать, что революція во Франціи прекратилась, а особливо въ столицѣ.

Сей восторгъ былъ не продолжителенъ. Объявили, что Конституціонный Кодексъ въ послѣдствіи времени будетъ напечатанъ по образцу многоязычной Библіи, какъ памятникъ, несравненный съ законами Ликурговыми и Солоновыми; но по разсмотрѣніи не нашли въ немъ ни единства духа, ни точныхъ познаній въ разсужденіи отноше-

ній человѣка къ человѣку, ни способа отвращать злодѣйства противъ правительства. Хотѣли сдѣлать его вѣчнымъ; но по прошествіи двухъ лѣтъ его уже не существовало.

Обнародованіе сего Кодекса, утвержденнаго Королемъ, учинено было предъ олтаремъ отечества, при пальбѣ изъ ста придцати пушекъ. Потомъ опредѣлили всеобщее прощеніе во всѣхъ злодѣяніяхъ касательно революціи, и судилище верхней Народной палаты, учрежденное въ Орлеанѣ, какъ не нужное, было уничтожено. Хотя сіе великодушіе было ничто иное, какъ обманчивый призракъ, что увидимъ мы въ послѣдствіи сего сочиненія; но не смотря на то, вездѣ на площадяхъ раздавались вопли: *да здравствуетъ Король, да здравствуетъ Народное Собраніе*; а иногда: *да здравствуетъ Петіонъ и Файетъ*.

Пильницкой договоръ

Европа столь мало полагалась на сей родъ договора, предложеннаго побѣдителемъ побѣжденному на развалинахъ престола, что въ то же время увѣдомились о новомъ союзѣ между державами, для освобожденія Лудовика XVI отъ долговременнаго рабства. Переговоры происходили въ Пильницкомъ замкѣ между Императоромъ, Королемъ Прускимъ и Графомъ Артуа. Положились, что два Государя примутъ приличнѣйшія мѣры какъ сами по себѣ, такъ и чрезъ своихъ союзниковъ, для доставленія Королю Французскому способовъ защищать основанія монархическаго правленія, сообразнаго какъ

съ правами Европейскихъ державъ, такъ и съ благоденствіемъ Французовъ.

Народное Собраніе заключило свое долговременное законоположеніе такимъ опредѣленіемъ, которое было по сердцу всѣмъ добрымъ людямъ, хотя Робеспьеръ и почиталъ его страннымъ. Я говорю о опредѣленіи въ разсужденіи клубовъ. Постановлено было, что какъ усмотрѣны опасности, происшекающія отъ ложной любви клубовъ къ народу въ революціонныхъ журналахъ, за которые они платили деньги, и возмущенія, возбуждаемыя ихъ излишнимъ патріотизмомъ; для сего лишить ихъ политическаго существованія и отдать въ непосредственное смотрѣніе властей и судилищъ, опредѣленныхъ для наказанія непокорности и злодѣянія. Опредѣленіе противъ клубовъ.

Послѣднее засѣданіе Конституціоннаго Собранія происходило 30 Сентября. Король самъ пришелъ для закрытія онаго, равно какъ для воздания и принятія похвалъ, коихъ не предала намъ Исторія. Сохранился одинъ только панигирикъ, произнесенный Меромъ Бальи, по причинѣ остроумныхъ его увеличеній: „Почтенные законодатели! „какіе достопамятные дни вы оставляете „послѣ себя потомству; какіе тѣ дни, въ „которые вы учреждали первое посольство „отъ Французскаго народа; въ которые вы „предварительно клялись въ разсужденіи „конституціи, еще не изложенной и суще„ствовавшей только въ умахъ вашихъ! Мы

„возвѣщаемъ вамъ благословеніе потомства,
„отнынѣ для васъ начинающагося.“

Послѣднее засѣданіе конституціоннаго Собранія.

Такимъ образомъ Конституціонное Собраніе, два года и четыре мѣсяца царствовавшее, кончилось. Никогда не видали столь превосходнаго Собранія просвѣщенныхъ способностей и добродѣтелей, и никогда дерзость начальниковъ и слабость цѣлаго не производили болѣе заблужденій и бѣдствій. Ничто лучше не доказываетъ, что послѣ смутной и необузданной демократіи, правленіе, ни мало не приличное великой Имперіи, имѣющей законы и нравы, есть аристократія, состоящая изъ народныхъ Королей, не знающая ни начала, ни предѣловъ своей власти; мучащаяся надъ труднымъ изысканіемъ совершеннаго блага, и мечтающая, что она великія оказала услуги потомству, коль скоро умножила около себя число мятежниковъ, а и того болѣе нещастныхъ жертвъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Законодательное Собраніе.

Франція, по закрытіи перваго Законодательнаго Собранія, была въ опаснѣйшемъ положеніи. Не было уже ни сословій съ отличными правами, ни постоянныхъ судебныхъ мѣстъ; ни дѣйствительной государственной силы. Пагубное равенство начинало мало по малу исправлять все, что не принадлежало къ двумъ властямъ, существовавшимъ въ сей новой монархіи; а при всемъ томъ объ сіи власти не были благоразумно уравновѣшены третіею, такъ какъ въ семъ превосходномъ правленіи, столь уважаемомъ отъ Монтескіе; слѣдовательно онѣ должны были только взаимно истреблять себя. Король, принужденный принять въ цѣлости самый недостаточный Конституціонный Кодексъ для спасенія остатковъ своей короны, не могъ приступить къ поправленію монархіи безъ нарушенія основанія онаго; не могъ дѣлать добра для своихъ подданныхъ, не показавъ себя вѣроломнымъ. Новое Законодательное Собраніе заключило свои правила въ предѣлахъ столь непостоянныхъ и столь смутныхъ, что могло ихъ держаться, или нарушать безъ преступленія въ оскорбленіи народа. Все во время сего новаго образованія правленія составляло одну неизвѣстность, смятенія и источникъ безначалія. Новый порядокъ не-

ожиданныхъ вещей рано или поздо долженствовалъ рѣшить великую политическую загадку: она заключалась въ цареубійствѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Политическія дѣйствія въ Октябрѣ мѣсяцѣ.

1791. Новое министерство.

Первымъ стараніемъ Лудовика XVI, сдѣлавшагося опять Королемъ, по причинѣ пожертвованій, было окружить себя министрами, которые бы не слишкомъ отвращались господствующаго мнѣнія и были бы ему преданы. Слабый Тевенардъ управлялъ тогда департаментомъ морскихъ силъ; на мѣсто его опредѣленъ былъ прежній Интендантъ Бретанскій Бертрандъ Моллевиль. Вѣрный Монморинъ видя, что власть его теряется, и что онъ не можетъ быть полезенъ государству, по усильнымъ прозьбамъ испросилъ позволеніе у Монарха, у котораго онъ былъ болѣе другомъ, нежели Министромъ, (что обоимъ имъ дѣлало честь), вступить въ частную жизнь. Департаментъ его отданъ былъ нещастному Легарпу, а министерство Внутреннихъ дѣлъ, требующее величайшаго мужества и дарованій, слабому Кайе де Жервиль. Большая часть сихъ опредѣленій подала благомыслящимъ такія надежды, кои никогда не исполнились. Впрочемъ первый поступокъ новаго министерства показывалъ нѣкоторую силу и важность. Оно условилось между своими членами, чтобъ никогда не раздѣ-

ляться, не сообщаться съ господствующими комитетами, а во всякомъ случаѣ относиться непосредственно къ Законодательному Собранію.

Напротивъ Народное Собраніе въ первыхъ своихъ засѣданіяхъ показало мятежническій духъ, долженствующій управлять онымъ. Главные заводчики въ ономъ предложили на разсмотрѣніе, сообразно ли съ достоинствомъ депутатовъ великаго народа именовать Короля *Всемилостивѣйшій Государь и Ваше Величество*. Такая дерзость воспрепятствовала Людовику XVI ишти самому для открытія Законодательнаго Собранія; но какъ въ слѣдующее засѣданіе большая часть членовъ Собранія очувствовались, то Монархъ, желавшій только единства и мира, пришелъ въ оное. Онъ принятъ тамъ былъ съ честію, приличною его сану и добродѣтелямъ. Предсѣдатель Пастореть сказалъ сіе привѣтствіе: «Всемилостивѣйшій Государь! вы сами сказали «въ семъ храмъ отечества, что имѣете «нужду въ любви Французовъ; а мы имѣемъ нужду съ вашей любви.» Долго по всей залѣ раздавались рукоплесканія, кои и увѣрили на минуту, что воцарится согласіе между двумя соперничествующими властями и доставитъ благоденствіе имперіи. Первыя дѣйствія Собранія.

Сіи надежды были кратковременны и продолжались только нѣсколько дней. Въ прежнемъ Собраніи раздоръ царствовалъ непрестанно какъ между членами онаго и

Королемъ, такъ и между самыми членами. Мнѣнія, всегда противуположныя, не только не просвѣщали и не производили щастливыхъ послѣдствій, но еще усиливали ненависть партій, кои тогда противъ воли своей молчали. Но съ открытія Законодательнаго Собранія, размысливъ въ тайнѣ, загремѣли. Скоро Законодательное общество и Французской народъ раздѣлились въ мнѣніяхъ, и одни хотѣли сохранить монархическое правленіе, другіе основать правленіе республиканское: состояніе весьма неспособное къ соблюденію тишины. Въ столь трудныхъ обстоятельствахъ Королевскіе министры не знали, что дѣлать. Они имѣли право засѣдать въ Собраніи, но являлись въ ономъ только для отвѣта по оскорбительнымъ вызовамъ. Имъ оказывали ненависть, внушаемую самовластіемъ, и презрѣніе, производимое властію безъ силы, и они слабо занимались государственными дѣлами.

Первое важное разсужденіе было прекратить переселеніе изъ государства. Въ семъ случаѣ царствовало во Франціи всеобщее безпокойство, и Собраніе вскорѣ доказало, что само не изъято отъ онаго. Отсюда произошли два опредѣленія, изъ коихъ первымъ предписывалось Станиславу Ксавьеру, Французскому Принцу, возвратиться во Францію въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, подъ опасеніемъ за ослушаніе лишиться своего случайнаго права на регентство; вторымъ

обѣявлялись подозрительными вѣ заговорѣ противѣ отечества и виновными тѣ, кои еще останутся вѣ такомѣ положеніи до перваго числа слѣдующаго Генваря, и повелѣвалось казнить ихѣ смертію. Таковы были начала законоположенія вѣ разсужденіи выходцевѣ, которые произвели новыя сѣмена неудовольствія и ненависти, и коихѣ злоупотребленіе девять лѣтѣ помрачало лѣтописи Французской революціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Краткое изображеніе происшествій до 1792 года.

Новыя перемѣны вѣ министерствѣ. Его весьма унижаютѣ.

Справедливо полагали, что министры, находившіеся среди неизвѣстности о Королѣ и буйной дерзости начальниковѣ партіи, не могли долго оставаться на мѣстахѣ. Они ударялись другѣ о друга, подобно волнамѣ во время бури, и бѣдствія тѣхѣ, кои содѣлались жертвами, не произвели никакого страха вѣ смѣлыхѣ ихѣ преемникахѣ.

Прекрасный департаментѣ иностранныхѣ дѣлѣ, по удаленіи Монтморина остававшійся праздныѣ, сперва предложенѣ былѣ Королемѣ Послу Дюмустье, потомѣ Графу Сегюру. Перваго мятежники обѣявили вѣ Собраніи врагомѣ отечества, потому что онѣ былѣ другѣ своего Короля; и Лудовикѣ, чтобѣ пользоваться его услугами безѣ всякой опасности для престола, принужденѣ былѣ отправить изѣ Берлина посломѣ вѣ

Константинополь. Графъ Сегюръ, наканунѣ того дня, въ который надлежало ему вступить въ Совѣтъ, зашелъ по случаю въ Народное Собраніе. Онъ примѣтилъ тамъ всѣ оскорбленія, коими начальники партіи поражали военнаго министра Дюпорталя; и отправилъ къ Королю просительное письмо, чтобъ онъ оставилъ его въ уединеніи. Должность его поручена была на время Г. Леосарту.

Лессартъ не былъ пріятенъ господствующей сторонѣ. Онъ первоначально раздражилъ ее предложеніемъ плана конституціонной гвардіи Лудовика XVI, и Аббатъ Фоше, Епископъ Кальвадоскій, принялъ на себя трудъ отмстить ему. Онъ потребовалъ 3 Декабря опредѣленіе, служащее къ обвиненію сего вѣроломнаго министра. Слово сіе въ нечестивыхъ устахъ его значило похвалу. Какъ сей поступокъ былъ неудаченъ, то Епископъ, начальникъ партіи, и возвратился къ должности въ засѣданіе 19 числа; но обвиненный министръ оправдался съ благородствомъ и истиною, и убѣдилъ всѣхъ, что выходъ его непріятеля значилъ ничто иное, какъ сплетеніе клеветы и обмановъ. Фоше безъ всякаго смущенія хотѣлъ возражать, но раздраженное Собраніе не согласилось его слушать, и кончило засѣданіе.

Военный министръ Дюпорталь, какъ мы видѣли, подвергся такимъ же оскорбленіямъ, какъ и добрый Лессартъ. Наконецъ онъ при-

бѣгнулъ къ хитрости и испросилъ увольненія отъ службы. Преемникомъ ему былъ Графъ Лудовикъ Нарбонскій.

Въ то время, когда министры не знали, какъ поступать, чтобъ угодить въ одно время Королю и Народному Собранію, чтобъ согласить чувствія совѣсти со мнѣніями ежедневно увеличивающимися, и дѣлать добро, не подвергая жизнь свою опасности, благоразуміе должно бы заставить Графа Нарбонскаго отказаться отъ предлагаемаго мѣста, сколь почтенно оно ни было. Такъ думали разсуждающіе о вещахъ по событіямъ; но въ опасныхъ обстоятельствахъ, по справедливости, не позволительно отказываться отъ важнаго мѣста, коль скоро есть надежда сдѣлать какое нибудь добро, или по крайней мѣрѣ уменьшить зло, коего прекратить невозможно.

Графъ Нарбонскій, всѣми вообще любимый за кротость и великость своего характера, надѣялся, что услуги его и безчисленныхъ друзей его будутъ полезны Королю. Сія причина была весьма достаточна склонить его, и онъ согласился. Ежели когда министръ дѣйствовалъ столь искусно въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ, то это сдѣлалъ онъ. Но коль скоро обнаружилъ, что образъ мыслей его не сходенъ былъ съ высокими правилами тѣхъ временъ, то и потерялъ свой перевѣсъ. Между тѣмъ Король показывалъ себя твердымъ. Хранитель печати объявилъ Законодательному Собра-

нію обѣ опредѣленіяхѣ, утвержденныхѣ симѣ Государемѣ; но дошедши до законовѣ въ разсужденіи выходцевѣ, онѣ донесѣ по порядку, что Монархѣ сіе разсмотритѣ. Это весьма раздражило начальниковѣ партіи.

Въ сіе время клубы обѣявили о собраніи выходцевѣ и въ Кобленцѣ и на границахѣ. Сего довольно уже было для возбужденія безпокойства: учредили новый Комитетѣ, подѣ именемѣ Комитета Общественнаго Благосостоянія. Какѣ Курфирсты Трирскій и Кельнскій, обвиняемые Французами за покровительство сихѣ собраній, въ томѣ не защищались; то и начали поносить на каѳедрѣ Людовика XVI, что онѣ не вооружался для уничтоженія сихѣ сборищѣ. Иснардѣ на сей случай сказалѣ самую язвительную рѣчь. »Представьте, говорилѣ онѣ: воля одного »человѣка можетѣ здѣсь связывать волю »всего народа; того человѣка, который по»жираетѣ пропитаніе 30 милліоновѣ, между »тѣмѣ какѣ милліоны свободныхѣ людей »умираютѣ отѣ голоду.... Скажемѣ мини»страмѣ, его окружающимѣ, что они по за»кону обязаны отвѣтственностію, и что »чрезѣ сіе слово, отвѣтственность, мы по»нимаемѣ смерть.... Скажемѣ Европѣ, что »ежели кабинеты вооружаютѣ Королей про»тивѣ народовѣ, ты вооружимѣ народы про»тивѣ Государей.... Скажемѣ ему, что »десять милліоновѣ Французовѣ, пламенѣю»щихѣ любовію кѣ свободѣ, могутѣ одни, »ежели раздражатѣ ихѣ, перемѣнитѣ весь

«свѣтъ и привесть въ трепетъ тирановъ на «ихъ скудѣльныхъ престолахъ. « Сумазбродныя рукоплесканія, сопровождавшія нелѣпую рѣчь Иснарда, причинили безпокойства Совѣту. Король тотчасъ, 14 Декабря, написалъ Народному Собранію, что приказалъ объявить Курфирсту Трирскому и прочимъ Нѣмецкимъ Князьямъ: ежели они будутъ покровительствовать непріятельскія толпы, состоящія изъ бѣглыхъ Французовъ, онъ не иначе будетъ взирать на нихъ, какъ на враговъ короны. Въ то же время военный министръ Нарбонъ объявилъ депутатамъ, что прежде мѣсяца соберутся сто сорокъ тысячь человѣкъ на границахъ для устрашенія Государей, возмущающихъ спокойствіе Европы.

Смятенія и бунты, производящія раздоръ въ духовенствѣ.

Вѣра, какъ существенное основаніе, вытекала въ древнія учрежденія монархіи, и сіе самое заставило начальниковъ партіи стараться о уничтоженіи оной. Весьма примѣтное различіе духовенства не присягавшаго и духовенства конституціоннаго пищало повсюду смятеніе и раздоръ. Возмущеніе въ городѣ Каенѣ, во время котораго національная гвардія, упившаяся кровію, вошедши въ церковь съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ, ранила или убивала людей, убѣжавшихъ къ подножію олтаря, произвело сильное впечатлѣніе на Собраніе. Оно подало поводъ взять подъ стражу 82 дворянъ. Пылкій Иснардъ опять въ сію минуту явился на каѳедрѣ; онъ потребовалъ, чтобъ

вообще изгнали все духовенство и наказали смертію каждаго изъ возмутителей. Законодательное Собраніе опредѣлило взыскать въ наказаніе деньги со всякаго члена духовенства, который не согласится принять гражданской присяги, и всякаго священника-возмутителя отправить въ ссылку и заключить въ темницу.

Не удовольствовались тѣмъ, что поразили тяжкими опредѣленіями вѣрное духовенство для покоренія онаго подъ власть закона; нужно еще было, чтобъ исполнительная власть сіе подтвердила. Епископы древней монархіи, скрывавшіеся въ столицѣ, подали на сей случай, чрезъ Епископа Узескаго, записку для объясненія вѣры Монарху. Король, по доброму своему расположенію, объявилъ съ такою силою, которой не можно было отъ него ожидать, что онъ никогда не утвердитъ таковаго опредѣленія. Онъ не согласился также и на предложенія Министра Внутреннихъ дѣлъ составить домовую церковь изъ конституціонныхъ священниковъ. Между тѣмъ волненіе клубовъ противъ сего рода несоглашенія исполнительной власти могло имѣть пагубнѣйшія послѣдствія. Весьма умное опредѣленіе главнаго Совѣта Парижскаго департамента погасило на минуту сіи искры революціоннаго фанатизма. Члены онаго, по благоразумномъ разсужденіи, сами заклинали Лудовика XVI, чтобъ онъ не утверждалъ столь безнравственнаго постановленія зако-

нодательной власти. Журналистъ Камиллъ Демулень сколько ни говорилъ Народному Собранію, что сіе постановленіе есть первый листочикъ въ протоколъ противъ революціи; сколько ни напоминалъ отцамъ отечества, что хотя и поручено имъ спасеніе государства, однако оно умѣетъ само себя спасать: но планъ сдѣлать праздникъ С. Варѳоломея для служителей принятъ былъ новымъ законодательствомъ.

Сіи гоненія противъ духовенства Французскаго случились въ одно время съ отставкою отъ Парижскаго мерства Бальи, человѣка добраго, котораго метафизика о свободѣ, противъ чувствій сердца, заставляла участвовать иногда въ народномъ сумазбродствѣ; который стыдился, сдѣлавшись жертвою онаго, и котораго память осталась священною въ потомствѣ, ежели бы онъ непредсѣдательствуя въ бурномъ собраніи законодателей, предпочелъ оному засѣданіе въ трехъ Академіяхъ. Петіонъ опредѣленъ Парижкимъ Меромъ.

Надобно было назначить преемника Бальи. Голоса, по видимому, должны обращены быть на Петіона и Файета. Файету не благопріятствовалъ дворъ и Якобинцы: дворъ потому, что тамъ твердили слова Королевы, будто онъ для того желалъ быть Парижскимъ Меромъ, чтобъ сдѣлаться первымъ министромъ; Якобинцы за то, что исполненіе военнаго закона на Марсовомъ полѣ они почитали такимъ преступленіемъ, которое одна только смерть могла загладить.

Изъ числа десяти тысячь избирателей Петіонъ склонилъ на себя 6722 голоса, и въ благодарность за сіе обѣщалъ начальникамъ партіи испровергнуть престолъ.

Славное объявленіе порядка засѣданія, напомянувшее законодательному Собранію о обязанности онаго.

Послѣднее достопамятное происшествіе, случившееся въ сію первую четверть года Законодательнаго Собранія, есть объявленіе порядка засѣданій, которое много заставило думать здравомыслящихъ членовъ. Ораторъ разсмотрѣлъ тогда, что Собраніе должно дѣлать, и что оно сдѣлало; что оно было по причинѣ раздоровъ въ немъ происходившихъ, и чѣмъ должно быть по своему уставу. Здѣсь выставлены были всѣ заблужденія и злодѣянія трехмѣсячнаго засѣданія. »Между тѣмъ, присовокупилъ Ора»торъ, Французскій народъ на насъ взи»раетъ и судитъ о насъ; и когда я говорю »о народѣ, не разумѣю того, который при»сутствуетъ при нашихъ ненавистныхъ »прѣніяхъ; ибо Франція заключается не въ »одномъ Парижѣ, и Парижъ не на каѳед»рахъ..... Члены Собранія! пріимите видъ »важный; не удаляйтесь отъ общаго благо»нравія и не думайте, что вы, пріявъ вы»сокія обязанности, стоите уже на верху »правъ вашихъ.«

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Прьніе Законодательнаго Собранія съ министерствомъ въ первые пять мьсяцовъ 1792 года.

Особа Короля, по новой конституціи, была священна; почему Законодательное Собраніе не могло иначе касаться его, развѣ только посредствомъ министровъ, составлявшихъ Совѣтъ его: и вотъ та цѣль, которую всегда имѣло въ виду гнусное безпокойство Собранія съ 1 Генваря до 31 Марта 1792 года. Французская исторія, въ теченіи сего времени, почти вся состоитъ изъ пронырствъ начальниковъ партіи, дабы окружить престолъ министрами имъ преданными, и изъ пронырствъ министровъ, преданныхъ престолу, употребляемыхъ ими для уничтоженія замысловъ начальниковъ партіи. 1792.

Съ первыхъ дней Генваря Законодательное Собраніе, для составленія министерства изъ Якобинцовъ, вознамѣрилось постановить опредѣленіе, которое бы связывало волю Короля и лишило бы его силы противиться покушеніямъ, непрестанно увеличивающимся, на права короны; но, чтобъ опредѣленіе сіе имѣло силу закона, имѣло оное нужду въ подтвержденіи. Всякой могъ ясно видѣть, что Лудовикъ XVI, сколь ни былъ слабъ, никогда не рѣшится подвергнуть себя толикому поношенію. Тогда бунтовщики обратились къ другой сторонѣ,

и, сравнивъ беззаконный Кодексъ Конституціоннаго Собранія съ нѣкоторыми пустыми и незначительными учрежденіями новаго конституціоннаго законоположенія, вознамѣрились всю отвѣтственность возложить на министровъ, коихъ ужасъ довелъ до совершенной ничтожности. Переметчикъ Герольтъ Сешель взялся за ненавистное дѣло быть истолкователемъ начальниковъ партіи, и исполнилъ оное достойнымъ образомъ, вразумивъ, что въ случаѣ вѣроломства наказаніемъ членовъ государственнаго Совѣта можетъ служить лишеніе гражданства, задержаніе, оковы и смерть. Сіе называлъ онъ *торжествомъ гражданскаго равенства и новою побѣдою философіи надъ предразсудками.* Другіе орапоры подтвердили сіи лжемудрованія пылкостію революціоннаго краснорѣчія и всѣми вѣроломными увертками.

Бертрандъ Моллевиль.

Первая туча въ семъ періодѣ 1792 года ударила надъ головою министра морскихъ силъ Бертранда Моллевиля, человѣка просвѣщеннаго и истинно привязаннаго къ престолу, который для удержанія себя на мѣстѣ не хотѣлъ льстить обѣимъ сторонамъ. Онъ, извѣстившись о злоумышленіи Якобинцевъ, явился въ Собраніе для объясненія, которое его уже однажды защитило. *Конечно могутъ умертвить меня,* сказалъ онъ, *и я буду того остерегаться; но я не вѣрю, чтобъ въ опредѣленіи сдѣлали меня виновнымъ,* Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на пронырства господствующей партіи, не смот-

ря на вопли наемныхъ ораторовъ, доносъ былъ отвергнутъ; но постановили, что, какъ министръ не былъ обвиненъ законнымъ порядкомъ невиннымъ, то отнесся бы запискою къ Королю, для объясненія клеветы, противъ него употребленной, и пріобрѣтенія прежняго права на довѣренность Государя. По одержаніи сей первой побѣды, предложено было возстановить обвинительный приговоръ; и наконецъ успѣли такъ обмануть Короля, и прозьбы военнаго министра Нарбона о снятіи у него департамента сдѣлались столь неотступны, что въ тотъ же самый день, въ который послѣдній былъ уволенъ, первый подалъ въ отставку. Король, по полученіи оной, написалъ ему одно изъ тѣхъ писемъ, кои посылалъ Генрихъ IV къ Сюлли; чѣмъ и облагородилъ сей родъ паденія. Должность его поручена была первому повѣренному министра морскихъ силъ Лакосту, человѣку честному, хотя и любимому Якобинцами.

Нарбонъ.

Военный министръ Нарбонъ, всѣми силами защищавшій престолъ, долго служившій подпорою онаго и умѣвшій держаться въ любви у народной стороны, вдругъ испыталъ участь, подобную своимъ предшественникамъ. Не смотря на всю его способность и умъ, столь искусной въ примиреніи сторонъ, онъ потерялъ довѣренность главныхъ членовъ Собранія, и что должно бы по необходимости усугубить къ нему до-

вѣренность Монарха, то не воспрепятствовало потерять ему оную въ одно время.

Начальники партіи, почитавшіе друзьями однихъ только *Санкюлотовъ*, были явными врагами всѣхъ приближенныхъ къ особѣ Короля, а слѣдовательно и его министровъ, какое бы они ни обнаруживали мнѣніе въ пользу революціи. Сіи изверги употребляли всѣ средства ко вреду министровъ, и для приведенія ихъ въ ненависть ежедневно выходилъ новый доносъ, который хотя не имѣлъ ни малѣйшаго основанія, однако всегда доводимъ былъ до желанной цѣли. Такимъ образомъ успѣли они лишить довѣренности военнаго министра, котораго Законодательное Собраніе защищало, по видимому, до сего времени.

Съ другой стороны Лудовикъ XVI, всегда опасавшійся обмана отъ приближенныхъ къ нему, и по причинѣ частыхъ перемѣнъ, происходившихъ въ министерствѣ, не имѣвшій довольно времени узнать совершенно членовъ своего Совѣта, къ нещастію, повѣрилъ, что Графъ Нарбонскій болѣе привязанъ былъ къ бунтовщикамъ, нежели къ престолу, и рѣшился отблагодарить его. Г. Нарбонъ, въ то самое время, когда, можетъ быть, почиталъ себя совершенно твердымъ въ министерствѣ, получилъ отъ Короля записку слѣдующаго содержанія: »Предупреж»даю васъ, государь мой, что я назначилъ »въ военный департаментъ Г. Гравъ: вы »здадите ему свою должность.«

Кайерь Жервиль въ сіе время занималъ министерство внутреннихъ дѣлъ. Онъ былъ человѣкъ доброй, который смотрѣлъ на добро и зло съ должной стороны, а не по желанію бунтовщиковъ. Есть его донесеніе о положеніи Франціи, въ которомъ онъ, показывая паденіе престола, возстаетъ со всею силою противъ ужаснаго могущества клубовъ и открываетъ бездну безначалія. Ненависть къ Королямъ, родившаяся въ немъ вѣроятно отъ пребыванія между членами третьяго сословія, не уклоняла его къ несправедливости въ разсужденіи Лудовика XVI. Я охотно уступаю, говорилъ онъ, быть ему Королемъ, потому что онъ честный человѣкъ. Сей министръ, кто бы тому повѣрилъ? подвергся также уничиженію отъ Народнаго Собранія; ему объявили донесеніе Комитета, содержащее 20 обвинительныхъ статей противъ него. Онъ не имѣлъ привязанности къ своему мѣсту, и подалъ въ отставку. Должность его поручена знаменитѣйшему Роланду, ревностнѣйшему защитнику отечества, который былъ доведенъ патріотами до такой необходимости, что самъ себя предалъ смерти. Кайерь Жервиль.

Канцлеръ Дюпортъ Третръ, простой повѣренной до всеобщихъ государственныхъ Чиновъ, возведенный Генераломъ Файетомъ на первое достоинство въ королевствѣ, былъ также членъ, взятый со стороны народной, но еще до возвышенія народной власти. Сей министръ былъ человѣкъ здравомыслящій, Дюпортъ Третръ.

знавшій измѣненія революціи и удалявшійся отъ оной, коль скоро увидѣлъ ее причиною всѣхъ злодѣяній. Онъ желалъ министерства не для уваженія Лудовика XVI, а вступивши въ Совѣтъ, рѣшился раздѣлять съ нимъ опасности. Ежели бы Государь сей всегда имѣлъ около себя однихъ только Мальгербовъ, Моллевилевъ и Дюпортовъ Третръ, особливо ежели бы онъ постарался всѣми силами удержать ихъ, можетъ быть корона осталась бы на главѣ его. Когда Третръ узналъ, что бунтовщики въ Законодательномъ Собраніи вознамѣрились раздѣлить на части министерство и составить другое, все взятое изъ ихъ круга: то пришелъ гордо въ Собраніе и потребовалъ, чтобъ сообщили ему доносы и обвиненія, приготовляемыя на него тайно въ Комитетахъ, и тѣмъ самымъ разсѣялъ на минуту злоумышленіе; но нещастіе министра Лессарта открыло ему глаза, и онъ подалъ въ отставку. Преемникомъ ему былъ въ департаментѣ Юстиціи Дюрантонъ. Дюпортъ отставкою своею не истребилъ въ непріятеляхъ ненависти. Дѣло его подняли въ Народномъ Собраніи; его обвинили въ нарушеніи закона, въ оскорбленіи конституціи и, что болѣе всего раздражало господствующую сторону, въ похищеніи законодательной власти. Всѣ преступленія, служившія къ подтвержденію сего донесенія Комитетовъ, были или ложныя, или маловажныя. Дѣло продолжалось до 20 Іюня. Въ сіе время постановлено

было опредѣленіе, по согласію почти всѣхъ голосовъ, коимъ объявлялось, что никакое обвиненіе не можетъ имѣть мѣста противъ стараго Канцлера; но начальники партіи никогда не прощаютъ, особливо когда будутъ оскорблены. Возобновили дѣло его въ нещастное время владычества Комитета Общественнаго Благосостоянія, и нещастный погибъ на эшафотѣ.

Здѣсь не нужно говорить о военномъ министрѣ Гравъ, который не успѣлъ опредѣлиться, какъ по слабости здоровья и маловажному дѣлу, въ кое вовлекъ его Дюмурье, болѣе, нежели по ненависти Якобинцевъ, подалъ въ отставку. Генералъ Серванъ заступилъ мѣсто его.

Тарбе, прежній правитель государственныхъ доходовъ, человѣкъ трудолюбивый и честный, но не имѣвшій отличныхъ дарованій для перваго мѣста, по сему самому ничтожеству едва примѣтенъ былъ въ Совѣтѣ. Послѣ его поручили государственныя подати Женевцу Клавіеру, одному изъ начальниковъ партіи, который болѣе всѣхъ сдѣлалъ ненавистною революцію и который сдѣлался жертвою оной.

Лессартъ. Особа, несравненно отличнѣйшая въ семъ гонимомъ министерствѣ была Болдекъ Лессартъ, долго занимавшій должность министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ ревностный приверженецъ престола и стремился прямо къ возстановленію онаго, не страшась Махіавелизма Комитетовъ и не-

истовства начальниковъ партіи. По нещастію онъ подвергся ненависти Бриссота, который, бывъ начальникомъ *патріотовъ Французскихъ*, сообщалъ желчь своихъ сочиненій 20,000 человѣкъ, содержащимся на жалованьѣ. Они почерпнули въ семъ мятежническомъ журналѣ предлоги къ гоненію. Бриссотъ, предугоповивъ умы, взошелъ на каѳедру, подъ предлогомъ войны, намѣреваемой противъ Императора, и безъ всякихъ околичностей объявилъ, что Министръ Иностранныхъ дѣлъ былъ измѣнникъ, и что онъ скоро сіе докажетъ. Потомъ онъ открылъ съ выразительностію двѣ обвинительныя статьи пустыя, ложныя, или представленныя подъ видомъ вѣроломства. Главная состояла въ томъ, что Лессартъ не сообщилъ Собранію о Пильницкомъ договорѣ, который бы извѣстилъ Францію о союзѣ; между тѣмъ какъ союзъ сей не существовалъ ни одной минуты, и пустыя подозрѣнія объ ономъ основаны были на однихъ только несправедливыхъ увѣреніяхъ революціонныхъ журналовъ. Бриссотъ заключилъ, по однѣмъ своимъ догадкамъ (ибо Дипломатическій Комитетъ объявилъ, что ему дѣло сіе совершенно неизвѣстно), заключилъ, говорю, чтобъ объявить министра виновнымъ въ государственной измѣнѣ.

Собраніе, имѣвшее о Лессартѣ не столь ненавистное мнѣніе, долго не разсматривало его ужаснаго обвиненія. Краснорѣчивый Верьодъ и одинъ изъ Героевъ Жиронды,

котораго имя непріятно здѣсь видѣть, рѣшилъ его, основываясь на ложномъ произшествіи, ему доставленномъ; онъ сказалъ: «вы услышите не меня, но плачевный, жалобный гласъ, изходящій отъ ужасной льдяной горы Авиніонской; она вопіетъ вамъ: опредѣленіе о присоединеніи сего графства къ Франціи послѣдовало Сентября 1791 года, и ежели бы министръ поспѣшилъ послалъ насъ, земля наша не была бы осквернена и поругана ужаснѣйшимъ злодѣяніемъ. Лессартъ хранилъ опредѣленіе подъ сукномъ два мѣсяца, и наша кровь, наши обезображенные трупы требуютъ отмщенія за его злоумышленную недѣятельность.»

Надобно замѣтить, что до объявленія Верньода, министръ, въ томъ же дѣлѣ обвиняемый, доказалъ, что въ одно время съ опредѣленіемъ сдѣлано было отправленіе войскъ; но во время изступленія, произведеннаго симъ ораторскимъ движеніемъ, никто не хотѣлъ разсматривать происшествій: нещастнаго обвинили большинствомъ голосовъ, и Король принужденъ былъ мнимаго преступника посадить подъ стражу и опечатать его бумаги. Лессартъ, надѣясь на свою невинность, самъ предложилъ ѣхать въ Орлеанъ для сужденія въ Верховномъ Народномъ Собраніи. Онъ пробылъ тамъ въ темницѣ шесть мѣсяцевъ безъ всякаго судопроизводства; а потомъ перевезли его въ Версалію въ Сентябрѣ, и онъ со мно-

жествомъ знаменитыхъ жертвъ умерщвленъ былъ безчестно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Война съ Императоромъ Леопольдомъ.

Франціи извѣстны были основанія Пильницкаго договора. Подлинное извѣстіе, сообщенное Княземъ Кауницомъ Французскому послу въ Вѣнѣ, сняло наконецъ всѣ завѣсы. Тогда Народное Собраніе предложило свою каѳедру всѣмъ начальникамъ партіи, дабы воспламенить Французовъ приближеніемъ войны за свободу, которая угрожала, такъ сказать, всей Европѣ. Гадетъ и Жинсоне явились по сему призыву. Они употребили все республиканское краснорѣчіе для воззванія на войну, объявленную монархіи Людовика XVI, и война была опредѣлена. Бриссотъ продолжалъ работу начальниковъ партіи, нападая съ ядовитостію на Леопольда и Европейскихъ Государей. «Ваша конституція, говорилъ онъ, служитъ вѣчнымъ »прокляті́емъ самовластнымъ Государямъ; »она вызываетъ ихъ на судъ, произноситъ »имъ приговоръ; она, кажется, говоритъ »каждому изъ нихъ: *завтра же тебя не будетъ, или ты будешь Королемъ только »отъ народа.*« Пылкой Иснардъ вступилъ также на поприще. »Жребій брошенъ, говорилъ онъ: мы желаемъ равенства, хотя »бы оно стоило намъ гроба; но прежде не»жели мы сами сойдемъ во гробъ, повержемъ

„въ оной всѣхъ измѣнниковъ .... Нужна вой-
„на; Король справедливъ; онъ имѣетъ доб-
„рое сердце, и объявитъ ее; онъ долженъ
„ясно видѣть, что народъ, забывшій два его
„проступка, не забудетъ третьяго.... Что
„касается до министровъ, первый, кто вздy-
„маетъ намъ измѣнить, лишится головы.„

Король надѣялся прервать Пильницкой союзъ безъ кровопролитія: наконецъ принужденъ будучи уступить верховной воли Законодательнаго Собранія, онъ пришелъ въ оное 20 Апрѣля и сказалъ, что рѣшился объявить войну Императору, подъ предлогомъ, что сей Государь нарушилъ торжественно миръ 1756 года.

Вмѣстѣ съ подписаніемъ объявленія собраны были строевыя войска. Три корпуса, подъ начальствомъ Генерала Файета и Французскихъ Маршаловъ Люкнера и Рошамбо, должны были, явившись со стороны Брабанта, весьма склонной къ бунту, стать на шестьдесятъ миль между военнымъ позорищемъ и Французскими границами, какъ вдругъ извѣстились о смерти Императора Леопольда. Вотъ первый выигрышъ Франціи въ дѣлѣ съ Европейскими Государями

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Различныя произшествія, въ то же время случившіяся.

Дюмурье, человѣкъ свѣдущій и весьма опытный въ дипломатикѣ, мало заботился Начало министерства

стерства Дюмурье.

отличиться во время революціи, которую нещастія 1789 года заставили его уважать. Обремененный печалію и долгами, онъ, удалившись въ Ніортъ, желалъ жить въ неизвѣстности отъ людей; какъ министръ Лессартъ, имѣвшій нужду въ подпорѣ Жирондистовъ по уголовному дѣлу возводимому на него начальниками партіи, узналъ о связяхъ его съ Жансонне, отправилъ ему министерское приказаніе, чтобъ онъ немедленно пріѣзжалъ подъ предлогомъ, что дастъ ему важное мѣсто въ дипломатикѣ, и въ то же время доставилъ ему 6000 франковъ на уплату долговъ. Жансонне, по прибытіи Дюмурье въ Парижъ, представилъ, что съ его способностями и любовію къ народной свободѣ удобнѣе ему заступить мѣсто Лессарта, нежели защищать сего послѣдняго отъ всеобщей ненависти. Дюмурье вздумалъ испытать сіе, и честолюбіе заглушило признательность. Жансонне ввелъ своего друга въ Народныя Собранія; а сей послѣдній, укротивъ естественное въ себѣ сопротивленіе, взошелъ на каѳедру Якобинцевъ въ красномъ колпакѣ. Жирондисты, клубы, Законодательное Собраніе, приняли съ сего времени Дюмурье подъ свое покровительство, и принудили слабаго Лудовика XVI отдать ему департаментъ иностранныхъ дѣлъ.

Ежегодно назначалось изъ государственной казны по 1,500,000 франковъ на тайные расходы сего департамента, чего и

довольно было для Лессарта и Монтморина; Дюмурье едва вступилъ въ должность, какъ успѣлъ увеличить сію сумму до 4,500,000 ливровъ. Съ таковыми пособіями онъ могъ нанимать журналистовъ, подкупать начальниковъ народной стороны, перемѣнить мнѣніе народное и спасти Короля; но недѣятельность погубила и самаго его и монархію.

Подметное письмо госпожи Ламотъ на Королеву.

Въ сіе же время подметное письмо славной Графини де ла Моттъ Валуа на Королеву подало поводъ Якобинцамъ излить ненависть свою и ругательство на сію Государыню. Письмо сіе напечатано было въ Лондонѣ и распространилось по Франціи и по Европѣ. Надзиратель гражданскаго списка, въ надлежащее время увѣдомленный, по благоразумію своему купилъ цѣлое изданіе прежде, нежели вышелъ одинъ экземпляръ онаго; но вмѣсто того, чтобъ сжечь оное тайно въ своемъ домѣ, отправилъ кипы на Севрской фарфоровой заводъ для истребленія въ печахъ. Таинственной видъ дѣла сего возбудилъ подозрѣніе у жителей Сен-Клу, кои увѣдомили тотчасъ о томъ Народное Собраніе; а сіе въ буйствѣ своемъ возмнило, что сожженныя кипы были нечто иное, какъ архивъ изъ Австрійскаго Комитета, произвело соблазнительный шумъ, послало Лапорта на заставу, и увѣдомившись точно о происшествіяхъ, кончило хладнокровно засѣданіе

Ненавистная баснь.

Австрійскій Комитетъ, выдуманный съ адскимъ искусствомъ для того, чтобъ пре-

о Комитетѣ Австрійскомъ.

столь сдѣлать ненавистнымъ, имѣлъ такое вліяніе на роковые дни 20 Іюня и 10 Августа, что Историкъ былъ бы виноватъ, ежели бы не остановился на минуту и не изобразилъ бы, хотя кратко, революціи Французской.

Давно уже начальники партіи, вымышлявшіе злодѣянія, дабы послѣ имѣть случай наказывать за оныя, разпространяли слухъ, что Вѣнскій кабинетъ заключилъ союзъ съ Тюльерійскимъ, дабы вывезть деньги изъ Франціи въ Австрію, разстроить всѣ военныя Французскія дѣйствія и предать Францію на раздробленіе непріятелямъ. Махіавели, вымысливше баснь сію, дѣлали участниками сего Комитета всѣхъ друзей Короля, съ коими хотѣли развязаться, и сообразно съ симъ основаніемъ составили свои списки для изгнанія. Бриссотовъ *Французской патріотъ* и Кондорсетова *Парижская хроника* наполнялись симъ ядомъ и разливали оный по департаментамъ. Наконецъ Бертрандъ Моллевиль, увѣдомившись, что Кара назначилъ его и друга его Монтморина въ первый изъ клубовъ, какъ начальниковъ сего мнимаго Комитета, извѣстилъ посредствомъ Мирнаго Судіи Ларивьера о писателяхъ и распространителяхъ клеветы. Жалоба, которой въ Парижѣ распространилось до 10,000 экземпляровъ, и различные допросы, взятые съ обвиненныхъ, довели до страннаго открытія. Источникъ пронырства заключался въ Комитетѣ Общественнаго Благосостоянія, въ коемъ Базиръ и Капуцинъ Шаботъ пред-

ставляли главнѣйшія лица. Тогда Ларивьерb, сопровождаемый внутреннею канцеляріею Судей Мира, пришелb вb Законодательное Собраніе объяснить свою невинность. Сіе достопамятное дѣло кончилось опредѣленіемb, осуждающимb нещастнаго Ларивьера, какb виновнаго вb оскорбленіи достоинства народныхb депутатовb, за то, что приказалb исполнить указb о призывѣ вb судb трехb членовb Комитета Общественнаго Благосостоянія Судію Мирнаго отвели вb Орлеанb, и онb погибb во время Версальскаго пораженія.

Лудовикb XVI, для спасенія Ларивьера, послалb вb Собраніе Канцлера сb собственноручнымb письмомb, вb которомb просилb, чтобb вникнули во всѣ подробности дѣла мнимаго Комитета Австрійскаго. Сего не согласились разсматривать до обвиненія Ларивьера. Потомb Бриссотb и Жансонне, рѣшившись возжечь погасавшую ссору, объявили себя доносщиками на Австрійской Комитетb и угрожали, что они обратятb на главныхb виновниковb тѣ удары, кои хотѣли нанести Законодательному Собранію. Буйныя рѣчи сихb двухb начальниковb партіи противb двора и вѣрныхb министровb не соотвѣтствовали ожиданію клубовb, ихb на то вызывавшихb. Отвѣты Моллевиля и Монтморина посрамили предb народомb и Бриссота и Жансонне. Собраніе не смѣло приступить кb рѣшенію. Комитеты почли за лучшее предать дѣло забвенію, и никто

болѣе не вѣрилъ, чтобъ существовалъ Австрійскій Комитетъ, ниже самые возмутители, кои хотѣли употребить баснь сію къ испроверженію конституціонной монархіи.

Распущеніе гвардіи Людовика XVI.

Во время споровъ о Австрійскомъ Комитетѣ враги престола приводили въ доказательство существованія его выборы, сдѣланные изъ родственниковъ Кобленскихъ выходцевъ для составленія гвардіи Людовика XVI. Сіе обвиненіе, произшедшее изъ нечистыхъ устъ Базира, произвело въ Собраніи такое волненіе, что оно назначило засѣданіе, опредѣлило удвоить Парижскую гвардію и предположило, чтобъ Меръ ежедневно давалъ отчетъ о состояніи столицы. Сей ложный страхъ имѣлъ ту цѣль, чтобъ доставить поводъ къ ненаказанному нарушенію конституціоннаго опредѣленія. Наконецъ 30 Мая, въ три часа утра, послѣ сильнѣйшихъ и пятнадцать часовъ продолжавшихся споровъ, Королевская гвардія, состоящая изъ 1800 человѣкъ, была торжественно распущена за мнимое преступленіе, приписанное семи человѣкамъ изъ оныхъ. Страхъ, чтобъ сіе отборное войско не вооружилось противъ всегдашнихъ возмутителей общественнаго спокойствія, не позволилъ Законодательному Собранію обвинить всѣхъ 1800 человѣкъ. Здѣлано было постановленіе объ одномъ только начальникѣ ихъ Герцогѣ Брейзахскомъ. Сей честный Французскій кавалеръ могъ бы избѣгнуть нещастной своей участи. Самъ Король желалъ того; но мысль

о побѣгѣ, походящемъ на безславіе въ такомъ домѣ, каковъ Брейзахской, воспрепятствовала ему согласиться на прозьбы Лудовика XVI. Онъ самъ увѣдомилъ департаментъ, что ѣдетъ въ Орлеанъ, и въ послѣдствіи времени узнали, что онъ былъ умерщвленъ въ Версальской оранжереѣ съ прочими мучениками революціи.

Къ сему униженію престола не доставало одного согласія Короля. Государь рѣшился не давать онаго; но трусость министерства разрушила всѣ мѣры. Нещастный Государь написалъ трогательное и основательное письмо для объявленія законодателямъ своего несогласія на утвержденіе. Никто изъ членовъ Совѣта не захотѣлъ скрѣпить онаго. Король предложилъ, что онъ самъ пойдетъ въ Собраніе съ жалобою на дѣло о его гвардіи. Всѣ отказались провожать его. Таковое плачевное оставленіе заставило Лудовика XVI добровольно бросить свою корону къ ногамъ враговъ своихъ, и онъ послалъ свое согласіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Бѣдствія Франціи въ первую революціонную войну.

Когда Франція, ослѣпленная начальниками партіи, объявила войну конституціонному Королю своему, а въ послѣдствіи и всѣмъ прочимъ Европейскимъ Государямъ, то вѣроятно думали, что храбрость была наслѣдственною въ войскѣ ею составленномъ; но

сія храбрость сдѣлалась безполезною по недостатку порядка и искусства. Революціонный духъ истребилъ въ солдатахъ подчиненность; они почитали своихъ начальниковъ врагами, опаснѣйшими имперцевъ, съ которыми имъ надлежало сражаться. Сіи пагубныя правила были причиною пораженій при Монсѣ и Турнѣ и многихъ другихъ унизительныхъ непріятностей, къ стыду Французовъ наполняющихъ первые листочки ихъ лѣтописи.

Маршалъ Рошамбо, видя новую систему, введенную въ военную часть, также множество чиновниковъ, опасающихся ссылки, или по недоброжелательству уходящихъ въ свои помѣстья; видя цѣлые полки отступающіе отъ соединенія, и разсудивъ, что не можетъ быть безопасенъ въ виду непріятеля, сложилъ съ себя начальство и сообщилъ о томъ Совѣту.

Монархъ при семъ извѣстіи нашелся въ величайшемъ затрудненіи; но предуготовившіе сіи сѣти имѣли уже въ готовности планъ и предложили оный. По сему плану надлежало вступить въ переговоры съ Императоромъ Нѣмецкимъ и Королемъ Прусскимъ, дабы они дѣйствовали наступательно только въ крайности; а ежели это будетъ необходимо нужно для водворенія мира въ Европѣ, то предварить о началѣ ихъ дѣйствія манифестомъ, который, какъ говорятъ, и былъ заготовленъ. Сей поступокъ, безразсуднѣйшій всѣхъ учиненныхъ до нынѣ Людовикомъ XVI по совѣту злыхъ людей, не-

престанно его окружавшихъ, подалъ поводъ республиканской сторонѣ оклеветать его намѣренія, жаловаться на тиранію и хвалишься выгодами республики.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Новыя покушенія противъ престола.

По непоняшному безумію, обѣявшему всѣхъ въ сіи нещастныя времена, бунтовщики, угрожавшіе Собранію, несравненно болѣе безпокоились о движеніяхъ въ замкѣ, нежели о дѣйствительнѣйшихъ превратностяхъ войскъ Столько ложны были тогда мнѣнія, что нѣкоторые для исполненія своихъ намѣреній почитали сіи самыя бѣдствія полезнѣе самыхъ успѣховъ. Такимъ образомъ, пользуясь разбитіемъ войскъ, обѣявили, что управленіе войною не можетъ быть болѣе ввѣрено Монарху, котораго важнѣйшія выгоды соединяютъ съ непріятелями. Съ сего времени они замыслили принудить его отказаться отъ короны; и чтобъ успѣть въ томъ, употребили всѣ средства, состоящія въ ихъ власти. Какъ опирались они на такую часть народа, которая ничего не могла потерять, и которая напротивъ во время смятенія и безпорядка должна все пріобрѣтать, то роялисты и конституціонисты не имѣли средствъ къ обузданію злонамѣренныхъ.

Республиканцы сперва заставили разпустить конституціонную гвардію Короля.

Уже посѣяли они въ семъ войскѣ внутреннiе раздоры. Многiе гвардейцы сдѣлались донощиками на своихъ товарищей и чиновниковъ; всѣ неосторожные ихъ поступки тщательно были собираемы, и легко нашли средство обвинить ихъ въ несправедливости и намѣренiяхъ, противныхъ общему желанiю. Такимъ образомъ конституцiонная гвардiя была распущена; и чтобъ въ то же время воспрепятствовать, дабы нацiональная гвардiя, долженствующая по необходимости заступить ея мѣсто, не прилѣпилась къ древнимъ правиламъ вѣрности къ Королямъ своимъ, республиканцы заставили набрать 20,000 человѣкъ и назначить ихъ для смотрѣнiя *за ухищренiяли*, какъ называли они, *въ замкѣ*.

Опредѣленiе сiе принято было нацiональною гвардiею съ великимъ неудовольствiемъ. Они собрались, написали прозьбу, къ которой подписалась самая большая часть, и потребовали, чтобъ новый законъ, изданный противъ порядка однимъ министромъ, былъ обънявленъ. Другiе просители простерлись еще далѣе и обънявили министра измѣнникомъ народа и поносителемъ Парижской гвардiи. Поднялся сильный ропотъ, какъ и можно было то предвидѣть, противъ оратора. Тогда одинъ другъ Монарха, укрощая своимъ громкимъ голосомъ сей ропотъ, сказалъ: *Какъ! ужели наши министры сдѣлались кивотами завѣта, къ коимъ не льзя прикоснуться безъ того, чтобъ не быть пораженъ смертiю.*

Сіе патріотическое министерство было не такъ сильно, чтобъ начальники партіи, въ половину побѣдившіе, могли его слушать. Король, размысливъ, что чѣмъ болѣе онъ уступалъ, тѣмъ болѣе приготовлялъ новыхъ оскорбленій для своего престола, рѣшился не утверждать опредѣленія о двадцати тысячахъ человѣкъ. Сей мужественный поступокъ подалъ причину къ разрушенію Совѣта.

Падсніе Роланда и половины министерства.

Въ сіе время министерство раздѣлилось само противъ себя. Роландъ, желая въ ономъ господствовать и надѣясь на Сервана и Клавьера, самовластно предписывалъ свои законы Лакосту, Дюмурье и Дюрантону, которые сколько ни преданы были Якобинцамъ, съ нетерпѣніемъ переносили иго, возлагаемое на нихъ товарищами. Симъ послѣднимъ не трудно было внушить Монарху, что ежели онъ не отставитъ Роланда, то будетъ имѣть въ немъ придворнаго Мера. Велѣно было тремъ ссорящимся министрамъ сдать свои мѣста.

Роландъ тайно извѣщенъ былъ о своемъ паденіи прежде, нежели получилъ имянное о томъ повелѣніе. Тогда жена его, женщина великая по своимъ качествамъ, которая могла бы достойнѣе защищать лучшее дѣло, ночью составила и велѣла подписать ему то славное письмо къ Лудовику XVI, которое, предуготовивъ примѣчательный день 10 Августа, посрамило навсегда ея память. Въ семъ письмѣ было сказано, что какими бъ злодѣя-

ніями ни осквернила себя революція, но объявленіе правъ сдѣлалось, такъ сказать, *политическимъ Евангеліемъ*, а собраніе безъ основанія и связи законовъ 1791 года — *вѣрою*. Тамъ упомянуто, что революція *началась кровію, кровію и поддерживаться будетъ*. Но героиня, сочинившая письмо сіе, и министръ, впрочемъ человѣкъ добрый, подписавшій оное, довольно загладили сіе злодѣяніе своими усиліями, употребленными противъ виновниковъ общественнаго безпорядка, и мужественною смертію.

Собраніе, увѣдомившись отъ бунтовщиковъ, управлявшихъ имъ, о паденіи трехъ министровъ, почти единодушно опредѣлило, что они достойны народнаго уваженія и сожалѣнія. Сіе опредѣленіе, вмѣстѣ съ письмомъ, послано было въ 83 департамента.

Дюмурье, ненавидимый Якобинцами за содѣйствіе въ разсужденіи отставки трехъ министровъ, мало уважаемый Монархомъ за высокомѣрное предложеніе о наборѣ двадцати тысячь человѣкъ войска, вскорѣ по отставкѣ своей примирилъ на минуту великій клубъ Народнаго Собранія съ Тюльерійскимъ замкомъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ поручено было Маршалу Шамбонасу, военныхъ силъ Жарри, внутреннихъ дѣлъ Терье де Монсьель, а сборы государственныхъ податей Больё.

Оскорбленія королевскому

Между тѣмъ Лудовикъ XVI не утверждалъ опредѣленія о наборѣ двадцати тысячь человѣкъ и опредѣленія противъ свя-

щенниковъ. Якобинцы обнаружили свое не- величес-
годованіе посредствомъ своихъ сочиненій, тву.
коихъ ядъ изливался въ революціонныхъ
журналахъ. Нѣкоторый депутатъ, выслу-
шавъ одно изъ нихъ, донесъ объ ономъ.
Вотъ нѣсколько выраженій, по коимъ мож-
но судить о сихъ временахъ безначалія. „Сіе
„чудовище (безъ сомнѣнія говоритъ здѣсь о
„добродѣтельномъ Лудовикѣ XVI) употреб-
„ляетъ всю власть и сокровища для воспре-
„пятствованія возобновить монархію. Вотъ
„новый Карлъ IX; онъ хочетъ опусто-
„шить Францію и уничтожить. Пусть
„такъ, злодѣйства твои прекратятся. Да-
„міенъ не столько былъ виновенъ, сколько
„ты. . . . Трепещи, тиранъ! у насъ есть
„Сцеволы. . . . . Какъ скоро преемникъ то-
„ликихъ тирановъ прервалъ всѣ связи, со-
„единявшія его съ нами, то попремъ сей
„испуканъ королевства.“

Собраніе оказало нѣкоторое негодованіе, но то же самое общество, которое заключило и предало смерти Монтморина и Брисака, отослало только писателя ругательнаго сочиненія о цареубійствѣ къ исполнительной власти.

Всѣ униженія престола, происшедшія отъ пожертвованій онаго, открыли наконецъ глаза честнымъ начальникамъ народнаго возмущенія, кои будучи виновны только въ заблужденіяхъ, хотѣли загладить ихъ истинными заслугами обществу. Между сими превосходными особами былъ и Генералъ

Файетъ. При наступленіи ужаснаго возмущенія 20 Іюня, безъ сомнѣнія имъ предусмотрѣннаго, онъ отправилъ въ Народное Собраніе письмо сколько скромное, столько же и выразительное, въ которомъ называлъ клубы, особливо Якобинскій, вертепами, откуда происходили всѣ виновники государственныхъ раздоровъ. Сія превосходная преданность не достигла своей цѣли: но какое бы преступленіе не могло загладиться столь сильнымъ угрызеніемъ совѣсти?

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

20 Іюня.

1792. Наконецъ мы достигли славнѣйшей эпохи царствованія нещастнаго Лудовика XVI, той эпохи, когда онъ показалъ всю свою чувствительность, всю любовь къ подданнымъ и все мужество; той эпохи, которая представитъ потомству любезную и добродѣтельную его слабость.

Давно уже готовлено было 20 Іюня; но какъ не полагались на предмѣстія Сен-Антоань и Сен Марко, гдѣ умѣли болѣе кричать за Якобинцевъ, нежели рубить головы; то къ обыкновеннымъ орудіямъ мятежей возмутителей наемныхъ присовокупили извѣстныхъ подъ имянемъ патріотовъ Марсельскихъ.

Въ назначенный день для исполненія великаго злодѣйства противъ престола мя-

тежники предмѣстій и Марсельскіе, забирая съ собою на пути всѣхъ бунтовщиковъ, слѣдующихъ ихъ привиламъ, пробились съ утра въ Парижъ въ числѣ сорока тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ 8000 приходятъ въ Народное Собраніе и получаютъ позволеніе пройти чрезъ оное подъ *защитою закона*, какъ сказалъ Предсѣдатель который хотѣлъ согласить спасительные обряды правосудія съ ужаснѣйшимъ нарушеніемъ онаго.

Около четырехъ часовъ вечера ворота у королевскаго двора разбиты были бунтовщиками, кои чудною силою, свойственною изступленію, происшекающему отъ вольности, на рукахъ перенесли пушку въ лейбъ-гвардейскую залу. Внутренность дворца была заперта; рычагами и топорами разломали двери; хотѣли изломать двери и въ залу Совѣта, но вдругъ, по приказанію Короля, отворились обѣ половины оныхъ. Когда нѣсколько Генераловъ, обыкшихъ раздѣлять съ Королемъ опасности, и небольшое число солдатъ изъ вѣрной національной гвардіи стали около Монарха, дабы убійцы не могли его коснуться кинжалами, полупьяные возмутители пробились къ нему сквозь толпу; одинъ приказываетъ ему кричать: *да здравствуетъ народъ и Санкюлоты*; другой надѣваетъ ему на голову красный колпакъ. Лудовикъ не терялъ ни на минуту пріятной веселости, которую имѣлъ въ душѣ своей и на лицѣ. Когда одинъ гренадеръ сказалъ ему, что конечно онъ весьма испугался;

Государь отвѣчалъ: *положи руку на сердце мое и послушай, отъ страха ли происходитъ его біеніе.* Королева также во время сего ужаснаго происшествія ни мало не потеряла великости духа своего; она не только не скрывалась отъ опасностей, но безстрашно взирала на оныя. Она пробилась съ своими дѣтьми сквозь толпу, среди проклятій, и сѣла въ залѣ Совѣта. Она съ крайнимъ негодованіемъ посмотрѣла, когда накладывали на голову Дофина красный колпакъ; однако не сказала ничего во гнѣвѣ. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ ею, ни мало не измѣнили очаровательной важности, видимой на лицѣ ея. Сія превосходная минута могла бы примирить ее съ начальниками партіи, если бы полипической фанатизмъ и безвѣріе умѣли прощать.

Депутатъ Дюмасъ, бывшій свидѣтелемъ сего злодѣйства, единственнаго во Французскихъ лѣтописяхъ, съ живѣйшимъ чувствомъ сообщилъ объ ономъ Собранію. Его приняли съ крикомъ и негодованіемъ. Онъ сказалъ законодателямъ, что они дадутъ отчетъ потомству, и снова началось роптаніе. Ласурсъ ободрилъ своихъ товарищей, кои показывали нѣкоторый ужасъ, сказавъ: народъ не виноватъ, что видѣлъ Короля и пробился къ нему въ покои.

Петіонъ, долженствующій смотрѣть за безопасностію Парижа, пришелъ уже въ шесть часовъ въ замокъ, къ концу возмущенія. Онъ взошелъ на каѳедру и сказалъ мя-

тежникамъ: «до сего времени ваше поведе-
«ніе было сообразно съ законами; я именемъ
«ихъ приказываю вамъ удалиться.»

На другой день депутатъ Давергультъ донесъ Собранію о злодѣйствѣ 20 Іюня и потребовалъ, чтобъ Министръ Внутреннихъ дѣлъ главный Совѣтъ департамента и начальствующій національною гвардіею явились въ судъ для объясненія о причинахъ своей недѣятельности. Между тѣмъ какъ Министръ Юстиціи объявлялъ виновниковъ и подуститителей таковаго злодѣянія въ оскорбленіи величества, Кутонъ, со своей стороны, утверждалъ, что злодѣйство 20 Іюня, ежели и можно его назвать злодѣйствомъ, происходило отъ несправедливой отставки трехъ Министровъ-патріотовъ. Собраніе раздѣлилось во мнѣніяхъ; но прекрасная рѣчь Короля, вездѣ принятая съ энтузіазмомъ, сняла всѣ завѣсы, и приобрѣла въ столицѣ сто тысячъ приверженцевъ къ престолу.

«Французы не безъ прискорбія узнали,
«что бѣшеная чернь пришла вооруженною
«рукою въ жилище Короля, притащила
«пушку въ лейб-гвардейскую залу и прору-
«била топорами двери къ его покоямъ.....
«Король противопоставлялъ оскорблені-
«ямъ бунтовщиковъ только совѣсть свою и
«любовь ко благу общественному..... Онъ,
«какъ лице, представляющее собою народъ
«Французскій, долженъ исполнять обязан-
«ности, и ежели можетъ пожертвовать

„своимъ спокойствіемъ, то по крайней „мѣрѣ не пожертвуетъ своими обязанно- „стями. Ежели желающіе испровергнуть „монархію имѣютъ нужду еще въ большемъ „злодѣяніи, они могутъ его учинить. . . . . „Король до послѣдней минуты будетъ по- „казывать конституціоннымъ властямъ при- „мѣръ мужества, которое только можетъ „спасти государство.„

Законодательное Собраніе, вразумленное сею рѣчію, столь мало исправилось, что 23 Іюня постановило опредѣленіе, по которому всѣ министры подлежали отвѣтственности за мятежи, произшедшіе отъ несогласія на утвержденіе двухъ опредѣленій о двадцатитысячномъ войскѣ и изгнаніи неприсягавшихъ священниковъ. Въ то же время Министръ Внутреннихъ дѣлъ донесъ Собранію о подметномъ сочиненіи, прибитомъ въ предмѣстіи Сен-Антоань, въ которомъ сказано было, что люди 14 Іюля возстаютъ вторично противъ Короля, *недостойнаго болѣе занимать престолъ*, и требуютъ, *чтобъ мечъ поразилъ главу его*. Опасность усугубилась, когда увѣдомились, что войско весьма негодуетъ на злодѣйство 20 Іюня, и что Генералъ Файетъ идетъ для извѣщенія о семъ въ Собраніе. Въ самомъ дѣлѣ сей послѣдній явился 28 числа въ Законодательное Собраніе, говорилъ въ ономъ съ силою, подтвердилъ, что его собственное, а не подложное письмо отъ 16 числа; потребовалъ, [1]) чтобъ наказали главныхъ виновниковъ на-

силій 20 Іюня, какъ преступниковъ въ оскорбленіи народа; 2) чтобъ уничтожили Якобинскую секту, которая хочетъ похитить верховную власть. Сей поступокъ не имѣлъ успѣховъ; потому что ропотъ, возбужденный имъ въ клубахъ, заставилъ Фаиета опасаться обвиненія, и онъ думая, что уже видитъ тысячу кинжаловъ, направляемыхъ въ грудь его, вмѣсто того, чтобъ подвергаться опасности и итти въ замокъ для защищенія Короля, ночью отправился тайно къ своему войску съ частію преданной ему національной гвардіи. Уже въ Іюлѣ мѣсяцѣ главный Совѣтъ Парижскаго департамента, будучи справедливое Собранія, отрѣшилъ на время отъ должности Мера Петіона и Прокурора мѣщанства Мануеля, какъ благопріятствовавшихъ недѣятельностію своею злодѣйствамъ 20 Іюня.

Между тѣмъ наступила минута, когда сіе виновное Собраніе, обозрѣвъ всю опасность, которой оно подвергалось, покровительствуя цареубійцамъ, и бывъ поражено нѣкоторою Евангельскою проповѣдію конституціоннаго Епископа Ламуреta, оставило всю вражду предъ жертвенникомъ отечества. Тогда Правая и Лѣвая сторона совокупились; начальники Королевской стороны обняли начальниковъ народа и подумали, что престолъ возникаетъ изъ своихъ развалинъ. Но сія преданность всеобщей нравственности продолжалась только 24

часа. На другой же день Бриссотъ началъ опять ненаказанно возмутительную рѣчь въ засѣданіи. »Замокъ, говорилъ сей пылкій »бунтовщикъ, есть такая точка, въ которой »сходятся всѣ пружины *великаго заговора*: »ударьте на Тюльерійскій дворъ, и вы пора»зите однимъ ударомъ всѣхъ измѣнниковъ..... »Обратите вниманіе на рѣчь Короля, поноси»тельную для народа Парижскаго. Не тыся»чами ли она разослана по нашимъ войскамъ? »Объявите, что отечество въ опасности, »и ежели Лудовикъ окажется виновнымъ, »что онъ не былъ вѣренъ конституціи, то »пусть почитаютъ его сложившимъ свой »санъ.«

За сею буйною рѣчью послѣдовали сильнѣйшія волненія въ разсужденіи временной отставки Мера. *Ежели Петіонъ*, говорилъ одинъ депутатъ, *человѣкъ не доброй, то нѣтъ уже и добродѣтели на земли.* Всѣ начали рукоплескать при семъ свидѣтельствѣ добродѣтели, отданной зачинщику насилій 20 Іюня необузданнѣйшимъ бунтовщикомъ.

Всѣ министры присутствовали при сихъ ненавистныхъ позорищахъ; всѣ представляли политическую картину своихъ департаментовъ; всѣ приписали общественныя бѣдствія покровительству, оказываемому клубамъ, и всѣ чрезъ Министра Юстиціи объявили, что отказываются отъ должностей; потому что не можно уже, при слабости государственной силы, защитить монархію отъ безначалія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Краткое изображеніе происшествій до великаго заговора 10 Августа.

Среди бурь, возникавшихъ въ нѣдрѣ Законодательнаго Собранія, получили весьма непріятныя извѣстія о успѣхахъ непріятелей на границахъ. Ипръ, Менинъ и Куртре были очищены, и Маршалъ Лукнеръ принужденъ былъ потянуться обратно къ Лилю. Тогда Верньодъ, употребивъ все трибунское краснорѣчіе, коимъ до него столько отличался Мирабо, заставилъ принять законъ о образѣ объявлять отечество въ опасности; о томъ образѣ, который, поручая всю власть Законодательному Собранію, позволялъ ему ввергнуть въ неминуемую опасность и Монарха и монархію.

Опредѣленіе, подвергающее опасности отечество.

Послѣ Верньода, Ораторъ Аббатъ Торне, Епископъ по новому порядку вещей, весьма много разлилъ ядовитости въ изслѣдованіе опредѣленія. Онъ даже сказалъ, что во времена бурныя не можно иначе сохранить конституціи, развѣ неконституціонными мѣрами, и заключилъ рѣчь свою предложеніемъ опредѣлить нѣкоторый родъ диктатуры высшей надъ всѣми существующими властями по закону, которымъ надлежало бы ограничить и Законодательное Собраніе.

Среди сихъ безпокойствъ престола надлежало праздновать Федерацію 14 Іюля. Тамъ чаще кричали: *да здравствуетъ Пе-*

Праздникъ федераціи.

тіонъ, нежели *да здравствуетъ Король*; но прежніе министры, Моллевиль и Монтморинъ, приняли сильныя, хотя и невидимыя мѣры противъ бунтовщиковъ для защищенія Королевскаго дома, который и не подвергся никакой опасности. На семъ праздникѣ жгли щиты, гербы, голубыя ленты, горностаевыя мантіи и всѣ эмблеммы леннаго правленія.

Во время сего празднества не было ничего дерзостнѣе прозьбы, поданной Законодательному Собранію отъ великаго множества Федератовъ о лишеніи правъ Короля. Сія прозьба получила великое одобреніе; податели оной удостоены были засѣданія. Впрочемъ, по настоянію благомыслящихъ людей, отложили разсматриваніе оной.

Воззваніе къ народу для спасенія отечества.

Не много дней спустя послѣ Федераціи, Лудовикъ XVI утвердилъ опредѣленіе, повергавшее отечество въ опасность, и главные бунтовщики разкрасили рѣчь его для возбужденія недѣятельной и уступчивой черни. Пятнадцать тысячъ человѣкъ согласились на сіе побужденіе: украшенные лаврами, съ титуломъ *сыновъ отечества*, они отправились на границы. Когда сіи 15,000 героевъ изъ различныхъ клубовъ пошли для спасенія отечества, то не знали еще, какія были опасности. Они отправились 22 и 23 Іюля. Ласурсъ, одинъ изъ ораторовъ Жиронды, заставилъ Собраніе отослать въ Комитетъ, составленный изъ двѣнадцати человѣкъ, на разсмотрѣніе слѣ-

дующія въ связи взятыя политическія запросы: *какія суть опасности отечества? Какія причины сихъ опасностей? Должно ли употребить чрезвычайныя мѣры для пресѣченія оныхъ?* Что касается до Лудовика XVI, всѣ его несправедливости состояли въ томъ, что онъ былъ Королемъ тогда, какъ непріятели его престола желали только республики.

Между тѣмъ новое понужденіе, данное опредѣленіемъ, что *отечество въ опасности*, не могло имѣть успѣха, доколѣ Король не уступилъ дерзкому приглашенію Жиронды, созвать народныхъ министровъ, кои пріобрѣли ея почтеніе и о коихъ она сожалѣла. Государь старался сохранить жизнь свою въ нещастіи, и такимъ образомъ возобновилъ министерство. Внутреннія дѣла, управляемыя Монсьелемъ, отданы были Шампіону; а морскія силы, состоявшія подъ управленіемъ Лакоста, поручены Дюботашу; Леру Делавиль опредѣленъ къ государственнымъ зборамъ на мѣсто Балье. Лажаръ уступилъ военныя силы Дабанкурту, а Биготъ Сенп-Круа вступилъ въ управленіе иностранныхъ дѣлъ. Возобновленіе Министерства.

Сей насильственный поступокъ только раздражилъ бунтовщиковъ. Совѣтъ Народный и отдѣленія Парижскія обявили себя постоянными, что самое и подало множество причинъ къ возмущенію. Меръ Пешіонъ, явившись въ Собраніе, именемъ Народнаго Совѣта потребовалъ у законода- Волненіе въ Парижѣ. Новыя возмущенія.

телей, чтобъ они лишили Короля правъ; учредили Народный Совѣтъ и постановили новую исполнительную власть, состоящую изъ министровъ, избираемыхъ Законодательнымъ Собраніемъ, на которыхъ лежала бы важнѣйшая отвѣтственность. Вотъ единственныя, говорилъ онъ, средства, такъ что хотя бы триста тысячъ Королевскихъ невольниковъ пришло для раздѣленія Франціи, они встрѣтятъ десять милліоновъ человѣкъ свободныхъ, готовыхъ умереть и побѣдить.

Въ сіе самое время Собраніе опредѣлило, чтобъ терраса Февильянъ, въ Тюльерійскомъ замкѣ, составила часть особеннаго завѣдыванія Законодательнаго Собранія. Отъ сего произошелъ бунтъ, во время котораго едва не умертвили Эпрезмениля. Вторая шайка, состоящая изъ Марсельцевъ, посланная въ Парижъ для произведенія новаго 20 Іюня, обезоруживала или убивала гренадеровъ національной гвардіи, осмѣливавшихся кричать: *да здравствуетъ Король!* Отдѣленіе Добраго Совѣта, состоящее почти все изъ начальниковъ партіи, хотѣло постановить такое опредѣленіе, по которому оно не будетъ уже признавать Лудовика XVI Государемъ. Отдѣленіе же Гравильеровъ требовало обвинительнаго опредѣленія противъ своего Монарха, и волненіе простерлось до того, что Вобланъ, бывшій тогда Предсѣдателемъ Народнаго Собранія, объявилъ, что ежели не возвратятся къ кон-

стиціоннымъ мѣрамъ, онъ тотчасъ выѣдетъ изъ Парижа, почитая сіе единственнымъ средствомъ, сообразнымъ съ его мужествомъ и обязанностію.

Планы для побѣга, данные Лудовику XVI.

Нещастному Монарху надлежало уѣхать изъ Парижа для предупрежденія междоусобной войны. Всѣ привязанные къ особѣ его, всѣ любящіе еще отечество, убѣждали въ сей необходимости. Принцесса Елисавета желала ѣхать въ Кампіень, дабы, въ случаѣ насилія и вѣроломства, можно было выѣхать изъ Королевства чрезъ Арденской лѣсъ. Моллевиль и Монтморинъ предпочитали замокъ Галонъ, по причинѣ хорошаго расположенія народа въ Нормандіи. Лудовикъ XVI въ минуту согласился на послѣднее предложеніе. Послѣдніе остатки вѣрнаго дворянства должны были провожать его. Друзья его (ибо онъ еще имѣлъ ихъ, хотя былъ и Король) собрали для него около трехъ милліоновъ; но когда надлежало отправляться, затруднились согласить побѣгъ съ достоинствомъ его короны, и спрашились подвергнуть опасности великодушныхъ людей, жертвовавшихъ для него собою, и тѣмъ заставили его еще помедлить. Такая нерѣшительность была причиною бѣдственнаго приключенія 10 Августа.

9 Августа вступили еще въ переговоры съ Бриссотомъ для пресѣченія послѣдствій бунта, имѣющаго быть на другой день. Тогда утверждали, что сей наглый начальникъ партіи требовалъ 12 милліоновъ и паспорта для

свободнаго выѣзда изъ Королевства. Сей бунтъ былъ тѣмъ явнѣе, что оный обнародованъ опредѣленіемъ Отдѣленія, состоящаго изъ *Трехъ сотъ*, и принятаго 46 другими, по которому, ежели Король не будетъ тотчасъ лишенъ правъ, въ полночь должно ударить въ набатъ, бить во всѣ барабаны и, собравъ народъ, итти въ Тюльерійской замокъ.

Наконецъ сіи непріятельскія дѣйствія побудили къ принятію благоразумнаго плана для сопротивленія. Національная гвардія состояла тогда подъ начальствомъ неустрашимаго Мандара. Онъ успѣлъ, посредствомъ Петіона, достать письменное повелѣніе отражать силу силою. Тогда 16 отборныхъ баталіоновъ получили приказаніе приготовиться къ походу. Въ замкѣ утроили караулы. Защищать Короля поручено было Швейцарской гвардіи, доказавшей опытами свою храбрость; и такимъ образомъ ожидали послѣдствія отъ событія, единственнаго въ лѣтописяхъ Французскаго народа, то есть нападенія на лучшаго изъ Королей, осажденнаго въ собственномъ дворцѣ буйнымъ народомъ, который онъ даже и тогда любилъ еще, когда требовали его на смерть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Краткое обозрѣніе 10 дня Августа.

Набатъ для новаго Варѳоломеева дни ударилъ въ полночь, какъ объявлено было. Тогда колонны вѣрной національной гвардіи, чи-

еломъ до 2400 человѣкъ, заняли всѣ притины въ замкѣ, съ 11 пушками. Въ сіе время составилось новое мѣщанство изъ самыхъ буйныхъ начальниковъ партіи. Потребовали въ оное начальника гвардіи Мандара, будто бы для разсужденія съ нимъ, какія принять мѣры для избѣжанія кровопролитія. Объявляютъ, что отведутъ его для заключенія въ Лабе; но едва вступилъ онъ на лѣстницу Ратуши, его убили, и трупъ бросили въ Сену. Начальство послѣ сего нещастнаго, павшаго первою жертвою бунта, тотчасъ поручено было Сантеру; и тогда государственная сила ослабѣла при защищеніи замка.

Король въ сію пагубную ночь не спалъ. Онъ непрестанно ходилъ къ своему семейству для утѣшенія онаго, оттуда къ министрамъ, собравшимся въ залу Совѣта для разсужденія съ ними, а потомъ обозрѣвалъ всѣ воинскіе притины, прося всѣхъ, чтобъ вели войну только оборонительную и щадили Французскую кровь, сколь бы она ни была нечиста. На разсвѣтѣ послалъ онъ Министра Юстиціи въ Собраніе для извѣщенія его о распространеніи возмущенія, и умолялъ предотвратить бѣдствія, долженствующія произойти отъ онаго. Бунтовщикамъ, господствовавшимъ въ Собраніи, извѣстно было ужасное положеніе столицы болѣе, нежели Государю; но какъ опасность угрожала только одному престолу, а не ихъ лицамъ, то и не хотѣли подвер-

гать, по словамъ ихъ, безславію своего сана; не хотѣли даже показать и своего смущенія. Они хладнокровно разсуждали о предложеніи въ разсужденіи Негровъ, между тѣмъ какъ дѣло шло о убійствѣ конституціоннаго Короля и погруженіи въ потокахъ крови короны Карла Великаго.

Съ шести часовъ двѣ колонны изъ предмѣстій Сен-Антоань и Сен-Марко, усиленныя почти 30,000 человѣкъ вооруженныхъ пиками, ружьями и топорами, пустились въ походъ къ замку; но авангардъ прибылъ уже чрезъ два часа на площадь Каруселя. Дѣйствіе началось убійствами: двадцать два нещастные, убѣжавшіе изъ домовъ своихъ съ оружіемъ при звукѣ набата, взяты были подъ стражу, какъ составляющіе подозрительный дозоръ, и отведены въ тюрму отдѣленія Февильянъ. Тринадцать изъ нихъ убѣжали; но остальные девять, по убѣжденіи славной распутницы Тероань Нерикуртъ, преданы были народу изъ предмѣстій, который, убивъ ихъ, окровавленныя головы торжественно понесъ по улицамъ столицы. Въ девять часовъ бунтовщики выломали ворота у королевскаго двора. Начальникъ Марсельцевъ вошелъ въ нихъ первый съ пистолетомъ въ рукѣ и поставилъ войско свое въ два треугольника; но храбрые Швейцары ихъ остановили. Обезоружили только нѣкоторыхъ часовыхъ, и какъ осаждаемые не двигались съ мѣста, то Марсельцы, ободренные симъ бездѣйствіемъ,

напали на нихъ съ дубинами. Тогда перемѣнилось позорище: ружейные выстрѣлы, сдѣланные залпомъ, опрокинули толпу нападающихъ. Сіи послѣдніе, отдавшись большею частію на площадь, прилегающую къ королевскому двору, сдѣлали новыя расположенія, кои были бы не столь для нихъ пагубны; и какъ они увѣрились въ неустрашимости Швейцаровъ, то приказали канонерамъ изъ Каруселя стрѣлять по замку. Тогда осаждаемые показали всю свою храбрость; шесть пушекъ, бывшихъ у нихъ, очистили королевской дворъ, покрывъ оный трупами.

При сихъ обстоятельствахъ Король, заботясь не столько о себѣ, сколько о своемъ семействѣ, согласился на предложенный Совѣтъ и пошелъ въ Законодательное Собраніе. Онъ прошелъ чрезъ Тюльерійскій садъ между двухъ гренадерскихъ колоннъ и съ трудомъ пробрался до манежа, въ сопровожденіи только двухъ министровъ Сен-Кроа и Дюбушажа. *Я пришелъ*, сказалъ нещастный, *для того, чтобъ избавить народъ мой отъ великаго злодѣянія, и думаю, что могу быть безопасенъ только среди васъ.* Послѣ сихъ словъ, коихъ естественное краснорѣчіе долженствовало смягчить всякое сердце, онъ хотѣлъ сѣсть подлѣ Предсѣдателя; но въ семъ отказали, подъ нелѣпымъ предлогомъ, что та же самая конституція, кою разрушаютъ, не позволяетъ Законодательному Собранію разсуждать въ присутствіи Ко-

роля. Его помѣстили съ семействомъ въ оранжерейную позади канцеляріи. Здѣсь онъ свободно сообщался съ главными своими чиновниками, доколѣ не услышалъ пушечнаго выстрѣла. Тогда охладѣли сердца всѣхъ отъ ужаса; многіе изъ бѣжавшихъ отъ войска, пришедши въ Собраніе, показывая свои обагренныя кровію одежды и разсказывая о пораженіи своихъ товарищей, увеличили ужасъ. Устремили взоры на Короля; конечно начали бы его упрекать, но какъ не знали еще, на которую сторону обратится побѣда, то большая часть хотѣла, по видимому, его пощадить. Заставили Лудовика подписать приказаніе прекратить огонь, и онъ безъ сопротивленія подписалъ его. Онъ остановилъ Швейцаровъ, идущихъ изъ казармъ Курбевуа, кои прибытіемъ своимъ, можетъ быть, доставили бы побѣду придворной сторонѣ. Между тѣмъ какъ дѣлали сіи распоряженія, новый пушечный выстрѣлъ, сопровождаемый продолжительною ружейною пальбою, посѣялъ опять страхъ въ залѣ законодателей и на самыхъ каѳедрахъ. Швейцары, не смотря, что были окружены, не переставали защищаться и держались твердо на мѣстѣ, доколѣ не издержали патроновъ. Тогда для избѣжанія неистовства непріятелей они проложили себѣ дорогу чрезъ садъ. Но чернь гналась за ними до Елисейскихъ полей, бросалась на нихъ и убивала.

Нѣкоторые Роялисты нашли себѣ убѣ-

жище въ домѣ Венеціанскаго посла; и Собраніе, не смотря на вопли ораторовъ и презирая опасность, которой оно подвергалось, избавило болѣе трехъ сотъ Швейцаровъ отъ смерти и спасло ихъ.

Между тѣмъ какъ чернь занималась еще убійствомъ и грабежемъ, многіе изъ побѣдителей пришли въ Народное Собраніе съ извѣстіемъ о своей побѣдѣ. Ихъ приняли съ восклицаніями *да здравствуетъ народъ!* Возмутители, подкрѣпляемые толпою ораторовъ и гордящіеся побѣдою, одержанною надъ престоломъ, тѣснятъ вдругъ и королевскую и Конституціонную сторону, и заставляютъ ихъ принять участіе, по крайней мѣрѣ своею недѣятельностію, въ мѣрахъ, приготовляемыхъ ими для нанесенія послѣдняго удара монархіи. Они заставили принять опредѣленіе о главныхъ распоряженіяхъ: о созваніи Народнаго Совѣта и отрѣшеніи Короля на время отъ должности, доколѣ Совѣтъ не условится въ нужныхъ мѣрахъ для утвержденія верховной власти народа.

Законодательное Собраніе сложеніемъ власти не кончило безчисленныхъ своихъ злодѣяній. Оно уничтожило различіе дѣйствительныхъ гражданъ отъ недѣйствительныхъ, и согласилось на учрежденіе подъ стѣнами Парижа лагеря, который долженъ былъ составиться изъ всѣхъ возмутителей, кои захотятъ поступить въ оный. Сей станъ былъ начертаніе революціоннаго

войска, въ послѣдствіи составившагося; и для утвержденія таблицъ, содержащихъ имена осужденныхъ на смерть и заточеніе, Собраніе дало полную власть правительственнымъ мѣстамъ и градоначальникамъ обозрѣть домы.

Депутаты Жиронды, предуготовившіе 10 Августа, кончили свое дѣло учрежденіемъ такого министерства, которое имѣло великую нужду имъ покровительствовать. Жиронда вызвала съ похвалою министровъ, уволенныхъ Монархомъ, и опредѣлила новыхъ, столько же ревностныхъ къ поддержанію новаго учреждаемаго порядка вещей.

Король, бывъ свидѣтелемъ всѣхъ сихъ разсужденій, для него оскорбительныхъ, провелъ 16 часовъ въ оратории съ своимъ семействомъ, и едва досталъ себѣ для пищи небольшое количество плодовъ и смородинной воды.

Послѣднее уничижительное позорище, при немъ происходившее, было отложеніе до другаго законодательства избранія дядьки для Королевскаго сына. «Прежде нежели «займемся, сказалъ Предсѣдатель, воспитаніемъ Принца, надобно узнать, хочетъ ли «Французской народъ имѣть королевскую «власть.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Нещастія, слѣдующія за испроверженіемъ конституціоннаго престола.

Король избѣгъ 10 Августа отъ смерти, но не сдѣлался щастливѣе. Его заключили при Февильянѣ въ небольшой покой, доколѣ онъ не могъ переѣхать въ Люксенбургъ. И тамъ онъ разговаривалъ дружески съ главнѣйшими изъ прежняго дворянства, кои приходили, такъ сказать, для облегченія его оковъ и облегченія жестокости оныхъ. Вдругъ пришли повѣренные отъ Мѣщанства съ извѣстіемъ, будто составленъ заговоръ для похищенія у Законодательнаго Собранія его залога; и Собраніе тотчасъ постановило, что доколѣ Монархъ будетъ оставаться у него въ округѣ, будетъ приставлено къ нему для стражи 15 человѣкъ изъ національной гвардіи и столько же жандармовъ. Безъ сомнѣнія, начальникъ военной Парижской силы выбралъ, для безопасности въ разсужденіи королевской особы, самыхъ буйныхъ изъ начальниковъ партіи. Лудовикъ XVI, увѣдомившись о семъ насиліи чрезъ повѣренныхъ, надзирающихъ за Манежемъ, сказалъ имъ только: «И такъ я въ темницѣ. «Карлъ I былъ щастливѣе меня; онъ имѣлъ «друзей и на эшафотѣ.» Плѣнѣ Лудовика XVI.

13 Августа, по предложенію Мануеля, тотчасъ обратившемуся въ опредѣленіе, Лудовикъ XVI и его семейство переве-

зены въ Тампль. Переѣздъ продолжался два часа, и хотя сей начальникъ партіи съ Петіономъ обѣщали имѣть къ Государю должное почтеніе въ нещастіи, однако не удержали черни отъ криковъ, которые предвѣщали сему Монарху, сверженному съ престола, что Тампль есть преддверіе къ эшафоту.

Возмущеніе Файе нова войска.

Извѣстіе о великомъ злодѣйствѣ 10 Августа дошло до строевыхъ войскъ прежде защитительныхъ рѣчей Законодательнаго Собранія, и произвело въ немъ сильное негодованіе, для обнаруженія коего потребно было одно только согласіе Генераловъ. Файетъ по достовѣрномъ познаніи мятежническаго духа господствующей стороны, къ которой онъ по нещастію присталъ, съ удовольствіемъ возвратился къ прежнимъ правиламъ. Онъ разослалъ по всему войску убѣдительное объявленіе, въ которомъ обнаружилъ великое злоумышленіе, распространившееся по всей Франціи. Вотъ нѣсколько строкъ, собранныхъ современною исторіею.

„Воины граждане! Конституція, которую „вы клялись защищать, уже не существу„етъ; мятежники осадили Тюльерійской за„мокъ; Король и Королева съ своимъ семей„ствомъ ушли для спасенія въ Народное „Собраніе; бунтовщики устремились и ту„да съ мечемъ и огнемъ и принудили по„становить опредѣленіе о увольненіи Коро„ля отъ должности..... Граждане! вы те-

»перь уже не повѣренные народа; Собраніе »порабощено; войска ваши безъ начальника. »... Избирайте любое: возвести ли хоти»те на престолъ наслѣдника короны, или »желаете имѣть Королемъ Петіона?«

Сія Сѣверная армія готова была слѣдовать побужденію, данному Генераломъ ея. Она могла соединиться съ войскомъ Фландрскимъ, ввѣреннымъ Артуру Дильонъ, у котораго подъ начальствомъ находились Дюмурье и Бернонвиль. Надлежало бы также, посредствомъ перемирія, къ коему склонны были соединенныя державы, согласить Маршала Люкнера съ отдѣленными войсками, долженствующаго защищать границы отъ нападенія Герцога Брауншвейгскаго: тогда бы три арміи пошли къ Парижу и освободили Короля и Францію отъ кровожаднѣйшей и презрѣннѣйшей тиранніи; но нужно было вдругъ рѣшиться, дабы не прошло состояніе безумія, въ которомъ находились завоеватели короны. Файетъ не смѣлъ перейти чрезъ Рубиконъ; онъ вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать съ напряженіемъ, совѣтовался съ правителями своего департамента, и справедливое дѣло Короля было навсегда проиграно. Во время сихъ безпокойствъ повѣренные новой исполнительной власти прибыли въ Седанъ для приведенія строевыхъ войскъ къ новой присягѣ. Начальство приказало ихъ задержать для залога. Негодованіе въ войскѣ начинало уменьшаться, и оно показалось

Ошибочныя мѣры сего Генерала Его побѣги и бѣдствія.

недовольнымъ на такое насиліе. Небольшое число солдатъ изъ клубовъ начало говорить въ слухъ, и обратило на себя вниманіе. Полки, не хотѣвшіе итти на Парижъ, объявили, что они не будутъ повиноваться. Тогда разрушился превосходный планъ преобразованія, выдуманный Файетомъ. Сей Генералъ, видя жизнь свою въ опасности, отправился изъ Франціи съ своимъ штабомъ и адъютантами, и поѣхалъ по дорогѣ въ Голландію, дабы еще можно было защищать свободу въ Новомъ Свѣтѣ. Но едва нещастный переступилъ границы, какъ попалъ на непріятельскій отрядъ, который, обезоруживъ его, отвелъ въ Люксенбургъ, а оттуда въ Ольмуцкія темницы. Всѣхъ сопровождавшихъ его чиновниковъ, кои не были членами никакого Народнаго Собранія, освободили.

Учрежденіе чрезвычайнаго Уголовнаго суда.

Во время революціи великія злодѣянія поддерживаются одними только важными революціонными средствами. Чистая кровь, пролитая при Тюльерійской осадѣ рѣками, текла еще и тогда, когда Собраніе, находясь подъ игомъ побѣдителей, опредѣлило учредить чрезвычайный Уголовной Судъ для разысканія въ превращенномъ смыслѣ злодѣяній 10 Августа и отмщенія за пролитую кровь. Сей палатѣ дано было право на жизнь и смерть, и объявили, что рѣшенія ея останутся безъ переносу.

Графъ Монт-

На другой день 10 Августа Графъ Монморинъ, предчувствовавшій свою плачевную

судьбу, скрылся на одномъ чердакѣ въ предмѣстіи Сен-Антоань, и былъ тамъ схваченъ. Его привели въ Народное Собраніе, гдѣ онъ защищался съ такимъ присутствіемъ духа и мужествомъ, что Предсѣдатель приказалъ ему возвратить свободу; но неумолимый Комитетъ изъ двѣнадцати подня̀лъ его дѣло и заставилъ обвинить подъ нелѣпымъ и несправедливымъ предлогомъ, будто бы онъ пожертвовалъ выгодами Франціи кабинету Австрійскому. Моринъ задержанъ.

За симъ ненаказаннымъ злодѣйствомъ послѣдовало гоненіе почти на все министерство Лудовика XVI, начиная съ того времени, какъ Государь сей принялъ конституцію. Всѣ тѣ, кои не предавали выгодъ короны господствующей сторонѣ, подверглись осужденію. Въ семъ числѣ были Дюпортъ Третръ, Лессартъ, Бертрандъ Моллевиль, Нарбонъ, Гравъ, Жарръ, Дабанкуртъ, Тарбе и Дюпорталь. По щастію, самая большая часть сихъ мучениковъ за законы избѣгла смертнаго приговора; но Лессартъ и Монтморинъ умерщвлены были въ Сентябрѣ, а чрезъ тринадцать мѣсяцевъ погибъ и Дюпортъ Третръ на эшафотѣ.

Надзиратель гражданскаго списка Лапортъ заслужилъ великое почтеніе отъ истинныхъ Французовъ своею преданностію Лудовику XVI; почему и погибъ первый послѣ его паденія. Его обвинили предъ народною коммисіею, что онъ допускалъ въ гражданскую роспись сочиненія, унизительныя Казнь Лапорта и Разоя.

для депутатовъ народа, и онъ былъ казненъ 24 Августа на площади Каруселя, безъ сомнѣнія для умилостивленія за нечистую кровь разбойниковъ, которая за двѣ недѣли назадъ текла тамъ рѣками. Жизнь его была образцемъ добродѣтели, а смерть представилась образцемъ мужества.

Стихотворецъ Розой, долго трудившійся надъ *Парижскою Газетою*, журналомъ, посвященнымъ для открытія заблужденій и злодѣяній начальниковъ партіи, погибъ на другой день, будучи казнимъ при факелахъ. *Славно*, сказалъ онъ, *для мученика за дѣло Королей погибнуть въ день Св. Лудовика.* Онъ въ жизни своей мало славился ученостію, но знаменитая смерть его примирила народное мнѣніе съ его памятію.

Опредѣленія о перемѣщеніи, противныя не конституціоннымъ священникамъ и полезныя цареубійцамъ.

Къ симъ гоненіямъ частныхъ людей законодательное Собраніе присовокупило гоненіе цѣлыхъ сословій. Духовенство, не дававшее гражданской клятвы, безпокоило умы, дабы не распространилась секта, стремящаяся къ похищенію всѣхъ властей. Ненавистный Комитетъ изъ двѣнадцати принудилъ постановить опредѣленіе, по которому велѣно было всѣмъ служителямъ вѣры выйти чрезъ восемь дней изъ мѣста своего пребыванія, а чрезъ двѣ недѣли изъ государства; иначе они будутъ перевезены въ заразительныя пустыни Гіаны. Другое опредѣленіе было еще ужаснѣе; потому что устремляло съ мечемъ и огнемъ ко всѣмъ почти Европейскимъ престоламъ; имъ по-

велѣвалось набрать 1,200 цареубійцъ. Писатели, ненавидѣвшіе революціи и осуждавшіе Законодательное Собраніе, обыкновенно ссылались, какъ на сдѣланное по опредѣленію онаго движеніе, которое было слѣдствіемъ страха, возбужденнаго походомъ иностранныхъ войскъ къ Французскимъ владѣніямъ, но сіе движеніе никогда не было опредѣлено Собраніемъ. Все, что могли сказать основательнѣйшаго, заключается въ одномъ доказательствѣ, что нѣтъ глупости, къ которой бы разумъ человѣческій, обладаемый страстями, не могъ устремиться. Можно бъ было упрекать Собраніе съ большею справедливостію въ томъ, что оно не имѣло осторожности въ разсужденіи хитрыхъ требованій Мѣщанства, и согласилось на дозоры по домамъ, кои имѣли цѣлію одинъ осмотръ оружій, и отъ коихъ произошли ужаснѣйшія злоупотребленія; ибо Собраніе, безъ умыслу, доставило тѣмъ случай ужасному Мѣщанству брать и заключать въ темницы тѣхъ, коихъ оное хотѣло умертвить. Сіи дозоры происходили ночью, и вмѣсто оружій набрали великое множество людей, для содержанія коихъ надлежало обратить въ темницы коллегіи, семинаріи и церкви.

Маратъ, сіе чудовище и орудіе мщенія Робеспьера и Дантона, называлъ таковыя ужасныя насилія *полусредствами* Въ журналѣ своемъ, *Другъ Народа*, онъ напечаталъ, что для совершенія революціи надобно сру-

бить триста тысячь головъ. Сей злодѣй заставлялъ вѣрить, что въ нравственномъ порядкѣ есть чудовища, какъ Физика допускаетъ ихъ въ порядкѣ природы.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Насилія Мѣщанства. Его распря съ Законодательнымъ Собраніемъ.

Исторія должна быть справедлива ко всѣмъ, особливо же къ великимъ преступникамъ, коихъ иногда мщеніе оклеветываетъ. Законодательное Собраніе, не смотря на справедливое негодованіе потомства за долговременныя злодѣйства, причиненныя престолу, который по конституціи надлежало покровительствовать, было тѣмъ виновнѣе, что не старалось пресѣкать злодѣянія и бѣдствій въ столицѣ, что уступало побужденію ужаснаго Мѣщанства, которое составилось среди убійствъ, и которое, по испроверженіи престола, хотѣло простерть свой мѣдной скипетръ но Законодательное Собраніе. Дантонъ, Министръ Юстиціи, былъ главною и невидимою пружиною онаго, а Робеспьеръ первымъ его орудіемъ. Оно постепенно распространило власть свою до того, что начало давать самовластныя приказанія членамъ Совѣта, учрежденнаго на мѣсто Монарха, сверженнаго съ престола, и Роландъ, не смотря на его привязанность къ народной сторонѣ, нѣкогда приведенъ былъ къ нему на судъ. Однакожь нѣкоторыя

отдѣленія не устрашились противуборствовать утвердившейся тираніи Мѣщанства: особливо отдѣленіе Ломбардовъ, по внушенію Луве, постановило строгое опредѣленіе, коимъ объявленъ былъ Всеобщій Совѣтъ сего мѣщанства похитителемъ власти; но сіе мужество не имѣло желаннаго дѣйствія. Робеспьеръ потребовалъ головы Луве, который, не видя помощи, принужденъ былъ скрыться. Сіе Мѣщанство приказало вырѣзать на Ратушѣ слѣдующую надпись:

Граждане были, доколѣ не было владыкъ;
Короли долго издѣвались народомъ;
Народъ утомился отъ скипетра, и скипетръ сокрушился.

Когда всеобщій Совѣтъ сего мѣщанства увидѣлъ, что Парижъ трепеталъ его; то началъ испытывать силы свои съ Законодательнымъ Собраніемъ. 23 Августа ораторъ одного его посольства такъ говорилъ членамъ Собранія, униженнымъ и трепещущимъ предъ подлѣйшими соумышленниками онаго. »Время перевести въ Парижъ пре»ступниковъ, отосланныхъ въ верховную на»ціональную палату, и предать казни. Ежели »вы на сіе не согласитесь, мы не ручаемся »за мщеніе народа. Вы понимаете насъ и »знаете, что возмущеніе есть священнѣйшая обязанность.«

Предсѣдатель показалъ нѣкоторое негодованіе; но весьма смягчилъ оное словами, выговоренными по слабости. Онъ сказалъ: »жели смерть есть необходимое доказатель-

ство любви къ обязанности, то сей народъ, коего гнѣвомъ устрашаютъ Членовъ Собранія, можетъ срубить имъ головы. Сверхъ сего малодушнаго поступка онъ еще удостоилъ требователей почестей засѣданія. Однако мало по малу Собраніе приняло важный видъ. Благомыслящіе возстали противъ присвоенія власти Мѣщанства и противъ системы его унизить Законодательное Собраніе; противъ хищничествъ его управителей въ замкѣ, въ кладовой Королевской и даже въ церковныхъ ризницахъ. Тогда постановили опредѣленіе, уничтожающее Всеобщій Совѣтъ сего гражданскаго правительства, и замѣнили оный двумя депутатами, выбранными по волѣ въ каждомъ отдѣленіи. Но между тѣмъ возмутители не дремали.Ораторъ новаго посольства отъ Всеобщаго Совѣта пришедъ, объявилъ членамъ, что область Законодательнаго Собранія ничѣмъ такъ не была осквернѣма, какъ присутствіемъ Лудовика XVI; что народъ, верховную власть имѣющій, въ лицѣ милліона свободныхъ человѣкъ, 10 Августа освободилъ отечество, и наконецъ объявилъ, *чтобъ не только взяли подъ стражу священниковъ-возмутителей, но чтобъ въ нѣсколько дней и земля свободы была отъ пребыванія ихъ очищена.* Сіе предсказаніе скоро исполнилось; потому что чрезъ 36 часовъ собрали ихъ въ церковь Кармелитскую и въ оной умертвили.

Собраніе, узнавъ изъ новыхъ угрозъ Оратора Мѣщанства о волненіи, произведенномъ

въ столицѣ его опредѣленіемъ, тотчасъ ограничило оное, пріобщивъ къ новому Всеобщему Совѣту тѣхъ самыхъ бунтовщиковъ, коихъ оно исключило, и приказавъ, чтобъ число повѣренныхъ изъ отдѣленій простиралось до 288. Собраніе льстилось чрезъ то содѣлать безпристрастными виновниковъ раздоровъ; но какъ всегда клубы рѣшили новые выборы, то и нашлось, что осторожная слабость Законодательнаго Собранія послужила только къ умноженію числа утѣснителей, а слѣдовательно и жертвъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Военныя произшествія.

По побѣгѣ Файета, начальство надъ его войскомъ поручили Дюмурье. Другое войско было подъ начальствомъ Бернонвиля, и опредѣлили Маршала Люкнера Генералиссимусомъ силъ государственныхъ. Взятія Лонгви.

Между тѣмъ какъ Исполнительный Совѣтъ, учрежденный на время, устроивалъ такимъ образомъ войска, Генералъ Клерфетъ напалъ на крѣпость Лонгви, одинъ изъ ключей Франціи, и не смотря на 2600 человѣкъ гарнизону и 38 пушекъ, по двухнедѣльной осадѣ овладѣлъ оною.

Сіе первое нарушеніе границъ устрашило Законодательное Собраніе, и онъ отмстило за то по своему обыкновенію опредѣленіями, коихъ не можно исполнить, по причинѣ совершенной ихъ безнравственности. Оно хо-

тѣло, чтобъ начальникъ крѣпости Лонгви былъ судимъ Военною Палатою, и коль скоро городъ опять достанется подъ власть Французовъ, всѣ домы, кромѣ зданій, принадлежавшихъ правительству, срыть до основанія. Не довольствуясь симъ политическимъ варварствомъ, Члены Собранія постановили, что впредь всякой гражданинъ, который заговоритъ въ осаждаемомъ городѣ о здачѣ, будетъ казненъ смертію.

Взятіе Вердюня

Непріятель, увѣдомившись о таковыхъ постановленіяхъ изъ революціонныхъ сочиненій, употребилъ еще болѣе дѣятельности къ завоеваніямъ. Съ перваго числа Сентября онъ показался предъ беззащитнымъ Вердюномъ и началъ угрожать сей крѣпости участію Лонгви. Робеспьеръ нашелъ средство, весьма достойное его злодѣйской души, для отвращенія бури. Онъ обвинилъ всѣхъ, кои содѣйствовали въ минутной отставкѣ мѣщанства, въ сношеніи съ союзными войсками. Слѣдуя сему плану злоумышленія, онъ вошелъ на каѳедру и донесъ на Бриссота, на депутатовъ Жиронды и Комитетъ изъ 21, что они продали Францію Герцогу Брауншвейгскому. Но какъ списокъ изгнанія не составляетъ теоріи защищенія, то въ Парижѣ ударили въ набатъ, выпалили изъ вѣстовой пушки, и Собраніе опредѣлило, что всякой человѣкъ, который не захочетъ служить лично, или отдать оружій своихъ воинамъ отечества, будетъ объявленъ безчестнымъ, измѣнникомъ оте-

чества и достойнымъ смертной казни. Новое крестовое войско не имѣло времени притти къ границамъ. Вердюнъ, по трехдневной осадѣ и бомбардированіи, 12 часовъ продолжавшемся, былъ взятъ. Бореперъ, начальствовавшій въ сей крѣпости, не могъ перенести нещастія и помѣшался въ умѣ.

Сіе нещастіе открыло Шампань шестидесятитысячному войску; но Король Прусскій въ походѣ своемъ имѣлъ ничтожные успѣхи. Въ то самое время, когда большая часть воиновъ и политиковъ Европейскихъ думали, что Фридерикъ Вильгельмъ вступитъ въ Парижъ, онъ былъ остановленъ на равнинахъ Шампанскихъ суровостію времени, собственною неизвѣстностію, войскомъ, не имѣющимъ совершенно никакой опытности и искусства, но ежеминутно возрастающимъ, наконецъ хитростію или щастіемъ Дюмурье и благоразуміемъ Келлермана.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Предварительныя статьи разрыва съ Англіею.

Казалось, въ такомъ опасномъ положеніи, въ какомъ находилась Франція въ разсужденіи прочихъ державъ, одна скромная политика правителей была тому причиною, что Англія до сего времени весьма вѣрно, по крайней мѣрѣ по наружности, хранила свой союзъ. Между тѣмъ со времени заточенія Лудовика XVI въ Тампль ежедневно

нападали на сію державу въ революціонныхъ сочиненіяхъ; вызывали кабинетъ ея къ разрыву. Наконецъ оный исполнился. Посолъ Георга III, Лордъ Говеръ, получилъ приказаніе выѣхать изъ Франціи; но онъ въ поведеніи своемъ при столь щекотливомъ обстоятельствѣ показалъ такое благоразуміе и скромность, кои доказывали, сколько дворъ его желалъ удалить отъ Лудовика XVI то бѣдственное приключеніе, коего Карлъ I содѣлался въ Лондонѣ жертвою. Едва ли мнѣніе столь выгодное для кабинета Сент-Жемскаго найдетъ защитниковъ. Многіе особы думали, и теперь еще думаютъ, что Англійское правительство не прямо участвовало во Французской революціи; что оно долго нанимало одну сторону для питанія мятежей и раздоровъ, коими надѣялось воспользоваться, и не иначе вызвало посла своего, какъ въ то время, когда вещи пришли въ желаемое для него положеніе, и оно не могло уже сохранять своихъ отношеній съ Франціею при революціонномъ правленіи безъ того, чтобъ пронырства его не открылись. Вѣроятно, Англійское правительство никогда не думало, что по смерти Лудовика XVI и его семейства воцарится во Франціи безначаліе; но не сомнѣвалось, чтобъ заточеніе Монарха не продлило довольно времени безпорядка, не ослабило монархію, не привело въ упадокъ морской Французской силы и не позволило однимъ Англичанамъ производить торговлю и овла-

дѣть всемъ, что нашлибъ они по своему желанію за морями. Возмущенія, питаемыя всегда Британскимъ кабинетомъ въ Вандеѣ, и поведеніе, наблюдаемое имъ съ того времени, какъ преобразованная Франція начала вкушать спокойствіе, могутъ доказать мнѣніе, что сей кабинетъ имѣлъ участіе въ причинахъ, произведшихъ и весьма долго поддерживавшихъ безначаліе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Убійства въ Сентябрѣ.

Когда Мѣщанство, составленное и поддерживаемое Робеспьеромъ и Дантономъ, овладѣло правленіемъ; когда оно успѣло привесть въ трепетъ членовъ Законодательнаго Собранія помощію войска, составленнаго изъ бѣдныхъ: тогда оно могло учинить жесточайшія злодѣянія безъ наказанія, и скоро ознаменовало свое могущество ужаснымъ злоупотребленіемъ онаго.

Увѣряютъ, что Дантонъ, бывшій тогда Министромъ Юстиціи, съ начальниками Мѣщанства начерталъ планъ нѣкоторыхъ Сициліянскихъ вечеренъ, кои для того будто бы надлежало произвесть, дабы не осталось ни одного врага революціи, который бы могъ благопріятствовать вступленію иностранныхъ войскъ, угрожавшихъ Парижу.

2 Сентября, по требованію Всеобщаго Совѣта Мѣщанства, ударили въ набатъ, останавливали на заставахъ множество повозокъ

со священниками, исполнявшими безъ роптанія приговоръ, повелѣвающій имъ выѣхать изъ государства, и отсылали ихъ въ темницу Лабе, или Кармелитской монастырь: являлись злодѣи, подкупленные для оклеветанія ихъ въ злодѣяніяхъ, и большую часть оныхъ умертвили.

Вдругъ разносится слухъ о семъ убійствѣ по всѣмъ частямъ столицы; Народное Собраніе, Исполнительный Совѣтъ, Градское Правительство, Отдѣленія, все находилось въ дѣйствіи, и никто не помышлялъ о прекращеніи кровопролитія. Оно продолжалось безпрерывно 12 часовъ, потому что во время онаго умертвили всѣхъ плѣнниковъ 10 Августа. Тогда только прекратилось убійство, когда убійцы, утомившись, но не насытившись мщеніемъ, не могли уже поднимать окровавленныхъ сѣкиръ своихъ и другихъ смертоносныхъ орудій. Тогда они учредили между собою родъ огненной палаты, въ которой одни приговаривали, другіе исправляли должность палачей. Когда одинъ плѣнникъ былъ замѣченъ во мнѣніяхъ роялистскихъ и набожныхъ, или по крайней мѣрѣ такъ представили, то Предсѣдатель приказывалъ отвести его въ Форсъ: это былъ знакъ его казни. По прибытіи къ воротамъ Лабе убійцы нападали на него и умерщвляли. Того, противъ котораго въ вѣдомости не помѣчено никакого злодѣянія, провожали торжественно, и онъ получалъ поцѣлуи отъ окровавленной орды своихъ избавителей.

Когда въ Лабе не осталось священниковъ, бросились на Швейцарцевъ, защищавшихъ замокъ. Рединту, одному изъ ихъ Капитановъ, покрытому ранами во время осады, положили на плеча нѣсколько людоѣдовъ, съ коими онъ долженъ былъ итти на мѣсто казни, и одинъ изъ нихъ перепилилъ ему горло вызубренною саблею.

Убійство въ Кармелитскомъ монастырѣ было еще ужаснѣе, нежели въ Лабѣ. Совѣтъ Мѣщанства приказалъ привести туда, за нѣсколько дней прежде, 185 священниковъ и трехъ Епископовъ, почтенныхъ по своимъ добродѣтелямъ и просвѣщенію, Аббата Дюло, Архіепископа Арльскаго, и Рошефукольда, Епископа Бовескаго и Сентскаго. Величайшее множество убійцъ окружили ихъ въ саду и въ церквахъ, какъ красныхъ звѣрей, и бывъ увѣрены, что опять найдутъ ихъ на полѣ пораженія, начали убивать изъ ружья или штыками убѣгающихъ по лѣстницамъ на стѣны, ползущихъ на дерева, или бросающихся на дворы сосѣднихъ домовъ. Почти никто не ушелъ отъ сего перваго пораженія. Архіепископъ Арльскій открылъ собою другое позорище кровопролитія: прежды ударили по немъ саблею. Онъ не произнесъ никакой жалобы, и благословлялъ своихъ мучителей, доколѣ не испустилъ дыханія.

Всѣ прочіе подверглись сей ужасной судьбѣ, кромѣ 34 человѣкъ, кои вылѣзли изъ сада по стѣнамъ, или были спасены изъ

человѣколюбія народомъ, открывшимъ дорогу къ церкви. Дантонъ, Мануель и Мѣщанство вывели изъ темницъ наканунѣ сего кроваваго позорища нѣсколько человѣкъ, коихъ не хотѣли лишиться, или которые были имъ весьма рекомендованы. Въ семъ числѣ былъ и Бомарше. Онъ находясь нѣсколько дней заключеннымъ въ Лабе, опасался особенно мщенія Мануеля, Прокурора Мѣщанства, надъ которымъ онъ предъ тѣмъ насмѣхался. Перваго Сентября, въ вечеру, сказали ему, что членъ Мѣщанства его требуетъ. Онъ, узнавши Мануеля, затрепеталъ. «Вы оскорбили меня, сказалъ ему сей послѣдній; преступленіе бы «для меня было помнишь о томъ въ сіе «время. Я исходатайствовалъ вамъ свободу «и объявляю ее; ступайте со мною сей часъ; «не должно терять времени.» Сей великодушный поступокъ весьма можетъ примирить съ Мануелемъ тѣхъ, кои обвиняли его за содѣйствіе въ Сентябрскихъ кровопролитіяхъ.

Почти всѣ убійцы обирали своихъ нещастныхъ. Одни отдавали имущество членамъ Мѣщанства, кои присвояли его себѣ; другіе хранили у себя, безъ сомнѣнія, съ безпокойствомъ, ибо убійцы предавали смерти тѣхъ изъ своихъ товарищей, коихъ замѣчали въ воровствѣ.

Когда темницы, въ которыхъ заключены были, какъ называли тогда, *злоумышленники*, остались пусты, убійцы по кровожад-

ности устремились на Бисетрѣ. Въ сей темницѣ были люди только приговореные быть въ желѣзахъ. Здѣсь произошла нѣкоторая междоусобная война между двумя родами возмутителей. Бисетрскіе долго защищались; они сдѣлали себѣ оружія, дѣйствовали оными съ неистовствомъ, и злодѣйскія руки мстили за добродѣтель, содѣлавшуюся жертвою. Толпа бѣшеныхъ, раздраженная сопротивленіемъ плѣнныхъ, употребила противъ нихъ трубы и залила ихъ.

Что дѣлало Народное Собраніе, что дѣлали власти въ сіи нещастные дни? Все трепетало подъ игомъ ужаснаго Мѣщанства; и съ великимъ трудомъ, съ великими опасностями депутаты успѣли избавить нѣсколько жертвъ отъ смерти, имъ угрожавшей.

Впрочемъ въ сіе время не вся добродѣтель истреблена была въ столицѣ. Одинъ часовой мастеръ прикрылъ собою знаменитаго Аббата Сикарда, учителя глухо-нѣмыхъ, и такимъ образомъ защитилъ его отъ неистовства убійцъ.

Почтенный старецъ Казотъ окруженъ былъ разбойниками, хотѣвшими умертвить его. Елисавета, дочь старца, бросается между ихъ и кричитъ въ отчаяніи: «Вы не »прежде коснетесь отца моего, какъ про»зивши грудь мою.» Вдругъ вскричали: прощаемъ! и Казотъ спасся. Но сіе прощеніе дано было только на нѣсколько дней. Переписка надзирателя гражданскихъ вѣдомостей открыла его великодушную предан-

ность Лудовику XVI, и Казотъ содѣлался жертвою оной.

По прошествіи нѣкотораго времени то же самое зрѣлище дочерней любви и съ равнымъ успѣхомъ возобновилось въ разсужденіи Г. Сомбревиль, начальника инвалидовъ. Онъ спасенъ былъ своею дочерію, которая геройствомъ своимъ обезоружила и чернь и убійцъ.

Принцесса Таренгская еще болѣе показывала силы и важности великія души своей. Ей стоило только сказать одно слово на Королеву, и она спаслась бы. Сего слова она не захотѣла произвести. Народъ, пришедшій въ удивленіе, не взирая на самыхъ судей, объявилъ ее невинною и проводилъ обратно въ свой дворецъ.

Принцесса Ламбаль была не столько щастлива; она была другомъ Королевы, и по нещастію судіями у ней были два градоначальника въ шарфахъ, Геберть и Люилье, извѣстные по своей закоренѣлой ненависти къ августѣйшей дочери Маріи Терезіи. Поклянитесь, сказали ей, въ ненависти къ Королю, Королевѣ и Королевскому достоинству. Одно *нѣтъ*, мужественно произнесенное, было смертнымъ для нее приговоромъ. Едва переступила она за порогъ, какъ ударъ саблею по головѣ сзади повергъ ее на кучу труповъ. Ей отрубили голову и торжественно понесли на пикѣ для показанія Маріѣ Антоанеттѣ, которая потому только скрылась отъ сей ужасной казни, что лишилась памяти.

Надобно кончить сію ужасную картину революціонныхъ злодѣяній. Они заставляютъ презирать человѣческую природу, по причинѣ люпости верховной національной палаты къ плѣнникамъ, которые, содержась много мѣсяцевъ въ Орлеанѣ, совершенно безъ всякой вины, умерли отъ долговременныхъ мученій. По заговору, составленному между министромъ Дантономъ и Совѣтомъ Мѣщанства, начальникъ партіи Фурнье отправился въ Орлеанъ съ двумя стами злодѣевъ для принятія жертвъ своихъ. Почтенные плѣнники отправились возами на телѣгахъ, приближающихъ ихъ медленно къ смерти, среди прокляпій буйной черни, которая взирала на нихъ, какъ на враговъ отечества. Тщетно министръ Роландъ старался удалить ихъ, или назначить въ другое какое мѣсто, а не въ Парижъ, гдѣ, онъ опасался, постигнетъ ихъ та же участь, какой подверглись содержавшіеся въ темницахъ. Но Дантонъ вооружился противъ сего похвальнаго намѣренія, которое было противно его злодѣйскимъ замысламъ, и приказалъ вести плѣнниковъ. Они пріѣхали въ Версалію 9 числа. Мѣщанство, узнавши о семъ, призвало начальниковъ убійцъ и приказало умерщвлять плѣнниковъ Орлеанскихъ. Узники хотѣли прогуливаться по оранжереѣ, какъ разбойники пришли въ Версалію. Американецъ Фурнье подаетъ знакъ къ убійству. Плѣнниковъ числомъ было пятьдесятъ; трое только убѣжали. Герцогъ Брейзахскій защищался,

какъ левъ отъ сей орды людоѣдовъ, и умеръ, не сразивши на одного изъ нихъ Въ числѣ прочихъ жертвъ злодѣйства Дантонова полагали Графа Монтморина, Лессарта и Дабанкурта, бывшихъ министрами, Епископа Менденскаго, Кастелана, Подполковника Малвуазеня и Судью Мирнаго Ларивьева.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Различныя происшествія до разрушенія перваго законодательства.

Избраніе членовъ Совѣта случилось въ одинъ день съ убійствомъ плѣнниковъ Орлеанскихъ, и оно началось при нещастныхъ предзнаменованіяхъ. Первое имя, вышедшее изъ плачевной урны, было того безчестнаго Робеспьера, коего одно названіе, по выраженію Расина, сдѣлалось для самыхъ безчеловѣчныхъ тирановъ жесточайшею обидою. Ему одолжены составленіемъ славнѣйшаго Парижскаго Мѣщанства; онъ назначалъ убійства и гоненія въ столицѣ. Онъ тайно заставлялъ дѣйствовать и говорить Марата, сего свирѣпаго глупца, который не что иное былъ, какъ только отголосокъ. Онъ выдумалъ тѣ нелѣпые заговоры содержащихся въ темницахъ, кои послужили поводомъ къ погубленію тысячами людей всякаго возраста и пола. Безъ сомнѣнія, онъ былъ великій злодѣй; но не льзя не согласиться, что онъ имѣлъ въ своей дерзости великіе виды и показалъ обширный умъ въ развратѣ.

Парижское избирательное общество избрало величайшее множество своихъ депутатовъ изъ членовъ того развратнаго Мѣщанства, которое произвело 20 Іюня и 10 Августа. Почти всѣ сіи люди были неизвѣстные, доколѣ не введено было искусство производить злодѣянія: да и между отличными изъ нихъ находились такіе, кои давно уже посрамили свою славу, какъ-то министръ Дантонъ и подлый Герцогъ Орлеанскій, который, принявъ имя *Равенства*, покрылъ навсегда безчестіемъ превосходнѣйшее наименованіе, служащее честію для республикъ. Выборы избирательныхъ обществъ въ 25 департаментахъ, обществъ, составленныхъ почти совершенно изъ клубовъ, не удалились отъ развратности своего начала.

Между тѣмъ какъ Совѣтъ составлялся, союзныя войска заняли страшное положеніе. Пруссаки прикрывали Вердюнь съ 45,000 человѣкъ; Принцъ Гогенлоге угрожалъ Ландау съ 50,000. Клерфетъ подкрѣплялъ гарнизоны Монской, Турнейской и Намюрской; а войска Французскихъ Принцовъ, состоящія изъ 22,000 человѣкъ, оставались позади для извлеченія пользы изъ завоеваній. Франція едва могла выставить противъ непріятелей 60,000 человѣкъ, и солдаты ея, не знающіе ни военнаго искусства въ движеніяхъ, ни порядка, могли бы почесть себя побѣжденными прежде, нежели извлекли мечь, ежели бы пламенная ревность къ отечеству не сдѣлала ихъ въ нѣкоторыхъ

Положеніе союзныхъ войскъ предъ Французскими Генералами. Конецъ похода 1792 года.

обстоятельствахъ героями Θермопильскими. Предъ симъ изверженіемъ происходило дѣйствіе между 1500 Прусаковъ и 10,000 тысячами Французовъ при дефилеяхъ Гранд-прескихъ, гдѣ Французы, обѣятые всеобщимъ ужасомъ, были совершенно разбиты. Тогда удобно было бы Королю Прусскому итти прямою дорогою къ Шалону и, можетъ быть, кончить походъ; но онъ терялъ драгоцѣнное время въ произведеніи правильной войны. Между тѣмъ въ равноденствіе полились дожди; пресѣклись пути для прохода артиллеріи; крававый поносъ и лихорадки погубили великое множество солдатъ; и Герцогъ Брауншвейгскій, выступивъ изъ Вердюна, потомъ изъ Лонгви, принужденъ былъ отступать осторожно къ Франкфурту. Такимъ образомъ кончился походъ 1792 года, который долженствовалъ возвратить Лудовику XVI престолъ, но который возвелъ его на эшафотъ.

Новыя безпокойства Законодательнаго Собранія.

Въ сіе время Законодательное Собраніе продолжало свои непріязненныя дѣйствія противъ Мѣщанства, которое спорило съ нимъ о верховной власти. Министръ Роландъ, увѣдомившись, что, послѣ умерщвленія плѣнниковъ, опять взяты были 500 человѣкъ, по приказанію Общаго Совѣта, и что мечь поднятъ былъ на ихъ главу, донесъ на сіи преступленія въ оскорбленіи народа. Верньодъ для заглажденія великихъ злодѣяній бросился на каѳедру и загремѣлъ противъ кровожадныхъ людей, кои хотѣли исправ-

лять народъ только кинжалами убійцъ. Члены Собранія рукоплескали съ энтузіазмомъ; но вмѣсто уничтоженія сего градоправительства, они объявили только его подъ отвѣтственностію во всѣхъ злодѣйствахъ. Сія отвѣтственность была не что иное, какъ призракъ; потому что во время самаго опредѣленія Мѣщанство разослало повсюду списки осужденія противъ 400 депутатовъ и почти всего министерства, кромѣ Дантона. Собраніе, утомленное долговременнымъ сопротивленіемъ, видя, что вся государственная сила пристаетъ къ сторонѣ возмутителей, не рѣшилось продолжать болѣе столь неравнаго спора, и сложило верховную власть.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДЕСЯТАГО ТОМА НОВОЙ ИСТОРІИ.

Эпоха пятнадцатая.

Отъ заключенія Парижскаго мира въ 1763 году до нашихъ временъ. Введеніе. - 1.

Первыя понятія о всеобщей монархіи. Изображеніе Франціи до эпохи ея возобновленія. Парижской миръ. Поношенія Франціи, въ переговорахъ нанесенныя. Договоръ Губертсбургскій.

Первая книга.

Исторія Французскаго престола. Отъ заключенія Парижскаго мира въ 1763 году до смерти Лудовика XV. - - - 13.

Глава 1. Домашнія нещастія Монарха. 14.

Съ 1764 до 1767. Смерть Дофины. Плачевная кончина Короля Станислава Лещинскаго. Смерть Королевы Французской. Смерть Маркизы Помадуръ.

Глава 2. Уничтоженіе Езуитскаго ордена. 19.

Глава 3. Различныя министерства во Франціи. — Судебныя дѣла, къ стыду всѣмъ извѣстныя. - - - - - - - - - 21.

Генералъ Контролеры государственныхъ доходовъ. Управленіе Герцога Шуазель. Безразсудные и вредные Доносы. Герцогъ Фицъ-Жамъ. Графъ Лалли Шалоте.

Глава 4. Возвышеніе Канцлера Мопу — Уничтоженіе Парламента во Франціи. 31.

Начало щастія Мопу. Начало бѣдствія Парламентовъ. Изгнаніе и уничтоженіе Парламентовъ.

Глава 5. Паденіе Герцога Шуазеля. Перемѣна въ Правительствѣ. - - - 38.

Глава 6. Послѣднія произшествія царствованія, обильнаго нещастіями. Смерть Лудовика XV. - - - - - - - - - 41.

Безпечность Монарха, влекущая за собою униженіе Франціи. Смерть Лудовика XV.

Книга II.

Краткое изображеніе исторіи прочихъ Европейскихъ государствъ, съ заключенія мира 1763 до возшествія на престолъ Лудовика XVI въ 1774 году.

Глава 1. Испанія и Португаллія. - - 44.

Нападеніе на Португаллію. Смерть вдовы Филиппа V. Изгнаніе Езуитовъ. Смятеніе въ Луизіанѣ. Полезныя заведенія. Слабость военныхъ дѣйствій Испаніи. Война Испаніи съ Португаллією и Англіею.

Глава 2. Великобританія. - - - - - 53.

Состояніе Англіи во время Парижскаго мира. Она подавляетъ Индію. Война съ Сѣверною Америкою. Распространеніе возмущенія. Взятіе Бастона. Подвиги Вашингтона. Договоръ между конгрессомъ Филадельфскимъ и дворомъ Версальскимъ. Слѣдствіе дѣйствій въ разсужденіи войны за независимость. Сраженія морскія и завоеванія. Морскія побѣды Адмирала Роднея. Продолженіе войны Американской. Различныя войны Голландіи на Антильскихъ островахъ и въ Индіи. Побѣда при Порто Ново надъ Гидеръ-Али-Ханомъ. Конецъ войны Американской.

Глава 3. Нѣмецкая Имперія. - - - 66.

Начало царствованія Іосифа II. Его путешествія. Путешествіе Папы Пія VI в Вѣну. Возмущеніе въ Брабантѣ. Война Іосифа съ Оттоманами. Его кончина.

Глава 4. О Пруссіи. - - - - - - 70.

Различныя происшествія царствованія Фридерик II. Раздѣлъ Польши. Конецъ царствованія Фридерика. Смерть Фридерика.

Глава 5. О Россіи. - - - - - - - 76.

Кратковремянное царствованіе Петра III. Какимъ образомъ онъ сложилъ съ себя корону и умеръ. Различныя происшествія царствованія Екатерины. Уваженіе, оказанное просвѣщеннымъ мужамъ Французскимъ. Война съ Оттоманами. Характеръ его. Основаніе Херсона. Возобновленіе войны съ Оттоманскою Имперіею. Миръ, заключенный въ Яссахъ. Смерть Екатерины.

Глава 6. Краткое обозрѣніе Швеціи и Даніи. 83.

Вліянія Россіи на Данію. Восшествіе на престолъ Шведскій Густава III. Перемѣна въ пользу престола. Путешествіе въ Россію. Война Густава съ Россіянами. Миръ между обѣими державами. Умерщвленіе Шведскаго Короля.

Глава VII. О Польшѣ. Начало смятеній въ оной. Причины раздѣленія ея. Вліяніе сего раздѣленія на судьбу Европы. - - 89.

Восшествіе на престолъ Понятовскаго. Слабость новаго Монарха. Безначаліе въ Польшѣ. Конфедераціи Пулавскаго и Потоцкаго. Турки дѣлаютъ развлеченіе въ силахъ. Новыя надежды конфедератовъ. Россіяне истребляютъ оныя двумя побѣдами. Превосходный походъ Россіянъ противъ Оттомановъ. Продолженіе смятенія въ Польшѣ. Первыя начала раздѣленія Польши. Послѣднія произшествія, предшествовавшія разрушенію Польши. Похищеніе Короля. Договоръ о раздѣлѣ Польщи.

Книга III.

Исторія Французской монархіи отъ возшествія на престолъ послѣдняго Короля до революціи.

Глава 1. Непостоянство министровъ во Франціи. Слабость правленія при справедливѣйшемъ изъ Государей. - - - - 110.

Первое министерство поручено слабому Морепу. Король по своей справедливости дѣлается идоломъ у народа. Новое Министерство. Возстановленіе Парламентовъ.

Обрядъ помазанія на царство. Министерство знаменитаго Мальгерба. Министерство Графа Сен-Жермень. Паденіе Тюргота. Отставка Мальгерба. Скорая перемѣна новыхъ министровъ.

Глава 2. Краткая исторія о министрѣ Неккерѣ. Путешествіе Императора Іосифа II. Смерть Вольтера и философа Руссо. 127.

Начало министерства Неккера. Его политическая жизнь и вліяніе на правленіе. Различныя произшествія. Путешествіе Іосифа II во Францію. Смерть Вольтера. Отставка Неккера.

Глава 3. Новые выборы министровъ. Осада Гибральтара. Всеобщій миръ 1783 года. 136.

Замѣшательство въ государственныхъ доходахъ. Осада Гибральтара. Всеобщій миръ.

Глава 4. Различныя произшествія во внутренности Франціи. Путешествія Государей. Успѣхи художествъ и открытій. - - - - - - - - - - 142.

Особенныя происшествія. Путешествія различныхъ Государей во Франціи. Воздушные шары.

Глава 5. Умноженіе народнаго долга. Нападеніе на Голландію, происшедше отъ недѣятельности кабинета Версальскаго. 148.

Ужасное умноженіе народнаго долга. Вторженіе въ Голландію войска Короля Прусскаго. Молчаніе Франціи. Походъ Герцога Брауншвейскаго.

Глава 6. Собраніе Старѣйшинъ. - 152.

Начало собранія. Его составленіе. Коренной порокъ Собранія. Отставка Калоня. Новые министры. Возвышеніе Кардинала Ломени.

Глава 7. Министерство Кардинала Ломени. Бріенъ. Предосудительная глупость въ его дѣйствіяхъ и его паденіе. - 158.

Слабость средствъ Ломени. Возмущеніе Парламента.

Изгнаніе онаго въ Труа. Парламентъ. Учрежденіе полнаго Собранія. Осада дворца. Различныя возмущенія въ столицѣ и провинціяхъ. Отставка Кардинала Ломени.

Глава 8. Второе министерство Неккера. Новое собраніе Старѣйшинъ. - - 166.

Благотворныя дѣйствія Неккера во второе министерство. Новое собраніе Старѣйшинъ.

Книга IV.

Государственные Чины и конституціонное собраніе.

Глава 1. Исторія государственныхъ Чиновъ, раздѣленныхъ по палатамъ. - - 173.

Открытіе государственныхъ Чиновъ. Клятва, данная въ Жедепомѣ. Королевское засѣданіе. Отклоненіе части духовенства и дворянства. Утвержденіе новаго порядка вещей.

Глава 2. Возмущеніе въ Парижѣ. - 183.

Темница въ Лабе взята. Отставка Неккера и плачевныя послѣдствія оной. Нападеніе на инвалидовъ. Взятіе Бастиліи и начальникъ оной убитъ. Убійство Флесселя. Нещастная кончина Фулона и Бертье. Преданность Лудовика XVI. Возмущеніе въ Парижѣ принимаетъ новый видъ. Вступленіе въ Парижъ Лудовика XVI. Торжественное возвращеніе Неккера. Ночь 4 Августа. Крайнее оскуденіе государственной казны. Новыя возмущенія, произведенныя бунтовщиками. Нещастная ночь 5 Октября. Уголовной судъ надъ главными бунтовщиками 5 и 6 Октября.

Глава 3. Исторія Народнаго Собранія съ перенесенія онаго въ Парижъ до казни Фавра. - - - - - - - - - 217.

Посяганія Конституціоннаго Собранія на корону. Возмущеніе въ Тулонѣ. Отставка Неккера. Казнь Фавра.

Глава 4. Краткое обозрѣніе произшествій съ начала 1790 года до празднина Федераціи 14 Іюля. - - - - - - 221.

Засѣданіе 4 Февраля Соединеніе двухъ властей. Красная книга. Опредѣленіе о правѣ объявлять войну и заключать миръ. Возмущеніе въ Парижѣ между депутатами. Совершенное истребленіе дворянства.

Глава 5. Обряды Федераціи 14 Іюля. 230.

Приготовленія къ празднику Федераціи.

Глава 6. Успѣхи мятежническаго духа въ Парижѣ и департаментахъ. - - 233.

Возмущеніе гарнизона въ Нанси. Возмущеніе въ Брестѣ. Жальской станъ. Опустошеніе дома Кастры. Убійство Мера Варецъ. Дѣло о возмущеніи въ Нанси.

Глава 7. Послѣднія произшествія 1790 года. - - - - - - - - - - 238.

Опредѣленія праздной палаты Тулузскаго Парламента противъ новаго порядка вещей. Перемѣна министерства. Различные планы для свободы Монарха и возстановленія монархіи.

Глава 8. Гоненіе на духовенство. - 243.

Гражданская конституція духовенства. Требованіе присяги съ должностнаго духовенства. Опредѣленіе конституціоннаго духовенства.

Глава 9. Возвращеніе Мирабо къ монархіи; исторія его предсѣдательства; смерть его. - - - - - - - - - - - 246.

Мирабо обращается къ правиламъ. Онъ Предсѣдателемъ Народнаго Собранія. Новыя цѣпи хотятъ возложить на Монарха. Мятежническія движенія. Смерть Мирабо.

Глава 10. Побѣгъ Лудовика XVI въ Монтмеди. Новое униженіе короны. - 252.

Соединеніе всѣхъ сторонъ не державшихся народной стороны для возвращенія Королю верховной власти. Побѣгъ Короля въ Монтмеди. Возвращеніе Короля въ столицу. Строгое письмо Буйлье въ Народное Собраніе.

Глава 11. Различныя произшествія до окончанія конституціи. - - - - - 259.

Перемѣна въ министерствѣ. Принятіе въ Пантеонъ Вольтера. Возмущеніе на Марсовомъ полѣ.

Глава 12. Объявленіе конституціоннаго Кодекса. Принятіе онаго Королемъ. Распущеніе Конституціоннаго Собранія. 262.

Окончаніе конституціоннаго Кодекса. Согласіе на оный Короля. Пильницкой договоръ. Опредѣленіе противъ клубовъ. Послѣднее засѣданіе Конституціоннаго Собранія.

Книга V.

Законодательное Собраніе.

Глава 1. Политическія дѣйствія въ Октябрѣ мѣсяцѣ. - - - - - - - - - 268.

Новое министерство. Первыя дѣйствія Собранія.

Глава 2. Краткое изображеніе происшествій до 1792 года. - - - - - - 271.

Новыя перемѣны въ министерствѣ. Его весьма унижаютъ. Смятенія и бунты, производящія раздоръ въ духовенствѣ. Петіонъ опредѣленъ Парижскимъ Меромъ. Славное объявленіе порядка засѣданія, напомянувшее Законодательному Собранію обязанности онаго.

Глава 3. Прѣніе Законодательнаго Собранія съ министерствомъ въ первые пять мѣсяцевъ 1792 года. - - - - - - - 279.

Бертрандъ Молевиль. Нарбонъ. Кайеръ Жервиль. Дюпортъ. Третръ. Лессартъ.

Глава 4. Война съ Императоромъ Леопольдомъ. - - - - - - - - - - 288.

Глава 5. Различныя произшествія, въ то же время случившіяся. - - - - - 289.

Начало министерства Дюмурье. Подметное письмо гос-

ложи Ламотъ на Королеву. Ненавистная баснь о Комитетѣ Австрійскомъ. Распущеніе гвардіи Лудовика XVI.

Глава 6. Бѣдствія Франціи въ первую революціонную войну. - - - - - - 295.

Глава 7. Новыя покушенія противъ престола. - - - - - - - - - - 297.

Паденіе Роланда и половины министерства. Оскорбленія королевскому величеству.

Глава 8. 20 Іюня. - - - - - - - 302.

Глава 9. Краткое изображеніе происшествій до великаго заговора 10 Августа. 309.

Опредѣленіе, подвергающее опасности отечество. Праздникъ федераціи. Воззваніе къ народу для спасенія отечества. Возобновленіе министерства. Волненіе въ Парижѣ. Новыя возмущенія. Планы для побѣга, данные Лудовику XVI.

Глава 10. Краткое обозрѣніе 10 дня Августа. - - - - - - - - - - 314.

Глава 11. Нещастія, слѣдующія за испроверженіемъ конституціоннаго престола. 321.

Плѣнъ Лудовика XVI. Возмущеніе Файетова войска. Ошибочныя мѣры сего Генерала. Его побѣгъ и бѣдствія. Учрежденіе чрезвычайнаго Уголовнаго суда. Графъ Монтморинъ задержанъ. Казнь Лапорта и Розоя. Опредѣленія о перемѣщеніи, противныя неконституціоннымъ священникамъ и полезныя цареубійцамъ.

Глава 12. Насилія Мѣщанства. Его распря съ Законодательнымъ Собраніемъ. 328.

Глава 13. Военныя произшествія. - 331.

Взятіе Лонгви. Взятіе Вердюня.

Глава 14. Предварительныя статьи разрыва съ Англіею. - - - - - - - 333.

Глава 15. Убійства въ Сентябрѣ. - 335.

Глава 16. Различныя происшествія до разрушенія перваго законодательства. 342.

Положеніе союзныхъ войскъ предъ Французскими Генералами. Конецъ похода 792 года. Новыя безпокойства Законодательнаго Собранія.

Конецъ оглавленія Десятаго Тома.